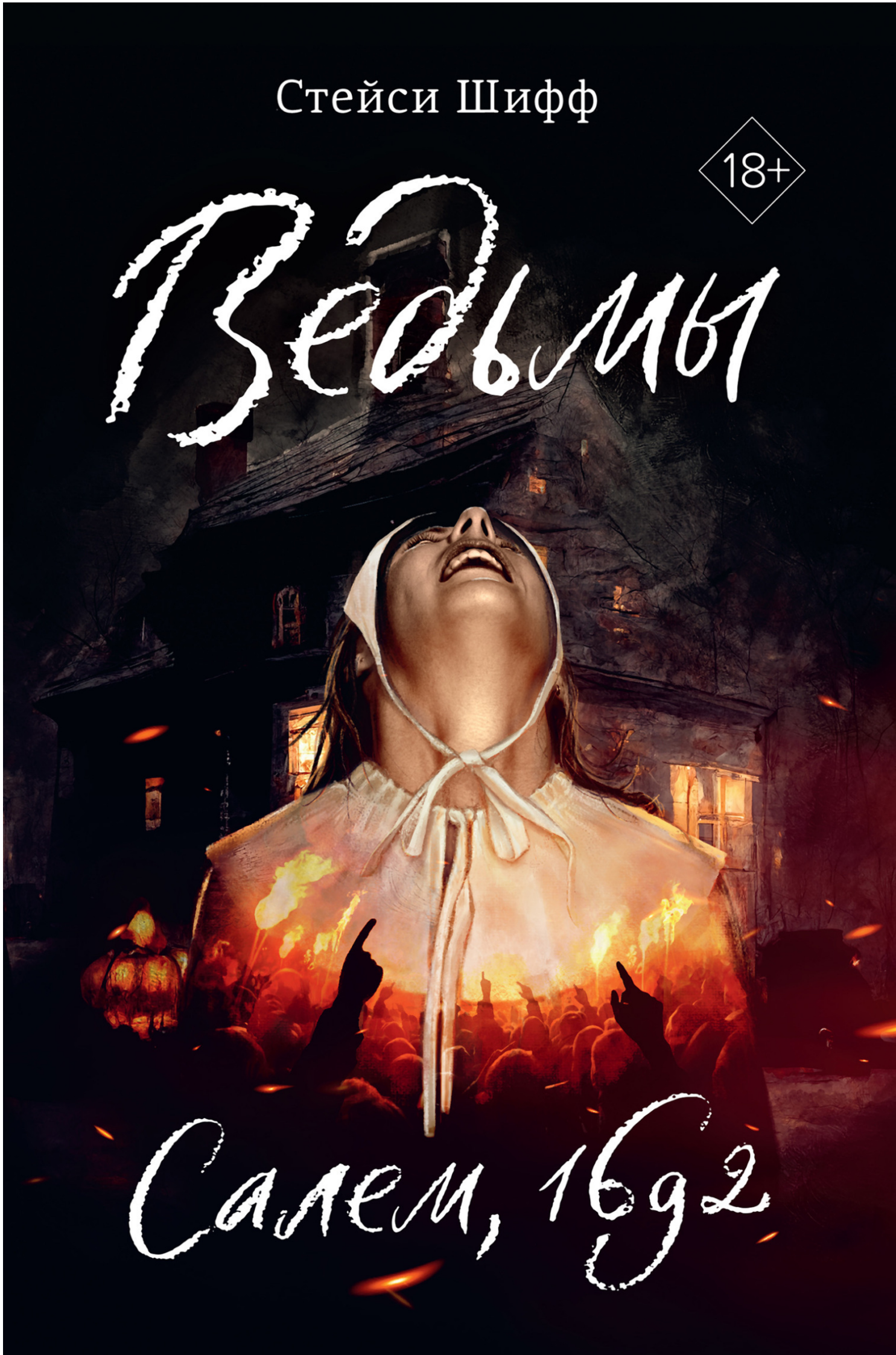

Стейси Шифф

18+

Ведьмы

Салем, 1692

Стейси Шифф
Ведьмы. Салем, 1692

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 94(73)"1607/1775"
ББК 63.3(7Coe)51

Шифф С.

Ведьмы. Салем, 1692 / С. Шифф — «Азбука-Аттикус», 2015

ISBN 978-5-389-24587-7

Эта история началась в штате Массачусетс необычно суровой зимой 1692 года, когда дочь местного священника вдруг стала кричать и биться в конвульсиях. Спустя год, когда все закончилось, 19 мужчин и женщин оказались мертвы. Спокойная пуританская колония превратилась в сцену, на которой разыгрывались по-настоящему ужасающие события. Охота на ведьм в Салеме — это последний отголосок Средневековья в наступившей новой эпохе, уникальное историческое событие, которое легло в основу многих фильмов и художественных романов, и, без сомнения, самый знаменитый ведьмовской процесс в мире. В нем были замешаны и простые жители, и известные политики Новой Англии: беда не обошла стороной никого — даже священник не избежал виселицы. Все ополчились друг на друга: соседи обвиняли соседей, родителей, детей друг друга. Что же это было — пережиток средневековых гонений, объявивший весь город массовый психоз? Стейси Шифф, выдающийся историк и блестящий рассказчик, лауреат Пулитцеровской премии, приоткрывает завесу тайн, на протяжении нескольких столетий окутывавших Салем. Впервые обстановка, сложившаяся в штате Массачусетс в конце XVII века, исследуется настолько глубоко и подробно, а преследование ведьм воссоздается настолько полно и психологически точно. В талантливом изложении Шифф салемские события предстают перед читателем настоящим детективным расследованием, одинаково важным для науки и увлекательным для широкого круга читателей.

УДК 94(73)"1607/1775"

ББК 63.3(7Coe)51

ISBN 978-5-389-24587-7

© Шифф С., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Действующие лица	7
1. Болезни потрясений	12
2. Старый искуситель	19
3. Творение чудес	36
4. Один из вас – диавол	55
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Стейси Шифф

Ведьмы. Салем, 1692

© Stacy Schiff, 2015

© Леоненко М. Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

Стейси Шифф использовала свои исключительные способности исследовательницы и писательницы для того, чтобы возродить старую, но бесконечно захватывающую историю об охоте на ведьм в Салеме в 1692 году. То, как она владеет деталями и мастерски устанавливает взаимосвязи, ее интуитивное понимание вовлеченных в судебный процесс людей – все это великолепно соединяется в образе грядущей человеческой трагедии. Книга оставляет после себя неизгладимый след. Это нулевая отметка. Это эмоционально мощно... Если история представляет собой путешествие во времени, то это исследование – путешествие, которое читатели никогда не забудут.

Джон Демос, историк, автор книг об охоте на ведьм

Из теней прошлого возникают молодые девушки, напыщенные проповедники, злоупотребляющие властью судьи, скорбящие родители и разгневанные соседи. Все они были вовлечены в ужасный процесс, которому, казалось, нет конца... Стейси Шифф подобралась к пониманию того, что происходило в Салеме и его окрестностях в 1692 году, настолько близко, насколько это возможно. Залы суда, улицы, церкви, фермы, таверны, спальни – все это стало, подобно театру, сценой, где переплелись гнев, тревога, горе и трагедия.

Дэвид Холл, профессор истории в Гарвардском университете, специалист по церкви Новой Англии

В руках Стейси Шифф история неизменно наполняется жизнью, светом, тенями, неожиданными фактами... и вот снова, снова то же самое в ее новой книге. Не многие авторы способны сочетать прекрасную образованность и необычайный литературный талант с изумительным кругозором и живостью ума. Это превосходная книга.

Дэвид Маккалоу, лауреат Пулитцеровской премии, автор книги «Братья Райт»

Это история о морали, навечно оставившая после себя неизгладимый след, лучший современный рассказ о Салемской истерии.

Меган Маршалл, исследовательница, лауреат Пулитцеровской премии

Посвящается Венди Белцберг

Действующие лица

В приходе и вокруг него

Джеймс Бэйли, первый пастор Салема в 1673–1679 годах. Свояк Томаса Патнэма; дядя скрюченной и визгливой Энн Патнэм – младшей.

Джордж Берроуз, 42 года, обворожительный, свободно мыслящий преемник Бэйли на деревенской кафедре в 1679–1683 годах. Уезжает из Салема внезапно; в 1692-м – пастор на границе Мэна. Отец семерых детей, воинственный и властный.

Деодат Лоусон, манерный красноречивый преемник Берроуза в 1684–1688 годах.

Сэмюэл Пэррис, 39 лет, опальный церковнослужитель, оказавшийся в самом центре дьявольского вторжения. Отец и дядя первых заколдованных девочек, хозяин первой признавшейся ведьмы; служил на салемской кафедре с 1688 по 1696 год. Жадный, непоколебимый, бестактный.

Семья Пэррис: Абигейл Уильямс, 11 лет, светловолосая племянница Сэмюэла, во время проповедей носится по комнатам и лает. Бетти Пэррис, 9 лет, единственная из отпрысков Пэррисов, страдавшая от симптомов колдовства; ни разу не пришла на слушания. Еще двое детей, сын 10 лет и дочь 4 лет, не подверглись влиянию, и их имен история не сохранила. Титуба, дружелюбная рабыня из коренных американцев¹, долгое время служила в семье, первой увидела дьявольский договор и сообщила о полетах по воздуху. Джон Индеец, еще один раб, несколько раз подвергся воздействию колдовских чар. Насколько известно, был мужем Титубы. Элизабет, жена пастора, уроженка Бостона, около 44 лет, подверглась воздействию в конце лета.

Кое-кто еще из жителей Салема

Иезекиль Чивер, 37 лет, портной и фермер, периодически также судебный репортер и обвинитель.

Уильям Григс, 71 год, врач, в поселении недавно, близкий друг Патнэма.

Бенджамин Хатчинсон, 20 с небольшим лет, приемный сын владельца таверны Натаниэля Ингерсола. Храбро и без оглядки насаживает призраков на вилы и рапиру.

Ханна Ингерсол, около 60 лет, жена владельца таверны и соседка пастора.

Натаниэль Ингерсол, 60 лет, лейтенант ополчения, один из первых священников поселения; владелец таверны, где имели место слушания, обвинения, собрания судей и поножовщина с призраками, а также роились мириады слухов. Близкий друг Патнэма и Пэрриса.

Фрэнсис Нёрс, 74 года, выдавший виды и непреклонный муж обвиненной ведьмы Ребекки Нёрс. Был недоволен пастором задолго до кризиса.

Батшева Поуп, 40 лет, матрона, подвергшаяся колдовскому воздействию. Прерывает проповеди, швыряет в ответчицу ботинок, левитирует в суде.

Томас Патнэм, 40 лет, сержант ополчения и ветеран войны короля Филипа. Судебный писарь, приходский секретарь, убежденный сторонник Пэрриса. Живет с четырьмя жертвами колдовства. Выдвигает первые обвинения и инициирует почти половину остальных.

Эдвард Патнэм, 38 лет, младший брат Томаса, церковный дьякон. Подписывает первые обвинения в колдовстве.

¹ Среди исследователей существуют разные точки зрения насчет ее происхождения. Так, есть мнение, что Титуба и ее муж Джон были индийцами. – *Прим. ред.*

Мэри Сибли, 32 года, беременная равнодушная соседка пастора. Придумывает печь «ведьмины пирожки» в домовладении Пэррисов и руководит процессом.

Джонатан Уолкотт, 53 года. Капитан местного ополчения и шурин Патнэма, отец Мэри.

Главные обвинители

Сара Биббер, 36 лет, вздорная и назойливая матрона. В зале суда ее колют булавками.

Сара Чёрчилль, около 20 лет, беженка и служанка в доме Джейкобсов. Безуспешно пытается отречься от своих показаний. Дальняя родственница Мэри Уолкотт.

Абигейл Хоббс, 14 лет, упрямая, неуправляемая девочка из Топсфилда, раньше была служанкой в Мэне. Вторая признавшаяся ведьма, после признания присоединяется к обвинителям. Отправляет в тюрьму обоих родителей.

Элизабет Хаббард, 16 лет, сирота, служанка в доме дяди, доктора Григса. Одна из пяти самых активных обвинительниц.

Мерси Льюис, 19 лет, дважды беженка, сирота. Была служанкой у Берроузов в Мэне, в 1692 году служит у Патнэмов в Салеме. Безошибочно узнает невидимых нападающих, дает наиболее подробные свидетельские показания. Известна как «девочка-провидица».

Энн Патнэм – младшая, 12 лет, старшая из шестерых детей в семье. Может предвидеть события будущего и вспоминать события, произошедшие до ее рождения. Единственная обвинительница, живущая дома с обоими родителями.

Энн Патнэм – старшая, около 30 лет, мать младшей Энн, беременная и набожная. Обездвижена духами и ведьмами. Впадает в транс, однажды ее пришлось выносить из зала суда.

Сюзанна Шелден, 18 лет, дважды сбегала из Мэна. Своими глазами видела ужасы, творимые индейцами; недавно похоронила отца. Способна раскрывать убийства.

Мэри Уолкотт, 16 лет, дочь капитана местного ополчения, живет вместе со своими кузенами из семейства Патнэм. Также племянница Ингерсола. Обвиняет в колдовстве минимум семьдесят человек – намного больше, чем кто-либо другой.

Мэри Уоррен, 20 лет, сирота, беженка, служанка в доме Проктеров. Подверглась колдовскому воздействию, была обвинена, затем снова подверглась воздействию. Поразительно хороша собой. Подвергается чрезмерным кровавым пыткам в зале суда.

Некоторые из обвиняемых

Джон Олден, около 65 лет. Изворотливый торговец мехом из Бостона, офицер ополчения, капитан дальнего плавания. Давний партнер салемского купца Бартоломею Гедни, прихожанин Уилларда; друг и сосед Сэмюэла Сьюэлла.

Уильям Баркер, 46 лет, закредитованный фермер с хорошо подвешенным языком.

Бриджет Бишоп, 50 с небольшим лет, салемская вдова, воинственная провокаторша без тормозов. В суде ее перепутали с жительницей Салема Сарой Бишоп.

Марта Кэрриер, под 40 лет, грубая многодетная мать. Задолго до 1692 года легко могла претендовать на титул «царицы ада». Презрительно называла тех, кто подвергся колдовству, обезумевшими. Первая арестованная ведьма из Андовера.

Ричард Кэрриер, 18 лет, и Эндрю Кэрриер, 16 лет. Крепкие сыновья Марты, оба подверглись пыткам, после чего Ричард называет больше пособников дьявола, чем любой другой из признавшихся.

Элизабет Кэри, 40 с небольшим лет. Жена отважного судостроителя из Чарлстауна. Приплывает в Салем, чтобы обелить свое имя; уезжает в кандалах.

Сара Клойс, 44 года. Невезучая младшая сестра Ребекки Нёрс. Прихожанка деревенской церкви, свойственница Дейна по первому браку.

Элизабет Колсон, 16 лет. Дерзкая девушка из Рединга; единственная среди подростков избежала ареста, пусть и временно.

Джайлс Кори, около 70 лет, бесстрашный задиристый фермер. Сначала обвиняет свою жену, а в итоге оказывает сопротивление суду.

Марта Кори, около 60 лет, третья жена Джайлса. Несгибаемая, упрямая, догматичная. Совершает своеобразное турне по тюрьмам Массачусетса.

Филип Инглиш, 42 года, урожденный Филипп л'Англау, прямолинейный пронырливый выходец из Джерси. Невероятно успешный иммигрант-предприниматель. Богатейший купец в Салеме, недавно избранный членом городского управления.

Мэри Инглиш, около 40 лет. Его жена, дочь известного салемского купца и женщины, в свое время обвиненной в колдовстве. Бежит вместе с мужем.

Мэри Эсти, 58 лет. Добросердечная мать семерых детей из Топсфилда, самая младшая из трех сестер Таун. Очаровывает даже своих тюремщиков.

Энн Фостер, около 70 лет. Тихая вдова, мать 22-летней убитой, теща казненного убийцы. Одна из первых улавливает намеки на подозрительные полеты и связывает их с дьявольскими шабашами.

Сара Гуд, 38 лет. Местная нищенка, замкнутая, воинственная, неопрятная. Первая допрашивается по подозрению в ведьмовстве. Мать пятилетней обвиняемой.

Доркас Хоар, 58 лет, вдова. Прорицательница и интриганка, талантливая мелкая воровка. Выглядит чужаковато, дети страшно ее боятся.

Элизабет Хау, 50 с небольшим лет. Примерная жена слепого фермера из Топсфилда. Родственница Дейнов, Кэрриеров и Нёрсов. Давно подозревается в ведьмовстве.

Джордж Джейкобс, бойкий и общительный неграмотный престарелый фермер.

Маргарет Джейкобс, 17 лет, его разговорчивая эмоциональная внучка. Признается, потом отказывается от своих показаний, много плачет в салемском подземелье.

Мэри Лэйси – младшая, 18 лет. Считает себя непокорной дочерью. Очень словоохотлива, имеет склонность актерствовать.

Мэри Лэйси – старшая, 40 лет, мать младшей Мэри и дочь Энн Фостер.

Сюзанна Мартин, 71 год. Миниатюрная вдова из Эймсбери, суровая и хладнокровная. В 1669 году обвиняется в ведьмовстве, но в том же году обвинения снимаются.

Ребекка Нёрс, 71 год. Практически глухая, слабая здоровьем, чувствительная старушка. Оказывается самым крепким орешком для обвинения.

Сара Осборн, около 50 лет. Хрупкая женщина, одна из трех первых подозреваемых. Вовлечена в долгую тяжбу со своими свойственниками Патнэмами.

Элизабет Проктер, 41 год. Беременная мать пятерых и мачеха шестерых детей. Темпераментная, очень любит читать. Внучка одной подозреваемой в 1669 году в ведьмовстве женщины.

Джон Проктер, 60 лет. Ее пожилой смелый на язык муж, грубоватый фермер и владелец таверны. Убежден, что подвергшиеся колдовству должны быть повешены. Первый мужчина, обвиненный в 1692 году в колдовстве.

Мэри Тутейкер, 44 года. Вдова обвиненного колдуна из Биллерики. Задумчивая, искренняя, запуганная. Сестра Марты Кэрриер, племянница преподобного Дейна.

Сэмюэл Уордуэлл, 49 лет. Незадачливый предсказатель будущего, плотник, из числа самых безнадежных налогоплательщиков Андовера. Делает красочное признание, потом от него отрекается. Отец семерых детей.

Сара Уайлдс, около 65 лет. «Заклинательница сена», жена плотника из Топсфилда. Также обвинялась шестнадцатью годами ранее. Мать городского констебля.

Джон Уиллард, около 30 лет. Помощник сельского констебля, бывший батрак Патнэмов. Муж-абыюзер, объект ненависти родственников жены.

Представители власти

Дадли Брэдстрит, 44 года, сын бывшего губернатора поселения. Пользующийся авторитетом гражданин Андовера, мировой судья, член городского управления, член совета 1692 года. Инициатирует ряд арестов ведьм и бежит, когда сам становится обвиняемым.

Джордж Корвин, 26 лет. Предприимчивый старший шериф округа Эссекс. Племянник двух судей по делу о колдовстве и зять третьего.

Джонатан Корвин, 52 года. Городской предприниматель, оптовый торговец алкоголем. Давний соратник Хэторна и опытный мировой судья. Постоянный участник процессов. Связан через жену с Уинтропом, Хэторном и Серджендом.

Томас Данфорт, 69 лет, землевладелец из Чарлстауна. Отменил один обвинительный приговор в более раннем деле о колдовстве. Проводит первый в 1692 году допрос колдунов. Выявляет самые ранние сообщения о собраниях ведьм. В конце концов выступает против процессов.

Бартоломею Гедни, 52 года. Рисковый владелец лесопилки, предприниматель. Уважаемый в городе врач, чиновник, майор ополчения. Родственник Корвинов.

Джон Хэторн, 51 год. Высокомерный и устрашающий преуспевающий местный судья. Потомок одной из первых салемских семей. Родственник Патнэмов.

Джордж Херрик, около 30 лет. Красавчик из хорошей семьи, заместитель шерифа Салема, по профессии – мебельщик. Весь 1692 год занимается задержанием и перевозкой ведьм.

Джон Хиггинсон – младший, 46 лет. Старший сын преподобного Хиггинсона, офицер ополчения, занимается рыболовным бизнесом. Только что назначен мировым судьей. Допрашивает ведьм.

Сэр Уильям Фипс, 41 год. Необразованный, изобретательный, задиристый капитан дальнего плавания и путешественник. Только что назначен губернатором Массачусетса.

Джон Ричардс, 67 лет. Старейший из судей. Является родственником трем своим коллегам. Ходатайствует о возглавлении процесса. Бостонский торговец, казначей Гарварда, основной покровитель Мэзера.

Натаниэль Солтонстолл, 53 года, новый член суда. Считается «самым популярным и принципиальным» офицером Массачусетса.

Питер Сердгент, 45 лет. Сказочно богатый бостонский торговец, судья ведьм. Предоставляет займы в Массачусетсе, владеет похожим на дворец домом. Деловой партнер Сэмюэла Сьюэлла.

Сэмюэл Сьюэлл, 40 лет. Бостонский добродушный, умудренный опытом толстячок, чувствительный и набожный. Самый молодой член суда, родной брат судебного секретаря.

Стивен Сьюэлл, 35 лет. Судебный секретарь и архивариус. Салемский торговец, офицер ополчения. Берет под стражу заколдованную Бетти Пэррис.

Уильям Стаутон, 60 лет. Председатель суда, назначенного для заслушания и решения, крупный накрахмаленный джентльмен с маленькими глазками. Весьма проницательный, отлично разбирается в теологии. Самый авторитетный из представителей судебной власти Новой Англии. Торгует земельными участками, убежденный холостяк.

Уэйт Стилл Уинтроп, 51 год. Внук Джона Уинтропа, основателя Колонии Массачусетского залива. Генерал-майор, влиятельный землевладелец. Аполитичен, следит за модой, госслужащий против собственной воли. Близок к Сэмюэлу Сьюэллу, доверенное лицо Мэзера.

Церковнослужители

Томас Барнард, 34 года. Впечатлительный ортодокс из Андовера, помощник пастора. Организует испытание касанием.

Фрэнсис Дейн, 76 лет. Занимает пост главного пастора Андовера с 1648 года. Осторожен в вопросах ведовства; властный и бескомпромиссный, не окончил школу.

Джон Хейл, 51 год. Уроженец Чарлстауна, пастор Беверли, дружелюбный и сдержанный. Очарован слушаниями и самой механикой колдовства. В детстве стал свидетелем первого повешения ведьмы в Массачусетсе. Свойственник Нойеса.

Джон Хиггинсон, 76 лет. Тридцать третий год на салемской кафедре. Трезвомыслящий, хорошо говорит, пользуется огромным уважением.

Коттон Мэзер, 29 лет. Сын Инкриза Мэзера и помощник пастора во второй Бостонской церкви. Поступил в Гарвард в 11 лет, в 18 получил степень магистра теологии. Восходящая звезда новоанглийского духовенства, находчивый, блестящий, преуспевающий; непревзойденный собеседник.

Инкриз Мэзер, 53 года. Пастор второй церкви с 1664 года. Самый выдающийся священник и интеллектуал Новой Англии. Президент Гарварда с 1685 по 1701 год. Создатель новой хартии поселения.

Джошуа Муди, 59 лет. Пастор первой Бостонской церкви, школьный приятель Уилларда. Твердо верит в колдовство, однако суд Стаутона его не убеждает. Помогает обвиненным бежать.

Николас Нойес, 45 лет. Школьный приятель Берроуза по Гарварду, помощник Хиггинсона. Грузный веселый холостяк, автор убийственных стихов. Ближайший друг Сэмюэла Сьюэлла в Салеме.

Сэмюэл Уиллард, 52 года. Пастор третьей церкви. Эрудированный, дипломатичный, трезвомыслящий, осмотрительный. Считается одним из самых влиятельных бостонских священнослужителей наравне с Мэзерами.

Некоторые скептики

Томас Брэттл, 34 года. Ученый и логик. Прекрасно образован, холостяк, сочувствует англиканам. Недавно вернулся из поездки в Англию, где в основном проводил время в компании Сэмюэла Сьюэлла. Посещает разнообразные слушания в Салеме.

Роберт Калеф, 44 года. Бостонский торговец текстилем, не лишен остроумия. Посещает заседания и присутствует как минимум на одном повешении. Впоследствии – главный антагонист Мэзеров.

Томас Мол, 47 лет. Задиристый, остроумный салемский лавочник. Выдвигает обвинение в адрес Бишоп; в дальнейшем – квакер и убежденный критик процессов.

Уильям Милборн, около 50 лет. Возмутитель спокойствия, раньше жил на Бермудских островах, а ныне – баптистский пастор с опытом судебной работы. Арестован за бунт.

Роберт Пайк, около 75 лет. Член совета и капитан ополчения, лидер города Солсбери. Резок в высказываниях; вероятно, первое официальное лицо, выразившее озабоченность по поводу процессов.

Джон Уайз, 40 лет. Пастор Ипсвича, ровесник и гарвардский приятель Пэрриса. Бесстрашный, притягательный, красноречивый. Местный герой; отсидел в тюрьме за протесты против злоупотреблений властей.

1. Болезни потрясений

Мы не будем шарлатанить и станем заявлять прямо, что на этом свете ничего не разберешь. Всё знают и всё понимают только дураки да шарлатаны [1].

А. П. Чехов

В 1692 году в Колонии Массачусетского залива за колдовство казнили четырнадцать женщин, пятерых мужчин и двух собак. Колдовство имело место в январе. Первая казнь через повешение состоялась в июне, последняя – в сентябре; затем воцарилось потрясенное молчание. Тех, кто пережил этот разгул мракобесия, смущали не столько ведьмовские козни, сколько неуклюжее отправление правосудия. Очевидно, среди повешенных были невинные; виновные же избежали наказания. Никто не божился помнить о случившемся вечно – более уместным казалось предать эти девять месяцев забвению. И это сработало – на время. С тех пор мы несем в себе Салем как национальный кошмар, перезрелую газетную сенсацию, страшный эпизод из прошлого. Его огонек потрескивает и подмигивает, пробиваясь сквозь толщу американской истории и литературы.

Никого не сожгли на костре. Ни одной повитухи не погибло. Вуду пришло в США позже, вместе с одним историком XIX века [2]; раб-мулат – вместе с Лонгфелло²; колдовские ритуалы в лесу – с Артуром Миллером (в фильм потом добавили цыплячью кровь и кипящий котел)³. Эрудиция играет в этой истории более важную роль, чем невежество. Однако пятьдесят пять человек признались в ведьмовстве. Был повешен пастор. И хотя мы никогда не узнаем точного числа формально обвиненных в «лукавом и злонамеренном» участии в магических ритуалах [3], до того, как кризис пошел на спад, в двадцати пяти деревнях и городах выявили от 144 до 185 ведьм и колдунов. Сообщалось, что небо над Массачусетсом тогда рассекали порядка семисот ведьм. Обвиненных было так много, что свидетели путались в своих колдуньях. Даже один весьма дотошный летописец впоследствии отправил в злополучный полет совершенно не ту женщину [4].

Самой молодой ведьме было пять, самой старой – под восемьдесят. Дочь обвинила свою мать, которая обвинила свою мать, которая обвинила соседа и пастора. Жена и дочь донесли на своего мужа и отца. Мужья приплетали к делу жен, племянники – тетю, зятю – тещу, братья и сестры – друг друга. Лишь отцы и сыновья выбрались из шторма без потерь. Женщину, приехавшую в Салем, чтобы защитить свое доброе имя, заковали в кандалы в тот же день, еще до захода солнца. В Андовере – самом пострадавшем из поселений – обвиненным оказался каждый пятнадцатый житель. Главный пастор города неожиданно выяснил, что находится в родстве по меньшей мере с двадцатью ведьмами. Духи вылетали из могил, дабы курсировать по залу суда во всех направлениях, что нервировало присутствовавших даже больше, чем сами ведьмы. Возникали вопросы, отвечать на которые было страшнее всего: а кто плетет заговор против тебя лично? Можно ли быть ведьмой и не знать этого? [5] Может ли невинный быть виновным? Может ли хоть кто-то, спрашивали себя к концу лета мужчины, чувствовать себя в безопасности?

Как получилось, что идеалистическая Колония Массачусетского залива всего через три поколения после своего основания превратилась в такое мрачное место? Загадка Салема породила почти столько же теорий, сколько убийство Джона Кеннеди [6]. Нашу первую тру-крайм

² Американский поэт Генри У. Лонгфелло был убежденным аболиционистом, его перу принадлежит цикл стихотворений «Песни о рабстве». – *Прим. перев.*

³ Драматург Артур Миллер в 1953 г. написал пьесу о салемских процессах «Суровое испытание», которая впоследствии была дважды экранизирована. – *Прим. перев.*

историю пытались объяснить поколенческими, сексуальными, экономическими, духовными и классовыми разногласиями; региональными конфликтами, привезенными из Англии; пищевыми отравлениями; теплолюбивой религией в холодном климате; подростковыми истериками; махинациями, налогами, заговорами; политической нестабильностью; травмирующими последствиями нападений индейцев; наконец, настоящим колдовством. И все вышеперечисленное – в числе самых адекватных теорий⁴. Можно винить атмосферные явления, или проще – погоду: так исторически сложилось, что вспышки обвинений в колдовстве обычно происходили в конце зимы. За все это время в ролях злодеев побывали самые разные актеры, некоторые выглядели убедительнее других. Жители Салема тоже пытались объяснить себе, зачем констебль с ордером на арест стучится в ту или иную дверь. Им картина виделась ненамного более ясной, чем нам сегодня. Она включала невидимые хороводы приходов и расходов, тихую неприязнь, долго тлевшую вражду и полузабытые обиды. Уже тогда кое-кто догадывался, что Салем – история с двойным дном. И большая часть подтекста теперь утеряна для нас, как соль шуток у Шекспира.

Салем, короткий триумф террора, – редкий эпизод в просвещенном прошлом Соединенных Штатов, когда разом погасли все свечи и люди блуждают в потемках. Именно в таких условиях берут начало хорошие истории. Их легко осмеять (только у этой трагедии появился собственный ежегодный праздник, хотя и не имеющий к ней прямого отношения), но сложнее понять. Нас неумолимо притягивает эта «тайна запертой комнаты». За триста лет мы практически ничего не узнали про эти девять месяцев в истории Массачусетса. Знай мы о Салеме больше, возможно, меньше бы уделяли ему внимания – это как-то связано с той мучительной загадкой, от которой вспыхнула изначальная боязнь ведьм. Что-то тревожит нас по ночам. Иногда совесть. Иногда секреты. Иногда страхи, переведенные с одного языка на другой. Нередко тем, что мучает нас, и кусает, и скребет, и царапает, и режет, и душит – например, ведьма из XVII века, – оказывается никак не складывающийся пазл, оставленный в соседней комнате.

Население Новой Англии 1692 года сегодня уместилось бы на стадионе «Янки». Почти все эти люди были пуританами. Семьи, пострадавшие за веру, уплыли в Северную Америку, чтобы там почитать бога «в большей чистоте и меньшей опасности, чем в собственной стране», по словам одного пастора, находившегося в самом центре событий [8]. Они считали Реформацию неоконченной, а англиканскую церковь – недостаточно целомудренной. В Северной Америке они намеревались завершить свою миссию. Они считали себя посланцами Бога и надеялись дать начало новой истории: им выпал шанс построить с нуля цивилизацию, «новый английский Израиль», как назвал это некий священнослужитель в 1689 году [9]. Непримириемые протестанты, они оказались дважды раскольниками, дважды революционерами. Это не прибавляло им популярности на родине. Они вносили смуту и разногласия, имели твердое мнение, пылали праведным гневом. Как все изгои, они отождествляли себя с нанесенными им обидами [10]. Именно им Новая Англия будет обязана своим решительным характером, а Америка, как утверждается, – своей независимостью. Ревностные кальвинисты, они проделали большой путь, чтобы по-своему проводить религиозные обряды, и были крайне нетерпимы к тем, кто придерживался иных порядков. Они были пылкими, беспокойными, беззастенчивыми, безнадежно логичными, не совсем американцами. Они представляли самую однородную культуру из когда-либо существовавших на этом континенте.

Конечно, приезжий преувеличивал, когда писал, что жители Новой Англии не могли «заключить сделку или пошутить, не обратившись к Святому Писанию» [11]. Но не то чтобы он был так уж далек от истины. Если в доме имелась книга – а она почти всегда имелась, – то

⁴ Большинство из них не до конца оформлены. Как признал один сторонник теории реального колдовства, «американские университеты в XX в. могут похвастаться долгой и лютой междоусобной враждой, которая ничуть не уступает салемским распрям. Враждующие предъявляют друг другу самые нелепые обвинения, но колдовства среди них все-таки нет» [7]. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. авт.*

это была Библия. Первые американские поселенцы Нового времени думали, дышали, мечтали, воспитывали, торговали и бредили библейскими словами и образами. Судья Сэмюэл Сьюэлл ухаживал за привлекательной вдовой, зачитывая ей опубликованные проповеди. Она сдерживала его натиск с помощью апостола Павла⁵. Ругая сограждан, которые скорее заморят его голодом, нежели станут платить ему жалованье, вице-губернатор Нью-Гемпшира цитировал «К коринфянам». Его оппоненты отбивались Евангелием от Луки. Иоанн Креститель легко мог возникнуть в горячем земельном споре в Кембридже. Заключение, выступая в свою защиту, обращался к стиху 19: 19 Второзакония. А когда ночью в ваше окно влетала кошка-убийца, вцеплялась вам в горло и царапала грудь, пока вы, беззащитный, лежали в постели, вы гнали ее прочь, призывая Отца, Сына и Святого Духа. Тварь тут же спрыгивала на пол и удирала обратно через окно, а вы понимали, что это на самом деле был ваш сосед-склочник, обратившийся зверем. К такому же заключению приходил и колесник из соседней деревни, когда одним дождливым ветреным вечером после заката на него набрасывалась черная псина. Топор в его руке был здесь бессилён: лишь имя Божье спасало ему жизнь.

Новый мир копировал старый, но с существенными поправками. Простершееся от острова Мартас-Винъярд до полуострова Новая Шотландия и включавшее в себя части сегодняшних штатов Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гемпшир и Мэн, это библейское сообщество лежало на границе с дикими неосвоенными территориями. С самого начала оно боролось с другой напастью американского бытия – дьявольским дикарем, смуглолицым террористом – на собственном заднем дворе. Даже наименее изолированные аванпосты поселения ощущали свою уязвимость. Буря сорвала крышу с одного из лучших салемских домов, пока десять его обитателей мирно спали. Церковь взмыла в воздух вместе с прихожанами [12]. Первые поселенцы жили не только на границе, но и как бы в безвременье. Здесь какой-нибудь иноземный монарх мог умереть и в следующую же минуту воскреснуть – так ненадежны были источники информации. Жители Массачусетского залива не всегда знали, кто сидит на троне, которому они присягали на верность. В 1692 году они не знали полномочий собственного правительства и жили так в течение трех лет: хартия, подписанная в конце 1691 года, все еще плыла к ним через океан. Три месяца в году они не были уверены, какой нынче год: папа римский утвердил григорианский календарь, а в Новой Англии его не принимали, продолжая упрямо считать началом нового года 25 марта (когда салемские ведьмы начали нападать на первых жертв, в Северной Америке был 1691-й, а в Европе – 1692 год).

В удаленных поселениях, в сумрачных, плохо освещенных домах с чадящими свечами граждане Новой Англии жили по большей части во тьме – а во тьме всегда вслушиваешься напряженнее, ощущаешь острее, представляешь живее. Во тьме сакральное и сверхъестественное расцветает пышным цветом. Их страхи и фантазии мало отличались от наших, пусть даже те ранние американские ведьмы походили на сегодняшних старух в остроконечных шляпах, как сомалийские пираты походят на капитана Крюка из «Питера Пэна». Однако их тьма была совершенно особенной [13]. Небо над Новой Англией было чернее воронова крыла, черным как смоль, библейски черным⁶ – таким черным, что ночью трудно было не сбиться с дороги, а деревья легко перемещались в пространстве. Таким черным, что вы вдруг обнаруживали, что за вами гонится бешеный черный кабан, и приползали домой на четвереньках, окровавленный и потерянный. Конечно, очки были не очень популярны в Массачусетсе XVII века. А пили там в основном крепкий сидр. И все же вдумчивый, набожный, образованный житель Новой Англии нес порой в салемском суде такое, что впору было заподозрить его в злоупотреблении каким-то наркотическим веществом весьма низкого пошиба.

⁵ Чтобы подготовить свою семнадцатилетнюю дочь к встрече с потенциальным женихом, Сьюэлл читал ей историю Адама и Евы. Эффект был гораздо менее успокаивающим, нежели ожидалось: девушка спряталась от кавалера в стойле.

⁶ В оригинале Bible black – это поэтическое выражение, которое восходит к работе валлийского поэта Дилана Томаса «Под сенью молочного леса» (Under Milk Wood). – *Прим. ред.*

Во всей Новой Англии трудно было найти нескольких человек, не считавших сверхъестественное чем-то по-настоящему реальным, такой же неотъемлемой частью культуры, как и сам дьявол. У большинства имелись истории из личного опыта – как и у многих из нас сегодня. Мы все сталкивались с необъяснимым, даже если и не признаёмся себе в этом. Через год после кризиса с ведьмами Коттон Мэзер в числе других наиболее начитанных людей Америки посетил Салем. Там он потерял записи своих проповедей, которые обнаружились спустя месяц, разметанные по улицам соседнего поселения. Мэзер решил, что украли их сподвижники дьявола [14]. Человек больше не сомневался в реальности волшебства, как не сомневался в буквальной точности и абсолютной правдивости Писания – не верить в это означало не верить в восход или закат солнца. А колдовство служило чрезвычайно важной цели. Раздражение, смущение, унижение – все растворялось в его кипящем котле. Оно придавало смысл неудачам и суевериям, прогоркшему маслу, болезни ребенка и кошке-убийце. Что же еще, пожимал плечами муж, могло оставить черно-синие пятна на руке его жены?

Каким-то напастям, одолевавшим поселенцев Новой Англии, мы можем сегодня дать объяснение. Каким-то – нет. В свое время мы верили в кучу сказок: в зубную фею, холодный ядерный синтез, пользу курения, бесплатный обед, – чтобы обнаружить впоследствии, что ничего из этого не существует. Мы все до определенного момента находимся в плену абсурдных убеждений, даже не подозревая об этом. Мы все иногда предпочитаем вымысел правде, отказываемся от явного доказательства в пользу фантастической идеи, совершаем безумные поступки во имя здравого смысла, делаем соблазнительный шаг от праведности к фарисейству, топим свою личную вину в общественном колоде, предаемся маленьким заблуждениям. Каждый из нас хотя бы раз считал, что кому-то больше нечем заняться, кроме как тратить время на плетение против нас интриг. XVII век полнился необъяснимым, совсем как невероятно автоматизированный, познавший человеческий мозг, научно подкованный двадцать первый.

Хотя мы и не склонны думать, что темные силы крадут наши бумажки, мы сталкиваемся со странностями каждый день – и нам это нравится. Нам нравятся истории о том, как молния, ударившая в молящегося, испепелила книгу Откровение, но не тронула остальную Библию [15]. Даже те из нас, кто не имеет отношения к пуританам, подвержены «болезням потрясений», как называл это Мэзер [16]. Наша потребность в чуде никуда не делась. Мы по-прежнему желаем, чтобы рядом существовало нечто непознаваемое. Мы надеемся обнаружить у себя скрытую силу – типа рубиновых башмачков Дороти, тайну которых открывает ей добрая фея Глинда. А когда дело касается женщин, желательно, чтобы подобная сила проявлялась исключительно в кризисных ситуациях: лучшая героиня – неожиданная героиня. До и после судебных процессов Новая Англия кормилась легендами о бесстрашных дамах, о доблести, проявляемой ими в схватках с индейцами. Эти «рассказы пленниц» стали чем-то вроде шаблона для историй о ведьмах. У каждого есть свой «рассказ пленника»: сегодня мы называем это мемуарами. Порой мы оказываемся еще и пленниками своих фантазий. Салем – отчасти история о том, что происходит, когда вопросы без ответов сталкиваются с ответами без вопросов.

Салемский кризис с его людьми-трансформерами, полетами на метлах, безумными желаниями, затравленными рабами, злобными мачехами, заколдованным сеном и заговоренными яблоками напоминает и другой жанр тех времен: волшебную сказку. В одной такой сказке действие происходит в чаще, куда охотник везет вас, чтобы вырезать легкие и печень, а до дому вас провожают волки. Салем повествует о нереальном, но не о неправдивом: он замешан на неисполненных желаниях и невысказанных тревогах, волнующих сексуальных подтекстах и первобытном ужасе. Он разворачивается в той самой заманчивой плоскости, которая лежит между сверхъестественным и абсурдным. В Новой Англии и раньше проходили суды над ведьмами, но ни один из них не имел дела со стойкой одержимых девчонок подросткового и предподросткового возраста. Салем, как и положено волшебной сказке, – история, где главные роли играют женщины: решительные командирши и покорные рабыни, благонравные матроны и каприз-

ные юницы. В одном только количестве обвиненных женщин кроется тихий намек на тревожащую женскую силу. Несколько юных бесправных девочек спровоцировали кризис, разбудивший силы, которые никто не смог взять под контроль, и это до сих пор нас беспокоит. Может быть, это в какой-то мере объясняет, почему мы превратили историю о женщинах в опасности в историю об опасных женщинах. А может быть, и нет.

Женщины играют в сказках роль злодеек – а как еще вас назвать, если вы вдруг седлаете символ скромного домашнего труда и улетаете черт знает куда, поправ все нормы морали и законы природы? Но эти сказки – тоже территория молодых. Салем каждым своим нервом связан с взрослением, с тем неукротимым возрастом, когда мы, ранимые и непобедимые, беспечно скачем по узкой границе рационального и нерационального, когда страшно волнует и духовное, и сверхъестественное. Кризис начался с двух девочек предпубертатного возраста и быстро перекинулся на подростков, околдованных людьми, которых большинство из них никогда не встречали. Девочки жили в деревне, бьющейся за автономию от города; в колонии, которая сама проходила через муки взросления. Годами Корона пыталась навязать Новой Англии свою королевскую волю, и самые последние из этих попыток жители Массачусетса – включая почти всех будущих судей на процессах – пресекли. У них было немало поводов требовать у Англии защиты от набегов индейцев и коварства французов. Но, жалуясь на свою уязвимость как «сиротливой плантации», поселенцы при этом сопротивлялись любому контролю. Они с самого начала готовились к вмешательству в свои дела, клялись противостоять ему, когда настанет час, и почувствовали себя оскорбленными, когда час-таки настал. Отношения с метрополией превратились в непрекращающуюся перебранку. В какой-то момент казалось, что те, кто должен был защищать колонистов, на самом деле их преследовали. Лондон же, наоборот, считал колонистов «капризными недотрогами» [17]. Власти Массачусетса страдали еще одним тревожным расстройством, сыгравшим свою роль в 1692 году. Всякий раз, оглядываясь в восстание на людей, основавших их богоугодную общину, всякий раз, воздавая хвалу величайшему из поколений, сами они словно чуточку уменьшались.

Историческая правда проявляется только со временем. В случае с Салемом она выплывает из тьмы веков крайне неохотно, к тому же несколько видоизмененная. Пуритан, обожавших записывать всё и вся, сложно заподозрить в забывчивости. Однако в середине 1692 года, если верить дошедшим до нас архивам, никто в Массачусетсе не вел дневников, даже самые заядлые авторы дневников. «Полный свод божественного» авторства преподобного Сэмюэля Уилларда – сочинение настолько объемное, что ни один печатный станок в Новой Англии не мог его напечатать, – демонстрирует весьма красноречивый пробел в записях с 19 апреля по 8 августа. При этом Уиллард не опустил ни одного месяца в 1691 или 1693 году. Почтенный салемский пастор [18] пишет тем летом своему старшему сыну, что его сестру бросил ее убогий муж. Но не упоминает, что она, кроме того, задержана по подозрению в колдовстве. Поднимающийся по карьерной лестнице двадцатидевятилетний Коттон Мэзер в основном живет в Бостоне, но впоследствии так много настроит о Салеме, что буквально впишет себя в историю. Большую часть своего дневника в 1692 году он составит уже постфактум. Салем дошел до нас обезображенный XVII веком и додуманный девятнадцатым. А мы склонны расчесывать свой национальный шрам, оставленный несправедливым правосудием, с разной степенью энтузиазма в разных регионах страны. Массачусетский промах был излюбленной темой, например, на юге в 1860-х; исключением стала лишь Южная Каролина, где одну ведьму держали в тюрьме больше года. Поиски ответа на вопрос, как стал возможен холокост, в 1949 году привели писательницу Мэрион Старки в Салем. Она написала объемную книгу, которая позже, во времена

маккартизма, вдохновит Артура Миллера на пьесу «Суровое испытание». Миллер, как до него Натаниэль Готорн⁷, многое взял от этой истории.

Не сохранилось записей ни одного судебного заседания по делу о колдовстве. У нас имеются описания процессов, но не стенограммы: лишь подготовительные бумаги – показания свидетелей, обвинения, признания, петиции – плюс два приказа об исполнении смертного приговора. Деревенский журнал, куда вносились все значимые события, подчищен. В то время в североамериканских колониях еще не выпускалось газет. Хотя у околдованных имелась армия восхищенных поклонников, их голоса до нас не дошли. Их слова передают нам исключительно мужчины, которых нельзя обвинить в дотошности, непредвзятости и скрупулезном документировании. Эти мужчины искажают, заглушают голоса осужденных и проявляют не больше внимания к обвинителям – не все сказанное ими записывается. У нас очень мало полных стенограмм предварительных слушаний. Свидетельские показания давались слишком быстро, а шум в зале не давал их расслышать. Сложно с уверенностью сказать, кто что говорил. Стенографисты очень скоро перестали вести настоящие протоколы, вместо этого просто делая выжимки и добавляя отсебятину по ходу действия. Один, например, написал, что ответчик выступал с «очень неприятным, презрительным видом» [19]. Другой прервал протоколирование судебного заседания, чтобы назвать подозреваемого лжецом. С какого-то момента стенографисты перестают останавливаться на отрицаниях вины, которые вскоре переродились в признания. И тут встает другая проблема: показания даются под присягой. Также они полны диких небывлиц – если, конечно, вы не верите признанию одной женщины, поклявшейся говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды, – что она вместе со священником местного прихода и еще парой человек верхом на палке летала на праздник сатанинского посвящения, в предшествующий тому понедельник плавала по воздуху с призраком пастора, а до того беседовала в своем саду с сатанинской кошкой. Более ста человек вели записи показаний. Мало кто из них когда-либо учился правильно это делать. Результат – адская непоследовательность. Даже если они все же записывали ответ, то не всегда утруждались фиксировать вопрос. Хотя несложно восстановить его из контекста, когда девятнадцатилетняя девушка, стоя перед тремя самыми влиятельными мужчинами, которых ей доводилось встречать в жизни, кричит: «Я скажу! Я скажу!» – и признается в ведьмовстве [20].

Обвинители путали подозреваемых, более поздние летописцы вносили еще больше неразберихи. У некоторых оказалось одно и то же имя. Часто все, что осталось от человека, получено после изнурительного допроса и записано судебными писарями, испытывавшими к жертве антипатию и порой свидетельствовавшими против нее. Мы крайне мало знаем про большинство из них помимо того, что они обвинялись или признавались в колдовстве. Еще одно сходство салемих ведьм со сказочными персонажами – мы узнаем их по единственной детали: узору на платье, обороту речи, внутренней дрожи. И вынуждены делать выводы, исходя из единственной характеристики: Мэри Уоррен была красавицей. Абигейл Хоббс была бесстыдницей. У Джорджа Джейкобса было великолепное чувство юмора, а у Сэмюэла Пэрриса его не было вовсе. Что мы хотим услышать от людей, вовлеченных в процессы? О чем они думали, когда признавались, что летали по воздуху или душили соседа? А когда клеймили абсолютно вменяемую женщину, утверждавшую, что она знать не знает ничего о ведьмовстве? Делили камеру с обвиненным колдуном? Присутствовали при повешении, где приговоренный по их обвинению до последнего вдоха настаивал на своей невиновности? Где был демон Салема, чего он хотел? Как те, кто противостоял ужасным обвинениям, нашли в себе для этого силы? Все они сошли в могилу, продолжая верить в существование ведьм. В какой момент до

⁷ Натаниэль Готорн (1804–1864) – американский писатель, родившийся в Салеме и всю жизнь ощущавший вину за своих предков, участвовавших в процессах. В двух его известнейших романах – «Дом с семи фронтонов» и «Алая буква» – затрагивается тема салемих ведьм. – *Прим. перев.*

них дошло, что, даже если волшебство существует, суды эти – фикция? Их маленькая история местного значения разрастается – и из национальной страшилки превращается в готический триллер, в масштабный разлом, выпустивший джинна, на который страна наткнулась по пути к конституции. Охота на ведьм остается подпитываемой слухами замшелой поучительной историей, напоминанием о том, что – как сказал один пастор – чрезмерно правильное может споткнуться о чрезвычайно неправильное [21].

Здесь слишком много того, о чем мы не можем знать наверняка: как два человека, обвинившие друг друга в колдовстве, несколько месяцев ладили, сидя в одной крошечной камере? А если они были матерью и дочерью? Чем дух отличался от призрака? Что было страшнее: что следующим, к кому постучатся, будешь ты, что колдовство вскоре доберется и до тебя или что человек, которого ты приговариваешь к повешению, может оказаться невиновным? Мы снова и снова возвращаемся к их словам, пытаемся выцепить ответы из скупой пуританской прозы, заставить говорить плотно сомкнутые пуританские губы; разобрать смысл эпизода, начавшегося с аллегории, которая, словно детская книжка-раскладушка, вспыхнула ослепительной историей – только для того, чтобы снова превратиться в аллессию. Молитва, заклинание, книга... Мы всё еще надеемся: стоит лишь расположить слова в правильном порядке, горизонт прояснится, мы станем лучше видеть, и – когда неопределенность ослабит свою хватку – все чудесным образом встанет на свои места.

2. Старый искуситель

Но кто знает, какие чудеса могут явиться мне до конца этого года! [1]

Коттон Мэзер, 1692

Едва не касаясь подошмой дубовых рощ, поросших мхом болот и крученых быстрин, Энн Фостер, оседлав палку, плыла над верхушками деревьев, полями и оградами [2]. В кармане у нее лежали хлеб и сыр. Была середина мая 1692 года, после сырой весны в воздухе ощущался холодок. Впереди сидела Марта Кэрриер – бесстрашная мать четверых детей была вдвое моложе Фостер. Именно Кэрриер уговорила Фостер на этот полет; дорогу она знала. Луга и взгорки плюшевым ковром расстилались под летящими женщинами, которые держали путь на юго-восток, через реку Ипсвич, поверх красных кленов и цветущих садов. Свежий ветер овеивал их лица, яркая луна освещала небеса. Уже несколько лет Фостер и Кэрриер живут по соседству, семьи обеих происходили из Шотландии и ходили в одну и ту же церковь в Андовере, штат Массачусетс.

Они перемещались очень быстро и преодолели за одно мгновение расстояние, на которое хорошей лошади потребовалось бы три с половиной часа, да и дорога до недавних пор была каменистой и ухабистой, совершенно непроходимой в темноте. Их путешествие, однако, тоже не обошлось без происшествий. Только что они рассекали воздушные потоки, и вот уже камнем падают вниз, потому что недалеко от лесной чащи палка под ними неожиданно сломалась. Женщины валятся на землю, и более старшая Фостер подворачивает ногу. Она инстинктивно обхватывает Кэрриер за шею. Именно в этой позе, объясняла позже Фостер (и ее показания ни разу не менялись ни на йоту), они снова взлетают и вскоре благополучно приземляются на салемский деревенский луг. Собрание еще не началось, и у дам есть время устроить маленький пикник под деревом. Встав на колени, Фостер пьет из ручья. Этот инцидент в воздухе – уже не первый в истории. Дважды десятилетиями ранее одна маленькая девочка из Швеции, тоже направлявшаяся на важнейшее ночное собрание на лугу, рухнула с большой высоты и почувствовала «сильную, все возрастающую боль в боку».

Фостер и Кэрриер пролетели почти двадцать километров над раскиданными там и тут поселениями. Нетрудно объяснить, почему их никто не видел. Труднее понять, почему никто не слышал столкновения с землей. Звуки отражались эхом и рикошетом разлетались по всей Новой Англии, что усиливало эффект и давало повод разыграться воображению [3]. Шлепанье хвоста бобра по воде слышалось в пределах километра. «Отвратительная возня и рычание» жирных черных медведей разносились далеко, как и вопль толпы при падении ножа гильотины. Любое нарушение тишины требовало объяснений. Что это за океан рокочет здесь, в глубине материка? Стая голубей садится на дерево. А этот жуткий рев? В Бостоне Сэмюэл Сьюэлл обнаружил, что это плачет его корова, которую укусила собака. Каждую ночь собаки выли на волков-мародеров. Но иногда истошный лай и треск досок на рассвете предвещали кое-что более зловещее. Иногда это означало, что кто-то разбирает соседний дом, поспешно решая таким образом неприятный имущественный спор. Кто же мог подумать, что звук, который все приняли за выбивание белья прачкой в лесной чаще, на деле окажется симфонией размножения гигантских черепах?

Кстати, верить своим глазам было вовсе не обязательно. Порой шарканье и топот были предвестниками появления из темноты прекрасно экипированных иностранных воинов. Оставляя четкие следы, они растворялись в кукурузных полях, садах и болотах. Они стреляли настоящими пулями, однако за пару недель нервотрепки совершенно не пострадали от

пуль шестидесяти ипсвичских ополченцев. Их считали призраками французов и индейцев [4] – такое объяснение было лучше многих других. Вы могли проснуться от непонятной возни в ночи и обнаружить рядом с собой семейство кошек. В ярком свете луны за царапаньем по оконному стеклу легко могла обнаружиться и впрыгнуть к вам в кровать Сюзанна Мартин, которая затем садилась вам на живот, пытаясь добраться до горла. При свете дня дядя Энн Патнэм видел, как миссис Брэдбери исчезла в своем саду, а через несколько секунд снова появилась, но уже в виде синего кабана. Когда через дымоход в кухню ввалился настоящий живой теленок, рядом хотя бы ошивался один мальчишка-проказник. Но как насчет медуз, глубокой ночью светящихся в камине? [5] Там их было не меньше дюжины, уверял Элизер Кисер. Служанка тоже их видела! Через минуту наваждение пропало. А кто передвинул верстовые столбы, из-за чего один житель поселка Эймсбери одной лунной субботней ночью оказался в лесах, где свалился в несуществующую яму, почти в двух километрах от дома? Восемнадцатилетняя Сюзанна Шелден не могла поверить собственным глазам: кастрюля сама по себе вылетела из дома. И почему метла снова застряла в ветвях яблони?

Образы выныривали из тьмы и превращались в нечто совершенно иное. Отряд конных всадников на берегу с более близкого расстояния становился хромым индейцем с сетью на плече [6]. Когда ученик в доме Сьюэллов палкой гнал собаку вон, на самом деле он выяснял отношения с девятилетним мальчишкой [7]. А когда Титуба, рабыня преподобного Сэмюэла Пэрриса, однажды наткнулась на мохнатое существо ростом около метра, с крыльями и длинным носом, гревшееся в темной комнате перед приходским очагом, она, понятное дело, приняла его за сварливую Сару Осборн. Она клялась в этом. Пастор прихода в Бэверли Джон Хейл, возможно, был более близок к истине, когда предположил, что нечто, взорвавшее его камин, проделавшее в крыше почти трехметровую дыру, громыхнувшее посудой и парализовавшее его руку, на самом деле было молнией. С таким же твердым намерением примирить восприятие происходящего с его пониманием несколько видных мужей, пасторов, собрались на недавно отремонтированной кухне одним жарким апрельским полднем. Они пытались найти ответ на вопрос, почему «небесная артиллерия» предпочитала целиться в дома церковнослужителей, когда вдруг зазвенели осколками новенькие оконные стекла, и по полу рассыпались крупные градины. У уважаемых мужчин имелись основания заключить, что кто-то хочет что-то кому-то доказать. Соседи глазели на кучу битой плитки и стекла. Оставалось лишь расшифровать послание. Настоящий пуританин всегда умел грамотно воспользоваться хорошей катастрофой.

Энн Фостер взмыла на своей палке в небо над Салемом за три года до этого града. Ей не требовалось свидетелей, способных подтвердить тот неудачный полет: была причина, по которой она запомнила его в мельчайших деталях, вплоть до следов копыт на песчаной тропинке на лугу. Плюс ко всему поврежденная нога тревожила ее еще несколько месяцев.

Еще проворнее двух андоверских женщин перемещались по Новой Англии два слуха. Из лесов начали выскакивать и бесшумно проникать в поселения индейцы. «Злые волшебники и дьявольские колдуны» [8] казались настоящими князьями тьмы. Без стука и приветствия в вашей гостиной могли появиться четверо вооруженных туземцев, чтобы погреться у огня и наговорить вам непристойностей, в то время как вы со своим вязаньем трепетали в углу от страха. Или вы возвращались из поездки в Бостон и обнаруживали, что ваш дом сгорел, а семья в заложниках – все это козни невидимых врагов. «Найти их труднее, чем убить» [9], – говорил Коттон Мэзер, блистательный молодой светловолосый пастор⁸. Они прятались, ускользали, порхали с места на место, творили зверства – и исчезали. Вместе со своими вигвамами – всего за одну минуту. «Наши люди не видели, по кому стрелять» [10], – жаловался генерал-майор из

⁸ Он цитировал слова Цезаря о скифах, от которых, по мнению Мэзера, произошли коренные американцы. Некоторые считали их очень далекими потомками одного из колен Израилевых.

Кембриджа. Продолжавшееся год и три месяца противостояние между поселенцами и коренными американцами, так называемая война короля Филипа, закончилось в 1676 году. Оно уничтожило треть из сотни городов Новой Англии, рассыпало в прах ее экономику и забрало 10 % взрослых мужчин. Каждый житель Колонии Массачусетского залива – особенно округа Эссекс, к которому относился Салем, – потерял друга или родственника. В 1692 году колонисты не просто так называли эти мрачные месяцы «прошлой индейской войной»: уже назревал новый конфликт. Серия опустошительных набегов предвещала скорое столкновение с индейцами-вабанаки и французами, ставшими их союзниками в продолжение европейской войны между Англией и Францией [11]. Не так давно границу передвинули, теперь от нее до Салема было всего восемьдесят километров.

Еще одним шустрым путешественником оставался слух, просачивавшийся сквозь доски пола и щели в окнах, нечувствительный к слякоти и снегу, не знавший усталости легконогий отщепенец неуклюжей правды. Как заметил некий продавец книг того времени: «Вся человеческая раса заражена свербящим зудом узнавать новости» [12]. Данный недуг только обострялся из-за отсутствия газет. Жителю Новой Англии приходилось довольствоваться тем, что было; если слова не проскальзывали через щели в стене или незанавешенные окна, их додумывали. Одна салемская пара подала в суд на своего слугу за то, что он шпионил за ними и рассказывал об увиденном. Если учесть, что люди спали в кровати по нескольку и жили в весьма стесненных условиях – в среднем салемском доме на шестерых приходилось четыре комнаты, причем в гостиной хранились припасы, а в кухне стоял ткацкий станок, – личное пространство было в этих местах роскошью. Многие в Массачусетсе просыпались от чьего-то хихиканья, иногда в собственной кровати⁹.

В маленьких городках нередко нарушено естественное соотношение мистики и скрытности. Салему с населением не больше пятисот пятидесяти человек было хорошо знакомо первое и почти неизвестно второе. Молва там жила долгой безбедной жизнью, питаемая домыслами и повторениями. В 1692 году весь Андовер знал, что Энн Фостер тремя годами ранее понесла тяжелейшую утрату. Ее зять и дочь поспорили о продаже земли, и зять закончил спор, перерезав горло супруге, у которой вскоре должен был родиться их восьмой ребенок. Перед повешением убийца раскаялся, публично признав неоспоримые достоинства семейной гармонии (это тоже слух, но, по крайней мере, из уст пастора) [14]. В том же 1689 году внук Фостер чудесным образом пережил налет индейцев: мальчика с частично снятым скальпом сочли мертвым и не стали добивать. Не было секретом и то, что Марта Кэрриер, компаньонка Фостер по упомянутому полету, родила ребенка прежде, чем вышла замуж за его отца, бедного слугу из Уэльса. А в 1690 году у Кэрриеров обнаружилась оспа. Им было приказано покинуть город, но они отказались. Власти Андовера посадили семью на карантин, опасаясь, что Кэрриеры будут (если еще не успели) «распространять хворь с бездушной небрежностью» [15]. За десятки лет до того о Марте шептались, будто она ведьма.

И вот в конце января 1692 года [16] – когда индейцы устроили страшную резню в Йорке, провинция Мэн, оставив изуродованное тело местного пастора у дверей его дома; когда на смену необычно суровой зиме в Новую Англию пришла оттепель; когда стало известно, что за океаном новый губернатор Массачусетса поцеловал кольцо Вильгельма III и собирался возвращаться домой с новой хартией, сулившей колонии долгожданное избавление от длительной анархии, – пошли разговоры о том, что что-то нехорошее происходит в доме Сэмюэла Пэрриса, салемского пастора.

Все началось в одну из чернильно-черных ночей с непонятных ощущений. Абигейл Уильямс, светловолосая одиннадцатилетняя племянница преподобного, судя по всему, первой

⁹ Некоторым из хихикавших позже повесят на шею таблички с надписью «Я стою здесь из-за своего сладострастия и распутства» [13].

подверглась странному воздействию. Вскоре подобные симптомы появились и у девятилетней Бетти Пэррис. Двоюродные сестры жаловались, что их кусает и щиплет «что-то невидимое» [17]. Они то скулили и лаяли, то вдруг немели. Их тела сотрясались и вращались, обмякали и деревенели. При этом у девочек не было жара, они не страдали эпилепсией. Паралич вдруг сменялся иступленными, непонятными жестами. Они «несли полную чушь, которую ни сами девочки, ни другие присутствовавшие не могли разобрать» [18]. Они забивались в щели, под стулья и табуретки, откуда их вытаскивали с большим трудом. Одна даже прыгнула в колодец. Абигейл пыталась взлететь, размахивала руками и жужжала как муха. И у обеих не находилось времени помолиться, хотя до января обе прекрасно себя вели и демонстрировали безупречное воспитание. Ночью девочки спали как младенцы.

Это случалось и прежде. Самый памятный случай – когда четверо таких же благоразумных деток, дочери и сыночки набожного бостонского каменщика, отличавшиеся «примерным поведением и манерами», стали жертвами некоего загадочного расстройства [19]. «Они лаяли друг на друга как собаки и мурчали как кошки», – пишет Коттон Мэзер, наблюдавший детей Джона Гудвина в 1689 году. Они летали, как гуси – один раз улетели аж на шесть с лишним метров. Они корчились от ударов невидимых розог, вопили, что их режут ножами и сковывают цепями. Их тела содрогались от боли с такой скоростью, что присутствовавшие не успевали ничего заметить. Из-за судорог дети не могли одеваться и раздеваться. Они сами себя душили. Они травмировали себе челюсти, запястья и шеи. «Они то были глухи, то немые, то слепы, а часто – все это сразу», – пишет Мэзер, и при нормальных обстоятельствах все это отлично описывает процесс взросления. Замечания родителей доводили их до конвульсий, работа по дому не давалась. Они могли натирать тряпкой чистый стол, но грязный стол приводил их в ступор. Домашние неурядицы вызывали приступы хохота. «Но ничто на свете, – сообщает Мэзер, – не расстраивало их так, как религиозное обучение». Любое упоминание Бога или Христа причиняло «невыносимые страдания». Марта Гудвин могла спокойно читать «Оксфордскую книгу шуток», но цепенела, когда ей давали что-нибудь более нравоучительное, либо что-нибудь с именем Мэзера на обложке.

Тем летом тринадцатилетнюю Марту привезли к нему на лечение. Она скакала по дому Мэзеров рысью и галопом на своем «воображаемом коне», свистела во время семейной молитвы и колотила любого, кто пытался молиться при ней, – гости хуже и не придумаешь. Сэмюэл Пэррис с женой Элизабет недавно переехали в Салем и обустроивались в поселке, а в Бостоне в это время Марта швыряла книжки в голову Коттона Мэзера. Пэррис не мог не вспомнить о Гудвинах в 1692 году: наверняка он в деталях знал обо всех их семейных перипетиях из широко публикуемых мэзеровских «Памятных знамений колдовства и одержимости». Его пастор, имевший опыт наблюдения за одержимыми детьми, рекомендовал эту книгу. «Волнения, терзания, кривляния, скачки, конвульсии и плевки» в салемском доме были совершенно такими же, только более резко выраженными [20]. Абигейл и Бетти кричали, что их колют тонкими иглами. Кожа их горела. В двухэтажном прицерковном коттедже площадью 14 на 6,5 метра главе семьи негде было укрыться от этих воплей, хорошо слышимых по всей округе: слава богу, их обшитый досками дом с острой крышей стоял вдали от дороги. С ними также жили десятилетний Томас Пэррис и четырехлетняя Сюзанна – не подвергшиеся воздействию и, надо полагать, напуганные до смерти.

Несмотря на двух имевшихся у них рабов, Титубу и Джона, семейство, вероятно, ощущало некую духовную изолированность. Если девочка-пуританка не ходила за скотиной, не работала в саду, не занималась очагом, не пекла и не лила свечей, то должна была вязать, наматывать нитки на катушку или ткать [21]. Какой-нибудь пятилетке могли спокойно поручить простегать одеяло или сесть за прялку. Так что колотящиеся в припадках девочки совершенно выбили из колеи привычную жизнь семьи. Их нельзя было оставить одних. К тому же Пэррис не мог наверху нормально готовиться к проповедям, когда внизу творился такой хаос. А ведь

даже самые одаренные из его коллег ежедневно посвящали этому по семь часов лихорадочных бдений. Иные в одиночестве читали и размышляли на тему предстоящей проповеди по целой неделе [22]. В то время как обычный пуританский пастор проводил много времени, размышляя в тишине, Пэррису отныне предстояло пройти испытание другого рода. Ему приходилось работать на фоне душераздирающих криков. Он привык, что посетители приходят послушать его, Пэрриса, – теперь же эту роль присвоили его дочь и племянница.

Во все времена в доме приходского священника тепло принимали посетителей. В феврале того года их образовался явный перебор. Болезнь в XVII веке была публичным событием, необъяснимая болезнь – событием грандиозного масштаба. Любопытствующие и доброжелатели толпились вокруг, как мурашки на их руках. Вой и нелепые корчи девиц тревожили и замораживали. От такого либо в ужасе убегаешь, либо застываешь, не веря своим глазам, либо падаешь в обморок. В комнату больных девочек набивалось по сорок-пятьдесят человек, призванных наблюдать за бесноватыми и пытаться их обуздать. Сосед, который не пришел, становился исключением, и скоро ему это припомнят. Некоторые преодолевали много миль, чтобы сидеть в этой прокуренной, плохо освещенной гостиной с низким потолком. Между молитвами они все вместе пели псалмы, как раньше целыми днями происходило у Гудвинов. Порой увиденное превосходило их ожидания: дети не только издевались над священниками, но и крайне дерзко вели себя с посетителями¹⁰.

Прирожденный составитель списков и приверженец строгого учета, Сэмюэл Пэррис был нетерпелив и требователен, но его нельзя обвинить в поспешности. Из домашнего хаоса кое-какие сигналы бедствия просачивались в его проповеди, которые он читал регулярно, один раз по четвергам и дважды по воскресеньям. Это были весьма заурядные мероприятия: Пэррис был посредственностью, с которой случались исключительно незаурядные вещи. Он особо не отклонялся от своих предыдущих тем, а лишь углублялся в вопросы вознесения Христа и его посредничества между Богом и человеком. Весь февраль Пэррис по большей части предписывал прихожанам пост и молитву. Он советовался с другими священниками. Его двоюродный брат, пастор в поселении Милтон, похоже, особенно помогал: у его дочери в свое время тоже случались подобные припадки. Сэмюэл и Элизабет Пэррис угощали доброжелателей, толпившихся у них дома, сидром с кексами. Они горячо молились. Но когда Пэррису стало невозможно от «странных поз и нелепых кривляний» [24], от безумных речей, когда стало понятно, что одним Писанием эти противоестественные симптомы не вылечить, он обратился к врачам.

Пройдут годы, и один терапевт с университетским образованием признает медицинскую практику Бостона «убийственно плохой» [25]; на 1692 год же ни одного терапевта с университетским образованием пока не было ни в городке Салем, ни в крошечной соседней деревушке Салем, где корчились в муках и бросались на людей наши девочки. Стандартная аптечка поселенца тогда мало отличалась от аптечки древнего грека и состояла из жучиной крови, лисьего легкого и сушеного дельфиньего сердца [26]. Во многих рецептах фигурировали порошки и мази из улиток. Но их, по крайней мере, легче было добыть, чем, например, рог единорога. Жир жареного ежа закапывали в уши – это считалось «отличным средством от глухоты». Самый знающий колониальный медик прописывал селитру от кори, головной боли и воспалений седалищного нерва. Коттон Мэзер верил, что шестьдесят капель лаванды и кусок имбирного пряника излечивают потерю памяти. От эпилепсии якобы спасал пояс из шкуры волка, а еще жженный помет черной коровы или порошок из лягушачьей печени, принимать пять раз в день. Лекарство от истерии открыли задолго до 1692 года. В Салеме ее лечили кипяченым грудным молоком с кровью из ампутированного кошачьего уха.

¹⁰ Позже в 1692 г. в Коннектикуте отец одной бьющейся в конвульсиях девочки специально приглашал гостей: ему было важно, чтобы они увидели эти неестественные ужимки и прыжки. Он хотел, чтобы все поняли: это не постановка [23].

В деревне Салем проживало около девяноста семей, и в том январе среди них практиковал один врач. Уильям Григс был новым членом сообщества; недавно он купил ферму примерно в двух с половиной километрах от дома священника [27]. Активный, набожный гражданин Григс неоднократно жаловался, что таверны расположены рядом с молевыми домами, и свидетельствовал против граждан, уклонявшихся от богослужений. У Григса имелось девять медицинских текстов. Он умел читать, но не писать. Скорее всего, именно он – или в том числе он, так как Пэррис, очевидно, консультировался с несколькими врачами, – осматривал девочек. Когда-то Григс принадлежал к пастве Пэрриса в Бостоне, эти двое общались с одними и теми же семьями в Салеме. Есть как минимум одна явная причина предположить, что Пэррис обратился к семидесятиоднолетнему Григсу: болезнь следовала за стариком по пятам. Повидавшие мир, гораздо более искушенные доктора в свое время осматривали детей Гудвинов, которые вдруг синели и жаловались, что их поджаривают на невидимых вертелах. Предполагалось, что длительные жестокие припадки насылаются дьяволом. Первый вопрос, который задавала в этих обстоятельствах жертва, был: «Меня что, околдовали?» [28] Врач, поколение назад смотревший одну измученную некоей болезнью девочку из Гротона, сначала диагностировал расстройство желудка [29]. А в следующий свой визит отказался продолжать вести ее случай. Болезнь была от дьявола, и он прописал всему поселению строгий пост. Кто бы ни лечил Абигейл и Бетти, он пришел к такому же заключению. Совершенно ясно, что в воздухе уже витало объяснение: здесь замешана какая-то сверхъестественная сила. «Рука зла» стала диагнозом [30], «быстро подхваченным соседями», – пишет преподобный Хейл, единственный из хроникеров, кто наблюдал за первыми симптомами девочек Пэрриса. Последних, судя по всему, такое медицинское заключение страшно напугало, и самочувствие их ухудшилось.

У Хейла имелся в этой области некоторый опыт: однажды в детстве он присоединился к делегации, пытавшейся добиться признания от ведьмы перед казнью. Обвиненная была соседкой Хейла, первой повешенной в Массачусетсе за колдовство. Всю дорогу на виселицу она отрицала свою вину. После преподобный разговаривал с другой осужденной ведьмой, получившей в 1680 году помилование. Служивший в соседнем Беверли дружелюбный пятидесятишестилетний Хейл считал себя одним из ближайших коллег Пэрриса. Как практически все в Новой Англии того времени, он верил в существование ведьм, а то и в ангелов, единорогов, русалок. Как этот человек воспринял этот диагноз? Увиденное не могло его удивить – скорее он вздохнул с облегчением. «Адские козни», по его выражению, развеивали все сомнения насчет состояния девичьих душ и освобождали его от всякой ответственности. У него были все основания предпочесть сатанинские проказы Божьей каре: одержимость бесами стала бы более серьезной проблемой¹¹. Каким бы тревожным ни казался такой диагноз, он все-таки будоражил кровь. Колдовство было дурным знаменем, а пуритане такое уважали. Никогда прежде подобного не случалось в доме священника. На белом полотне пасторской репутации вмешательство темных сил смотрелось, по крайней мере, более неприглядным пятном, чем рождение незаконного внука – с этим Коттону Мэзеру предстояло столкнуться в будущем. Итак, Мэзер на десять лет моложе Пэрриса, в 1692 году ему всего двадцать девять. Он уже весьма популярен и, судя по всему, вскоре станет самым известным человеком в Новой Англии – так бывает, когда ты хорош собой, высок, одарен и полон сил, поступаешь в Гарвард в одиннадцать

¹¹ Если и имела место серьезная дискуссия о разнице между колдовством и одержимостью, то нам о ней ничего не известно [31]. Не все улавливали или хотя бы пытались уловить эту разницу – симптомы большей частью совпадали. Мэзер отмечал их «близкое сходство» и даже соединил два понятия в заглавии своих «Памятных историй». Одно могло повлечь за собой другое. «Совершенно обычная вещь», – говорил пастор в разгар гротонского дела, – когда одержимость передается через колдовство» (здесь он соглашался со своим отцом Инкризом, который верил, что можно подхватить сразу обе хвори). Подыскивая объяснение происходящему, Пэррис с самого начала подозревал одержимость бесами. Считалось, однако, что одержимый не испытывал физических страданий – а на телах девочек виднелись следы явного физического воздействия. Довольно скоро обнаружились доказательства колдовских чар, что не могло не порадовать Пэрриса: одержимый, по собственной воле открывавший себя для нечисти, был виновен. Околдованный – нет.

лет, произносишь свою первую проповедь в шестнадцать, а само твое имя напоминает о двух легендах раннего массачусетского духовенства.

Пэррис не пытался избежать метафизической драмы, разыгравшейся в его доме: в любом несчастье можно углядеть проблески божественной любви. В своем кабинете на втором этаже заколдованного дома он продолжал размышлять над 110-м псалмом. Господь «гневаается и шлет погибель», – предупреждал он прихожан. Необходимо проявить твердость, «дабы устоять во время кары», и смело биться «с нашими духовными недругами» [32]. До какой-то степени такое объяснение его удовлетворяло. Было в этом что-то странно лестное – именно тебя избрали для борьбы со злом. Неспроста все эти выборочные удары молний, гром среди ясного неба, разбитые вдребезги окна, взорванный камин. «Я тот, кого активно атакует Сатана, – хвастается Мэзер в своем дневнике. – Не оттого ли, что я столько воевал с этим врагом?» [33] Или, как выразился отец юных Гудвинов, с достоинством играя роль человека, взвалившего на себя ужасные невзгоды, опасность – в духовном смысле – приносит свои плоды. «Если мы хотим страданий, то должны их принять, а священные страдания есть милосердие», – заключил набожный каменщик. При этом он отчаянно бился над вопросом, который наверняка не давал покоя и Пэррису: чем я заслужил этот Божий гнев? Дому священника предназначено быть «школой благочестия», а не «берлогой бесов» [34].

О том, как диагноз восприняли в деревне, свидетельствуют последовавшие события. 25 февраля Пэррис с женой под проливным дождем выехали из Салема. Пока их не было, в дом заглянула соседка – вероятно, супруги попросили ее присматривать за Абигейл и Бетти, которые вот уже месяц как бесновались. Мэри Сибли, мать пятерых детей, была на шестом месяце беременности. Она и ее муж-бондарь входили в элиту местного общества и были столпами церкви; Сэмюэла Сибли приглашали, когда требовалось уладить имущественный спор или дать поручительство по векселю. Мэри вполне комфортно чувствовала себя у Пэррисов. Однако скорость, с которой пастор решал возникшую проблему, ее не устраивала, и она провела скрытый эксперимент. Сейчас уже вопрос был не в том, что с девочками, а в том, кто это с ними сделал. Сибли твердо решила поймать преступника. Наученный ею индеец Джон, раб Пэррисов, подмешал мочу девочек в ржаной пирожок, пекшийся на углях. Этим пирожком Сибли угостила домашнего пса [35]. Не очень понятно, как работала контрмагия – ведьму притягивало к животному, на животное переходило заклятие или у ведьмы появлялись ожоги, – но старый английский рецепт точно работал и должен был указать на виновного.

Узнав об этом, Пэррис пришел в бешенство. Контрмагии не место в доме пастора. Он намеревался не выносить сор из избы; на его месте любой бостонский пастор приложил бы неимоверные усилия, чтобы скрыть имена предполагаемых ведьм. Сибли тем временем напращивалась на еще большие неприятности. В предрассудки она верила больше, чем в религию, а подобное Пэррис порицал: это как «обращаться к дьяволу за помощью, чтобы одолеть дьявола» [36]. Ее вмешательство пробудило некие потусторонние, малопонятные силы; она словно поставила в доме сатанинский молниеуловитель. Через месяц (который был крайне беспокойным) мятущийся пастор вызвал ее в свой кабинет и сурово отчитал. Она, рыдая, униженно просила прощения. Она просто действовала не подумав, «потому что слышала про такие вещи от безграмотных (а может, что и похуже) людей». В дальнейшем она будет осторожнее. Пэррис устроил ей жесткую выволочку, которую решил повторить перед паствой после воскресной проповеди. Этот ее пирожок натворил немало бед. «Через него (судя по всему) дьявол восстал среди нас, – объявил Пэррис перед причастием 27 марта, – и ярость его неистова и ужасна, и, когда все утихнет, знает только Бог». Он заклинал прихожан готовиться к «сатанинским каверзам и уловкам». С кафедры, в темной рясе с белоснежным жестким льняным воротничком, Пэррис призывал собравшихся стать коллективным свидетелем проступка Мэри Сибли и подвергнуть «нашу сестру беспощадному ostracismu за то, что она совершила». Может ли

он устроить по этому поводу голосование? Все согласились. Повернувшись к беременной на поздних сроках Сибли, Пэррис спросил, будет ли она – если признает свой грех и раскаивается – говорить. Нужно было публичное признание вины. Сибли эмоционально извинилась. Пэррис продолжал: «Братья, если вы удовлетворены, подтвердите это поднятием рук». Все (мужчины) подняли руки, и этот раз оказался последним в 1692 году, когда в деревенском молельном доме царил единодушие.

Дома Пэррис отругал и слуг. И без того накаленная атмосфера, должно быть, возмущенно искрила. Однако в тот момент у священника имелись и более важные дела. Хотя его дочь с племянницей наделали много шума, разобравшись, что конкретно они пытались сказать, было невозможно. Дьявольский же пирожок сработал: в течение нескольких следующих дней Бетти и Абигейл называли имена. Не одна, а три ведьмы окопались в Салеме. Девочки четко их видели. К концу того хмурого февраля – дождь шел стеной всю неделю, затапливал поля и превращал деревню в стремительную грязную реку – эти ведьмы уже рассекали воздух на своих палках.

Деревня Салем существовала во многом благодаря собственному страху попасть в засаду. Старейшее поселение в Массачусетском заливе и едва ли не столица Новой Англии, городок Салем получил свое имя в 1629 году [37]. Славная цветущая полоска земли длиной в полтора километра, дышавшая соленым морем и благоухающими соснами, считалась в колонии одним из самых приятных мест для проживания. Чудесная салемская гавань уступала только бостонской, городок вел оживленную торговлю с Европой и Вест-Индией. Гавань располагалась на полуострове, окруженном бархатными зелеными холмами и пасторальными гротами; здесь быстро развивались рыбный промысел и судостроение. Когда на английский престол в 1685 году взошел новый король, событие шумно отмечали не только в Бостоне, но и в Салеме – это был второй из двух массачусетских городов с населением больше двух тысяч человек. Более тихий и менее открытый, Салем при этом ничуть не уступал Бостону в изысканности: он мог похвастаться своими крашеными остроконечными многоэтажными домами и несколькими недавно сколоченными состояниями.

Уже в 1640 году фермеры начали продвигаться на север и запад, уходили от процветающего порта за живописные холмы в поисках пригодных для возделывания земель. Их разбросанное по окрестностям поселение стало деревней Салем (сегодня – Данверс). Вскоре предприимчивые жители деревни (в округе их называли салемскими фермерами) начали лоббировать создание собственных управленческих структур. И хотя их семьям, конечно, не нравилось топтать по пять-десять миль в сильный снегопад, чтобы посетить собрание в молельне, дело было не только в этом. В 1667 году деревенские жители направили петицию в законодательное собрание Бостона. Стоит ли им таскаться в город Салем ради участия в военном патруле? Это жутко далеко и особенно тяжело в темноте, «в дикой местности, которая так плохо расчищена и кое-где совершенно непроходима» [38]. Многие жили в полутора километрах от ближайших соседей. Дальние походы фермеров вселяли ужас в сердца их жен, «особенно если учесть, какие страшные происшествия случались в подобных ситуациях раньше в этой местности, с участием индейцев (и не только), ночью, когда мужья оставляли женщин одних».

Более того, продолжали они с неопровержимой логикой, не богохульство ли – так далеко идти с оружием, чтобы патрулировать город в мирное время? Городские старейшины утверждали, что опасность никуда не делась (власть имущие не желали уменьшать ни налогооблагаемую базу, ни территорию). Но разве не более уязвимы фермеры – в сельской местности с пятью десятками изолированных хозяйств, в то время еще даже без молельного дома, – чем горожане, живущие компактно и более обеспеченно в Салеме, где больше народу и немало прекрасных домов? Наверняка город может обеспечить себе патрулирование без помощи деревни. Горожане возразили, что совсем недавно французский корабль смог незамеченным войти в порт ночью. И как же такое возможно? – смеялись в ответ деревенские, отлично знавшие, что

безобидное судно заметили задолго до сумерек. Мы живем на линии фронта. Так не разумнее ли городским приезжать патрулировать нас, чем наоборот? В итоге фермеры одержали верх, хотя не обошлось без штрафа Натаниэлю Патнэму, одному из самых богатых людей в деревне, за «оскорбительное поведение и нападки» на власти города.

Страсти снова разгорелись спустя несколько лет, когда город Салем решил построить себе более просторный молебельный дом. Мы не будем за это платить, объявили непреклонные деревенские, пока вы не поможете нам построить собственную молельню. Они снова и снова требовали себе независимый приход, и добились своего в самом конце 1672 года. Город предоставил им подержанную кафедру, скамью со спинкой и молебные скамейки – вероятно, из потрескавшихся дубовых досок. Два Салема очень друг друга раздражали: деревня злилась, потому что была обязана обращаться к городу для решения правовых вопросов, и решались они крайне туго; город был недоволен, потому что деревенские бесконечно между собой конфликтовали и не умели сами улаживать разногласия. В то же время у города никак не получалось избавиться от назойливого интереса фермеров к делам их церкви. Почему нельзя держать свою неприязнь при себе? В общем, складывалось ощущение, что они готовы были друг друга уничтожить. Вскоре после приезда семейства Пэррис городские лидеры фактически посоветовали деревенским оставить их в покое.

Официально деревня наняла первого своего пастора в 1672 году. Прибывший сюда через шестнадцать лет Сэмюэль Пэррис был уже четвертым. Каждый из четырех оказался с разной степенью неловкости, но одинаково глубоко вовлечен в события 1692 года, когда их пути пересеклись. Один буквально жил на слушаниях, второй их записывал, третий вернулся в образе могущественного мага. Недавний выпускник Гарварда Джеймс Бэйли прочитал свою первую салемскую проповедь в октябре 1671 года. Ему едва исполнилось двадцать два, он всего несколько недель как женился. Местное сообщество отнеслось к нему по-разному. Новый пастор был неопытен, агрессивен, невнимателен и воображал, что должность от него уже никуда не денется. Одна женщина, гостившая у него три недели, клялась в суде, что ни разу не слышала, чтобы Бэйли читал или обсуждал с семьей какую-нибудь часть Писания. Его личная жизнь, без сомнений, была весьма напряженной. Прихожане, обещавшие построить ему жилье, не выполнили обещания. Пастор построил дом самостоятельно, где они с молодой женой, судя по всему, до 1677 года потеряли двух дочерей. Мнения общества на его счет разделились. Обстановка так накалилась, что прихожане не могли договориться даже о том, кто будет принимать окончательное решение насчет его судьбы. Тридцать девять членов церковной общины поддержали Бэйли. Шестнадцать высказались против, и среди них несколько самых влиятельных мужчин.

Бэйли достаточно хорошо вписались в местный колорит. С ними приехала и двенадцатилетняя сестра жены пастора, которая через пять лет выйдет замуж и вольется в доблестный клан Патнэмов. Ее мужем станет Томас Патнэм – младший, сын богатейшего человека в деревне и племянник престарелого Натаниэля. Вообще Салем в немалой мере состоял из Патнэмов, с ними посредством браков были связаны и Мэри Сибли, импульсивная пекарша, и терапевт Уильям Григс. Две молодые пары – супруги Бэйли и Томас Патнэм с женой – очень сдружились. Что не помешало другим Патнэмам нападать на Бэйли, а может быть, даже подстегивало их. Сэмюэл Пэррис знал, о чем говорил, когда одним воскресным днем 1692 года, как раз перед начавшимся в его доме кошмаром, вещал с кафедры о том, что «большая ненависть нередко исходит от ближайшего окружения» [39]. И цитировал из Марка, 13: 12: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их».

Салемские фермеры несли свои горести и непримиримые обиды в городскую церковь, а иногда доходили и до суда. В то же время Бэйли подал иск о защите чести, достоинства и деловой репутации – и выиграл дело [40]. Суд постановил оставить его в должности, однако привести решение в исполнение не смог. И хотя большинство членов конгрегации продолжали поддерживать молодого пастора, к концу 1679 года он понял, что будущего в Салеме у него нет,

и переехал на другой конец деревни. Через год специально сформированный комитет назначил его преемника. Джордж Берроуз, красивый, миниатюрный и темноволосый, хотя и был старше, но в Гарварде, где окончил магистратуру, учился несколько хуже Бэйли. Будучи внуком знаменитого священника, он успел послужить в нескольких приграничных приходах, а в самом последнем из них героически отражал нападение индейцев. Ему было двадцать восемь.

И снова главную роль сыграли Патнэмы. Берроуз с семьей жил в их доме большую часть 1681 года и переехал в пасторский дом (где в будущем обоснуются Пэррисы) только осенью. Хорошо зная, с какими противоречиями и разочарованиями сталкиваются новоанглийские приходы, Берроуз добавил в свой контракт пункт об арбитраже. Там говорилось, что «в случае возникновения любых разногласий обе стороны должны апеллировать к третьей стороне, дабы уладить спор мирным путем» [41]. И все равно ему не удалось избежать суда: такое ощущение, что одна церковная группировка просто обязана была портить жизнь другой. С самого начала Берроузу не выплачивали жалованье. Когда его молодая жена умерла вскоре после переезда в только что построенный священнический дом, ему нечем было заплатить за похороны. 10 апреля 1683 года жители деревни пожаловались в окружном суде, что Берроуз уже месяц не проповедовал. Он спешно паковал вещи – ожидал, что придется уехать прямо на той же неделе, – но отказывался объясняться (возможно, он не желал говорить, потому что Джон Патнэм сначала одолжил ему денег, а потом, когда Берроуз не смог их вернуть, начал угрожать, что арестует его за долги [42]. Деревня оказывалась виновной в обоих случаях – прежде всего потому, что не платила своему пастору). Берроуз продолжал отмалчиваться, предпочитая не связываться со склочной общиной. Я пришел к тебе, чтобы спросить, объяснял один настойчивый гончар, как деревня может процветать, «когда брат против брата и сосед против соседа, и все спорят и сражаются друг с другом?» [43] Наш пастор, напомнил ему гончар, должен быть нашим рупором и защитником, светочем разума для нас. Берроуз же вовсе не стремился устраивать беседы или охлаждать деревенские страсти. Он проповедовал, как считал нужным. За его здравую, хотя и грубую критику суд сделал гончару внушение. Той же весной Берроуз уехал.

В феврале 1684 года местный церковный комитет пригласил в Салем преподобного Деодата Лоусона. В отличие от своих предшественников Лоусон родился в Британии. Он прибыл в колонию пятью годами ранее из Норфолка, где его отец был пастором с кембриджским дипломом. С рождения обреченный стать священником – Деодат, говорил он, значит «отданный Богу» [44], – Лоусон где-то получил формальное образование, хотя и без степени. Он запросто писал на греческом и латыни, причем изысканным почерком. Помогли и престижные семейные связи в Лондоне, где до эмиграции, в начале 1670-х, он успел недолго поработать учеником процветающего торговца скобяным товаром и – еще меньше – королевским врачом. Отслужив меньше двух из положенных семи лет в пасторате на Маргас-Винъярд, в 1682 году Лоусон вернулся к мирским занятиям в Бостоне и поселился с женой и двумя маленькими детьми в Салеме. Тогда ему было чуть за тридцать. Третий ребенок, дочь, родилась и умерла в деревне, там же неожиданно скончалась и жена. Питая слабость к драме и формальному стилю речи, он обладал чуткостью к тонкостям смыслов и мог быть прагматичным – восхвалял семейную молитву ровно такой продолжительности, чтобы она не оказывалась затянутой. «Господь не прельщается многословием», – заявлял Лоусон, хотя лучше бы он считал иначе: его хроники – единственное описание тех событий, оставленное нам их очевидцем.

Жители деревни договорились поставлять новому пастору дрова, но в итоге заплатили ему и порекомендовали добывать себе горючее самостоятельно. Если это его и раздосадовало, Лоусон не оставил неприязненных комментариев. Ему нравилось делать приятное. Через два года службы вопрос о его будущем расколол общину. Если его посвятить в сан, город наконец-то откроет у них заветную собственную церковь, а заодно и откажется от земли, на которой стоит пасторский дом, – извечного камня преткновения Новой Англии. Патнэмы поддерживали посвящение, некоторые другие семьи ему противились из теологических соображений

– Лоусон в каком-то смысле их разочаровал – или просто из-за того, что он был человеком Патнэмов. И снова фермеры представили дело на суд менее горячих голов из города Салема, власти которого пришли в ужас от их «злобных высказываний», «глубокой предубежденности и несомненной враждебности» [45]. Почему люди так старались испортить жизнь своим ближним? Именно в этот момент отцы города еще раз призвали деревенских не тревожить их бесконечными взаимными обвинениями. «Если вам нравится беспричинно беспокоиться, просим хотя бы не беспокоить нас», – заявили они. Лоусон решил уехать, пока отношения окончательно не испортились. Сами фермеры устыдились своего поведения и решили подчистить журнал записей. В 1687 году Томас Патнэм переписал журнал – из него исчезло десятилетие распрей вокруг Берроуза и Бэйли, – посчитав, что эти ядовитые заметки могут навредить деревне в будущем.

Без собственной церкви и гражданской власти деревня была беспомощна, когда дело касалось разрешения общинных разногласий. С проблемами в церковной политике сталкивались далеко не в одном Салеме. Считалось, что отношения между пастором и паствой должны походить на супружеские [46]. На практике, разумеется, идиллия перемежалась вспышками ссор. Пуританин посвящал жизнь наблюдению и вопрошанию и пастора своего держал в цепких объятиях. Многие священники добавляли в свои контракты пункт, дающий им возможность сбежать. Инкриз Мэзер, самый видный представитель новоанглийского духовенства, знаменитый отец Коттона, вытребовал себе право покинуть бостонский приход, если Господь позовет его в другое место, если ему будут недостаточно платить или если он пострадает от «травли» собственных прихожан. Найти работу было непросто, непросто было и удержаться на ней: пасторов увольняли, посвящения откладывали. Один терпеливый священник ждал двадцать семь лет. На посвящении в 1720 году недовольные начали поливать участников церемонии водой с хоров и швыряться предметами. Ссоры вспыхивали, даже когда паства любила своего пастыря. За два года до того вечера, когда Джон Хейл из Беверли вел ночное бдение с Пэррисами в их более просторном и лучше обставленном, чем его, доме, ему было приказано ехать капелланом в Квебек в составе экспедиции против индейцев и французов. Паства возразила, и дело дошло до суда. В итоге Хейл все-таки поплыл с ополченцами.

Жалованье пастора колебалось от шестидесяти до ста фунтов в год: этого было более чем достаточно, и такая сумма ставила духовного отца в один ряд с самыми обеспеченными из его прихожан – если, конечно, он ее получал. Добровольные взносы не так давно сменились на обязательные, что многие воспринимали в штыки (из них служители церкви составляли меньшинство). Констебль, собиравший налоги, сбежал от постоянных насмешек и периодических побоев, а заодно от топоров и ушатов кипящей воды. Салемский констебль имел болезненное столкновение с временным заместителем¹² [47]. Нежелание народа поддерживать священнослужителей сильно последних огорчало [49]: пасторы, гремел Мэзер в 1693 году, чувствуют себя обворованными и голодающими. Во время затянувшейся кампании по выбиванию оплаты своего труда топсфилдский пастор объявил на городском собрании о своей надежде на то, что пасторат сгорит дотла вместе с некоторыми прихожанами. Священники хорошо знали, кто из них сколько получает, и не могли принимать размер оплаты на свой счет как личное оскорбление. Коттон Мэзер высчитал свой ежедневный доход. Ожидания с обеих сторон казались безосновательно завышенными. В потоке взаимных обвинений было уже не разобрать, что началось раньше: сложности со сбором пасторской зарплаты или жалобы в духе «я не получаю

¹² Многие сочувствовали одному фермеру, чей дом на севере от салемской деревни стоял на границе между Топсфилдом и Ипсвичем [48]. Когда констебль подходил с одной стороны, фермер перемещался в другую часть дома (в конце концов констебль Уайлдс уладил проблему силой. Взяв с собой нескольких крепких друзей, он поймал одну свинью фермера и объявил вопрос закрытым. Вскоре он обнаружит, что ловить ведьм – дело гораздо менее простое и ясное).

от проповедника того, за что плачу». Что одним казалось неблагодарностью, другие считали вымогательством.

Неутомимый салемский гончар, ранее пристававший с вопросами к Берроузу, сокрушался: пастор, мол, говорит с кафедры что пожелает, а община должна за это платить. Обратное также было справедливо. Прихожане отдавали кто что мог: бочонок устриц, бушель гороха, фунт льна, улей с пчелами¹³ – либо же работали на пастора, например, сажали у него бобы или забивали скот. Это основательно размывало границы иерархии, которые для некоторых были невероятно важны. «Вы, сэр, проповедник, который здесь служит?» – спрашивал приезжий в соседнем городке Роули. «Я, сэр, проповедник, которому здесь служат», – следовал ответ [51]. Коль скоро прихожане вставали, когда пастор входил в молельный дом, где у его семьи имелась собственная скамья, коль скоро фермеры побаивались своего образованного проповедника, оставалось неясным, кто на кого работает. Как выразился один современный ученый, невозможно было определить: пастор – он для своей паствы служитель, родственная душа или представитель «какой-то туманной и далекой церковнической галактики»? [52].

Протестуя против варварского морения священнослужителей голодом, Коттон Мэзер все же должен был признать: в свое ходатайство об их содержании он мастерски вплел некоторые суждения, «которые могли представить пасторов более достойными людьми, чем, возможно, кое-кто из них являлся» [53]. Даже при избытке духовников огромное количество проповедей оставались посредственными. Хватало и спящих прихожан на церковных скамьях. Пурианин был чрезвычайно чуток, невероятно внимателен, невротично бдителен в том, что касалось состояния его души, – однако не обязательно оставался таковым в церкви. Некоторые будут «сидеть и спать на самой лучшей проповеди в мире», – клокотал Инкриз Мэзер [54]. Без сомнений, кое-кто дремал и во время этого его выступления в 1682 году (справедливости ради отметим, что у новоанглийского фермера, вероятно, просто не было лучшей возможности поспать). Мэри Роулэндсон, чей рассказ о пребывании в индейском плену в 1675 году наделал много шума по всей Новой Англии, периодически клевала носом во время проповедей собственного мужа.

Через два месяца после вступления в должность Сэмюэл Пэррис жаловался на вялость своих прихожан, не демонстрировавших должных чувств. Они «без толку перешептывались, клевали носом и всхрапывали» [55]. Отметив «бессмысленно блуждающие взгляды», он не упомянул, однако, об ореховой скорлупе, сыпавшейся с хоров, о паясничанье на лестницах, о плевках, смехе, флирте и вырезанных на скамьях надписях; о тычках локтями под ребра, пинках коленом под зад и периодических ударах в нос; одна женщина как-то уселась на колени соседа, который отказался подвинуться на скамье. Новоанглийский молельный дом был местом благопристойным, но оживленным. Той весной Марта Кэрриер грубо толкнула посреди псалма двенадцатилетнюю девочку. Именно в церкви вы узнавали, почему у вашей сестры глаза распухли от слез и что пойман пират, а в Андовере убили льва. Служба, главное событие недели, была средоточием социальной и духовной жизни. Будучи единственным средством регулярного общения, она выполняла также просветительскую и журналистскую функции. В среднем за жизнь прихожанин в Новой Англии прослушивал около пятнадцати тысяч часов проповедей [56]. Редко (если когда-либо вообще) случалось, чтобы столько людей буквально думали в унисон. Многие делали записи. Многие потом долго обсуждали услышанные наставления. Отголоски произнесенного Пэррисом с кафедры еще несколько недель витали в воздухе. Его слушали. Но необязательно так жадно, чтобы не заметить метку дьявола под языком у зевнувшего на соседней лавке соседа.

¹³ Гарвардский взнос [50] – примерно пятьдесят пять фунтов за четыре года обучения – выплачивался по такой же схеме, обычно пшеницей и солодом. Среднестатистический новоанглийский отец отправлял сына в Кембридж с запасом пастернака, масла и, как это ни прискорбно, козлятины. Полтуши говядины весом 64 кг покрывали год обучения. Другими словами, четыре курса в университете равнялись стоимости небольшого домика.

Сэмюэл Пэррис впервые проповедовал в Салеме в ноябре 1689 года. Приехал в деревню он с весьма скромным пасторским опытом [57]. Он родился в Англии в 1653 году, а большую часть юности провел на Барбадосе: Пэррисы были процветающими плантаторами. Хотя когда-то, возможно, он и выбрал пасторство своей профессией – Сэмюэл несколько лет посещал Гарвард, но бросил учебу в 1673 году из-за смерти отца, – его корни лежали в предпринимательстве. В двадцать лет унаследовав плантацию с семьюдесятью рабами, он вернулся на Барбадос. Там он с трудом справлялся с поместьем почти семьдесят гектаров и щедрым дядиным наследством. Через несколько лет он продал имущество себе в убыток, а к 1680 году появился в Бостоне, теперь уже в качестве вест-индского торговца. Пэррис женился. Поначалу дела шли хорошо, однако, несмотря на более благоприятный экономический климат Массачусетса, нежели барбадосский, карьера Пэрриса терпела неудачу за неудачей. Целый год он провел в судебных тяжбах по поводу сомнительного кредита. В общем, в мире финансов он преуспел не больше, чем в торговле. Возможности появлялись постоянно. Он упустил их все.

В 1688 году, когда на него наткнулась салемская делегация, Пэррис был членом первой Бостонской церкви и отцом троих детей. Неясно, как и почему он пришел к пасторству: обычно священнослужители оставляли кафедру ради мирских дел, не наоборот. Раньше он считал себя торговцем и джентльменом, заслуживающим личного миниатюрного портрета. Почти красавчик, с резкими, острыми чертами, широко расставленными глазами, черными волосами до плеч и чувственным ртом, Пэррис производил впечатление. Он единственный житель деревни, лицо которого нам известно. Его старший брат служил пастором в Англии, дядя проповедовал в первой Бостонской церкви. Сэмюэл сам успел немного послужить в удаленной массачусетской деревеньке. Он выступал на неформальных собраниях верующих и близко общался с некоторыми местными священнослужителями, в том числе со своим двоюродным братом из Милтона. Получив предложение ехать в Салем, Пэррис колебался. «Работа предстояла огромная», – писал он [58]. Он позже сообщит фермерам о своем решении. У него имелись все основания сомневаться, даже если он ничего и не знал о происходившем в Салеме (что маловероятно). Его непосредственный предшественник Деодат Лоусон принадлежал к той же бостонской конгрегации. У них были общие друзья. Долгие пляски вокруг Пэрриса, незаинтересованного кандидата без степени бакалавра, в то время как иные выпускники-магистры Гарварда не могли найти себе кафедру, многое говорили и о Салеме, и о его будущем пасторе. Ни одна из сторон не горела желанием сотрудничать.

Начавшиеся в итоге переговоры шли долго и трудно. Несмотря на несостоятельность в бизнесе, переговоры Пэррис обожал. В свои тридцать он был более стреляным воробьем, чем все предшествовавшие ему пасторы. Он больше путешествовал, однако почти не имел опыта жизни в глуши, которую окрестил «бедной маленькой деревушкой» [59]. Пуританский Бостон [60] шумел всеми своими восемью тысячами жителей, пестрел ленточками и оборками, шелестел серебристыми кружевными накидками и алыми юбками – в общем, ничем не походил на сельский Салем. Тут палитра была совершенно иной: приглушенные оттенки зеленого, грязно-лилового и насыщенного красновато-коричневого. И оба они живо контрастировали с Барбадосом. Деревня сделала лучшее предложение, какое только могла сделать, оно полностью отвечало ситуации на рынке. Пэррис, опытный торговец, не впечатлился. Назвав условия, предложенные салемской стороной, «скорее разочаровывающими, чем воодушевляющими» [61], он, в свою очередь, выдвинул восемь собственных. Самые непростые из них касались дров. Если борьба священника за уважительное к себе отношение плавно перетекала в дискуссию о заработной плате, то борьба за дрова сразу поджигала фитиль. Их доставка ложилась на общину тяжелым грузом, и каждый раз, когда она срывалась или партия топлива оказывалась некачественной, в этом улавливали затаенный намек. «Разве эта древесина не слишком мягкая?» –

вопрошал пастор, пока фермер разгружал свою телегу. «А разве мы порой не получаем слишком мягкие проповеди?» – парировал тот [62].

Пэррис хотел, чтобы его обеспечивали дровами. Деревенские же снова предпочитали вносить средства в фонд, откуда он сможет их брать. У них не практиковалось общинное пользование землей, доставать древесину было нелегко. Уже к 1692 году это представляло постоянную всеобъемлющую проблему для Новой Англии. Рубка деревьев, использование и экспорт древесины жестко регулировались. В общем, из деревни летели предложения и контрпредложения, отношения портились. Упрямый мужчина с хрупким эго, Пэррис не соглашался на создание фонда. Цены на дрова могли взлететь. Дискуссия длилась почти весь 1689 год – именно в тот год колония скинула англиканского губернатора, назначенного короной, за чем последовали серьезные беспорядки, участвовавшие стычки с индейцами и публикация «Памятных знамений» Мэзера, куда входил рассказ об околдованных Гудвинах. «После длительных уговоров, – вспоминал позже Пэррис, – я сказал, что попробую поработать у них один год, и на этом дискуссия подошла к концу» [63].

Переговоры еще продолжались, а Пэррис с женой Элизабет, тремя детьми и рабами уже въехали в пасторский дом на деревенской развязке. На восьмидесяти сотках стоял удобный двухэтажный коттедж с гигантским дымоходом и четырьмя каминами. Пэррис соорудил просторную пристройку позади четырех побеленных комнат; детей, видимо, поселили наверху, как и прислугу. Через полтора года умер молодой темнокожий раб, переехавший вместе с ними. А потом, в один ветреный вторник в середине ноября, свершилось событие исключительной важности как для деревни, так и для ее нового пастора: Сэмюэла Пэрриса посветили в должность в присутствии нескольких соседних священнослужителей, среди которых был Джон Хейл и два преподобных из города Салема. Пэррис говорил об Иисусе Навине и новой эре. С этим посвящением у деревни теперь появилась возможность совершать важнейший обряд причастия. Новый пастор, признавший проблемы селян, успокоил их. Годы прозябания во мраке закончились. Господь развеял туман своих упреков, и фермеры отныне могут двигаться вперед без волнений и сомнений. В это заявление Пэррис включил и себя. Здесь очень много работы, но он будет усердно ее выполнять. В соответствии с традицией он предупредил, что будет сердечен с одними, но суров с другими. «Вы должны нести мне свою любовь, много любви», – инструктировал Пэррис своих прихожан. В менее ортодоксальной манере он сделал акцент на поклонении собственной персоне: «Конечно, должно любить всякого пастора Христового, однако меня вам следует любить больше (если получится, несмотря на огромную разницу между мной и другими)» [64].

У кого-то получилось, у кого-то нет. Тут он им не помогал. Множество поселений вставляли палки в колеса множеству священников, но мало кто из последних был так суров со своей паствой, как Пэррис. Он мог быть нудным, упрямым, угрюмым. Если имелись какие-то стандарты, он действовал в строгом соответствии с ними. Кучу энергии Пэррис вкладывал в мелочи, имел страсть к порядку, приводившую к хаосу. Когда у жены портного Иезекиа Чивера в начале 1690 года начались роды, Чивер без разрешения схватил лошадь из соседского стойла, видимо, чтобы съездить за повитухой. Сосед подал протест. Дело дошло до Пэрриса, который провел целых три собрания по этому поводу. Он потребовал принести публичное извинение, что Чивер с готовностью сделал. Пэррис посчитал его «незначительным» и заставил новоиспеченного отца еще раз извиниться перед прихожанами в молельне на следующей неделе. Он был из числа людей, которые считают, что только они способны адекватно справиться с задачей, а потом жалуются, что никто им не помог. Он был мелочен, в отличие от престарелого пастора города Салема, который сопровождал Пэрриса во вступлении в сан, – тот, как говорили, «ронял утешения, словно капли росы» [65].

В каждую проповедь Пэррис пытался впихнуть слишком много, а в итоге мог выжать предмет проповеди досуха и совершенно измотать слушателей. Он знал, что частенько не

оправдывал ожиданий, но отказывался это признавать. Оловянные кружки на алтаре такие уродливые. Нельзя ли их заменить? (У более богатых сообществ имелась серебряная алтарная посуда.) Он привез с собой несколько вещей, нечасто встречавшихся в деревенском Салеме: собственную серебряную кружку, письменный стол и зеркало. Он мог похвастаться личным гербом – редкостью у массачусетских пасторов. Пэррис вырос на Барбадосе, в богатейшей колонии английской Америки, находившейся тогда на пике своего могущества. Он повидал прекрасные дома и пышное гостеприимство. Салем выглядел убого и, с учетом численности семейного поместья на Барбадосе, наверняка казался ему слишком безлюдным. Очень скоро новый пастор попытался присвоить себе дом и участок. Маневр был не то чтобы неуместным, но уж слишком поспешным: поселения делали подобные подарки своим пасторам лишь после долгой службы. Жители деревни не согласились [66].

Не прошло и года с его посвящения, а Пэррис уже составил список жалоб, который решил зачитать своим прихожанам. Дважды поднимался шум, который не дал ему закончить. В итоге он излил свою скорбь на особой встрече в приемной пастората. Ни дом, ни изгородь, ни пастбище, ни жалованье, ни поставки дров – ничто не удовлетворяло потребностям Сэмюэла Пэрриса. Построенный восемь лет назад коттедж требовал немедленного ремонта. Изгородь сгнила и грозила вот-вот упасть. Густой кустарник заполнил две трети пастбища. Пастор не мог существовать без жалованья. Разговор о дровах он оставил на десерт: после нечеловеческих усилий с его стороны наконец пришли две маленькие партии. На дворе стоял конец октября. Без дров, предупредил он паству, не будет им никакого Слова Божия. «Я не могу проповедовать без серьезной подготовки. Я не могу готовиться без тепла. Я не могу спокойно жить без изучения Писания», – объяснил Пэррис [67]. Он потребовал быстрого рассмотрения каждого из вопросов, а также «человеколюбивого христианского ответа в письменной форме». Деревенский воздух зазвенел от ледяной обиды, напряженного ожидания и отчаяния, и домашние пастора не могли не почувствовать этого на себе. Семья принимала рассерженных посетителей, слышала разговоры на повышенных тонах и яростный топот ботинок. Пастор нашел своих прихожан в высшей степени непочтительными людьми. К написанной петиции он добавил строчку в своем фирменном стиле – надменной жалости к себе: «Разрешите заметить, что если вы продолжите упираться, то ваше поведение доведет меня либо до могилы, либо до какого-нибудь другого места». Он догадывался, что прихожане были добрее к его предшественникам. Никто из последних так не оконфузился. Никто из них, вероятно, не был так восприимчив к холоду, как он, почти десять лет проживший в тропиках.

Жители деревни не раз встречались, чтобы обсудить затруднительное положение своего пастора. Жалованье ему не выплачивали уже несколько месяцев; уже осенью 1690 года зашла речь о его смещении. Специальный комитет, собиравший средства для оплаты его труда, в конце 1691 года проголосовал против. К тому же у него закончились дрова. В проповеди Пэрриса начала пробираться горечь. В его доме тем временем становилось все холоднее и холоднее, и он объявлял об этом с кафедры. Если бы не заезжий дьякон из города, в последний момент организовавший доставку, то он бы просто замерз, проинформировал прихожан пастор 8 октября. Он не стал призывать их сжалиться над его семьей, остро осознававшей проблемы кормильца и тоже наверняка дрожавшей под ударами разгуливавшей непогоды: ноябрь принес бешеные снегопады и дикие ветра. Пэррис сообщил членам комитета, навестившим его в начале месяца, что они должны заботиться о нем лучше, чем о других. 18 ноября он, выбравшись из сугроба, пожаловался, что «дров ему едва хватит до завтра» [68]. Как назло, зима в тот год выдалась на редкость морозной. Замерзал и хлеб на алтарных тарелках, и чернила в ручках, и сажа в камине. Дымоход плевался ледяной пылью. Пэррис читал проповедь, а в ответ хрипло кашляли, нестройно шмыгали носами и шаркали серьезно обмороженными ногами. 3 января 1692 года, к всеобщему облегчению, он сам оборвал проповедь. Было попросту слишком холодно, чтобы продолжать [69].

Даже без деревенских дразг у Пэрриса имелись все основания жаловаться. Работа была изматывающей, и он был не особенно к ней готов. Пришлось принять на себя сразу несколько обязанностей. Пастор «маленькой деревеньки» наставлял паству, потом стриг свою кобылу, после чего шел чинить садовую изгородь, которую бросал, чтобы председательствовать на церковном собрании. Пэррис вполне мог повесить у себя в доме карту мира, мог прослыть деревенским интеллектуалом, переводившим в Гарварде Ветхий Завет на иврит и греческий, но в той же степени он посвящал себя прополке репы, сбраживанию сидра и охоте на белок. «Так странно заниматься пасторской службой и одновременно управлять фермой», – причитал один массачусетский священник [70]. Пэррис, в былые времена торговавший недвижимостью, а нынче вынужденный распахивать собственное поле, должно быть, чувствовал то же самое. Сама по себе пасторская служба выматывала и тянулась бесконечно. «Из всех церквей под небесами ни одна не требует от пастора такого служебного разнообразия, как церковь Новой Англии», – сетовал Коттон Мэзер, которого не прельщала идея пасторских посещений прихожан. Пэррис же призывал прихожан требовать религиозного инструктажа на дому. Он был писарем, судьей, советником, поверенным. Он держал посты и проводил крещения, организовывал лекции и вел переговоры с соседними конгрегациями. Он утешал больных и скорбящих родственников погибших – за лето 1689 года четыре семьи потеряли сыновей в стычках с индейцами. Пастор в Марблхеде подсчитал, что за восемь лет у него ни разу не выдалось более половины выходного подряд. Поэтому хватало причин выбиться из сил даже при благоприятных обстоятельствах, которых у Пэрриса не имелось. Заведомо настроенный на конфронтацию, он все чаще без устали говорил о ранах Христовых. Задолго до безжалостной зимы 1692 года он, как чувствовалось, был лучше подготовлен к катастрофе, чем к пасторской службе.

Помимо всего, приходилось еще заботиться о духовном просвещении собственной семьи – именно этот пункт в свое время сильно навредил Бэйли. Утром и вечером Пэррис молился и читал отрывки из Писания своим домашним, включая рабов: их души тоже были на его попечении. Он собирал семью перед очагом, вместе они пели псалмы и раз в неделю устраивали катехизис. Дети многих священников субботними вечерами слышали репетицию завтрашней проповеди, воскресенье заканчивалось разбором прошедшей службы. Упор Пэррис делал на христианские обязанности. Человек рождается во грехе и начинает паломничество во имя прощения; идет духовная битва, битва святых с проклятыми; церковные таинства превыше всего. Родитель-пуританин был занят в течение всего дня: Мэзер, например, бесконечно придумывал для своих сыновей и дочерей какие-то упражнения. Пэррис, будучи не настолько творчески одаренным, больше внимания уделял образованию детей, которое не отделялось от их духовного благополучия. Задолго до того, как у девочек появились первые тревожные симптомы, за их душами велся постоянный контроль с ежедневным досмотром: состояние новоанглийской молодежи, похоже, вызывало у взрослых серьезную озабоченность. Пастор искренне надеялся, что его паства была не менее бдительной, и боялся, что это не так. Он без конца твердил, что семейный уклад разваливается, риторически вопрошал: что происходит сегодня с детьми? На собрании кембриджских пасторов Пэррис даже призвал всех задуматься, что можно по этому поводу сделать [71].

Будучи на пять лет старше мужа, Элизабет Пэррис, еще до замужества состоявшая в первой Бостонской церкви и на своей салемской церковной скамье окруженная пятью женщинами с фамилией Патнэм, разделяла с Сэмюэлем эту ношу. От нее требовалось неуклонно проявлять преданность долгу и сострадание к соседям. После неприятностей 1692 года дел прибавилось; в любых обстоятельствах она читала и обсуждала Библию с приходскими детьми – ответственность за их обучение лежала на ней. Базовая грамотность входила в число обязательных требований для Новой Англии, закрепленных в законодательном акте 1647 года об основании школ, которому Массачусетс был обязан своими успехами в сфере образования. У этого закона имелась и защитная функция. Считалось, что «одна из главных целей „старого

искусителя“, Сатаны, – держать человека подальше от Писания» [72]. Поэтому самое главное – перехитрить мерзавца, не попасться в его демонические сети, ведь даже ледяной новоанглийской зимой можно почувствовать на щеке его горячее дыхание. Житель города Салема, не учивший собственных детей читать, обнаруживал на двери молельни объявление, в котором предлагалось отдать его детей в услужение тому, кто станет их учить [73]. Базовая грамотность была условием необходимым, но вряд ли достаточным. Один будущий священник трижды от начала до конца прочитал Библию, когда ему еще не исполнилось и шести лет [74]. Многие до совершеннолетия делали по двенадцать кругов и могли наизусть цитировать длинные отрывки из Писания.

Идеальная пуританская жена держится в тени, и Элизабет Пэррис тому пример: нам мало что от нее осталось, помимо инициалов на почерневшей оловянной тарелке для сбора пожертвований. О Пэррисе-отце известно несколько больше. Он внушал прихожанам: «Мудрые родители не потерпят, чтобы дети играли с едой» [75] – и заявлял, что благоразумная мать пользуется «розгой и порицанием». Возможно, он был более свиреп за кафедрой, чем за обеденным столом, однако сложно представить, чтобы его дети когда-либо оказывались правы в споре со своим бескомпромиссным, не прощающим отцом, если и прихожанам это редко удавалось. Пэррис никогда не игнорировал чужие промахи, срывал замки с запретных тем и никогда не останавливался на одном аргументе, если имел в запасе три. Еще один намек на его родительский стиль – сокращенная январская проповедь. Пока жители деревни пытались согнуть и разгибать окоченевшие пальцы на руках и ногах, пока ставни бились на адском ветру, Пэррис наполнял сумрачную молельню поучениями о страданиях, которые якобы учат бдительности, умирляют и направляют. Господь посылает страдания, вещал пастор, как родители, которые, «когда видят, что дети слишком смелы с огнем или водой, поднесут их близко к огню или к воде, словно бы желая сжечь их или утопить» [76]. Естественно, ни один родитель не будет делать ничего подобного. Он лишь стремится «внушить им благоговение и страх, чтобы они в будущем держались от опасностей подальше»¹⁴.

Промерзший пасторский дом скоро с головой окунется в благоговение и страх. И не он один. В то самое время, когда февральский «ведьмин пирожок» указал Абигейл и Бетти на их мучительниц, двенадцатилетняя Энн Патнэм, дочь Томаса Патнэма, верного сторонника Пэрриса, вдруг начала содрогаться и задыхаться. А в пяти километрах от нее забилась в конвульсиях Элизабет Хаббард, шестнадцатилетняя племянница доктора Григса. Когда она возвращалась домой из поездки, за ней по февральскому снегу следовало какое-то существо. Теперь она осознала, что это был никакой не волк. Все четыре девочки точно знали, кто бил их и щипал. До конца 1692 года Сэмюэл Пэррис больше ни разу не упоминал о дровах.

¹⁴ В таком же ключе Коттон Мэзер считал необходимым готовить свою восьмилетнюю дочь к его неотвратимой смерти, и в итоге пережил ее на двенадцать лет.

3. Творение чудес

Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических выводов [1].

Артур Конан Дойл¹⁵

Несколько дней после эксперимента Мэри Сибли с «ведьминым пирожком» округ Эссекс заливало чудовищными дождями [2]. Реки раздулись от тающего снега и вышли из берегов, затапливая дома, слизывая с земли скот, мельницы и мосты, размывая только-только возделанные поля. Деревня превратилась в грязное бурлящее болото. Пообщавшись со своим пастором, Томас Патнэм не убоился непогоды и выехал с тремя друзьями в город Салем 29 февраля. Девочки теперь знали имена своих мучителей. В понедельник фермеры средних лет в заляпанных грязью плащах предстали перед двумя городскими судьями, дабы выдвинуть официальные обвинения в колдовстве. Через несколько часов деревенский констебль уже стучал своей черной тростью с медным набалдашником в дверь дома, стоявшего в полутора километрах к юго-западу от пастората. У него имелся ордер на арест Сары Гуд. Ей предписывалось явиться к властям на следующее утро и ответить за двухмесячные издевательства над двумя девочками в доме Пэрриса, дочерью Томаса Патнэма и племянницей доктора Григса. В Массачусетсе XVII века грех шел рука об руку с преступлением: перечень самых страшных злодеяний, караемых смертной казнью, составлялся непосредственно по Библии [3].

Нищенка и фактически бродяжка, Сара Гуд была вроде местной страшилки [4]. Можно было подумать, что она забрела в деревню прямо со страниц сказок братьев Гримм, но те еще не родились. Сара притащила с собой историю безжалостного социального падения. Когда ей было восемнадцать, отец-француз, зажиточный владелец гостиницы, покончил с собой. Все его внушительное состояние перешло к ее отчиму. Когда ей было чуть за двадцать, внезапно умер ее муж, оставив жене свои долги. Последовали судебные иски, лишившие Сару всего. К вящему недовольству благочинных, трудолюбивых соседей, Гуд и ее семья подолгу жили подаданиями, обретаясь по сараям и полям. Женщина даже не всегда делила кров с новым мужем Уильямом. Недавно же появилась в пасторате вместе с пятилетней дочерью. Пэррис чем-то угостил девочку, и Гуд удалась очень недовольная, что-то бормоча себе под нос. Эта встреча с растрепанной неприветливой соседкой всерьез растревожила обитателей дома. Помощь бедным была хронической проблемой Массачусетса, где ресурсов не хватало, а праздность представлялась большинству жителей загадкой. Бедняков предпочитали отселять подальше от города. Оба Салема тогда как раз столкнулись с этой ситуацией: война короля Филипа оставила огромное количество вдов и сирот. Если мы сами будем заботиться о своих неимущих, снова пытались выторговать себе независимость салемикие фермеры, может быть, город освободит нас от выплат в фонд ремонта и содержания дорог?

Таким образом, Сара Гуд уже какое-то время была раздражающим фактором для салемиких семейств. Три года назад ее семья осталась без жилья, и одна добродетельная пара приютила их у себя. Гуд оказалась настолько «беспокойным жильцом, враждебным и злонамеренным» [5], что через полгода хозяева выставили ее: они больше не могли выносить эту женщину ни минуты. Гуд отплатила им за доброту оскорблениями и угрозами. Той же зимой их скотина стала без видимой причины болеть и умирать. Когда Гуд об этом узнала, то заявила, что ей плевать, даже если они лишатся всего поголовья. Когда очередной фермер отказался пустить ее в свой дом, опасаясь, что у нее оспа, – без сомнений, было в этой женщине что-то нечистое, – она начала орать и изрыгать проклятия. Если они не одумаются, мол, уж она придумает, как

¹⁵ Артур Конан Дойл. Собрание сочинений в 8 т. Т. I. Человек с рассеченной губой. Правда, 1966. – Прим. перев.

их отблагодарить! Естественно, на следующее утро корова у той семьи умерла «неожиданным, ужасным и крайне необычным образом». Брат констебля Херрика лично прогнал ворчащую Гуд, искавшую у него приюта. Так как она продолжала слоняться по его владениям, он велел сыну следить, чтобы она не проникла в сарай. У нее была привычка курить трубку (множество женщин в Массачусетсе открыли для себя радость табакокурения), что могло привести к пожару. Гуд поклялась, что Херрики тоже заплатят за недостаток гостеприимства. Возможно, она лишь туманно намекала: у нас есть ее слова – но услышанные другими, а не сказанные ею самой. В любом случае общение с ней никому не доставляло ни малейшего удовольствия. Более того, вскоре пропало несколько ценных коров Херриков. В общем, у всех трех семейств очень скоро появится повод вспомнить об этих зловещих эпизодах.

В десять часов утра 1 марта констебль доставил Сару Гуд на допрос в таверну Ингерсола. Если у деревни было сердце, то билось оно в таверне Ингерсола. Это заведение, расположенное в двух шагах от молельни, чуть южнее пасторского дома, на подъеме дороги на Андовер, собирало у себя паству Пэрриса, которая подкреплялась там в перерывах между воскресными проповедями. В то утро остро ощущалось отсутствие некоторых персонажей. Марта Кори, соседка Сары, решила не приходить и пыталась удержать мужа – даже расседлала его лошадь. Тщетно: Джайлс Кори не пропустил ни минуты длившихся целую неделю разбирательств. Когда приехали судьи из города, было очевидно, что таверна Ингерсола не может вместить всех желающих. Слушание перенесли в аскетичный, щетинившийся стропилами молельный дом, и в лучшие-то свои деньки бывший мрачным местом, а теперь, после нескольких лет запустения, и вовсе превратившийся в темницу. Салемские фермеры долго откладывали ремонт, лишь залачивая досками разбитые окна. Помещение в итоге стало таким темным, что впору было признать его непригодным для какого-либо использования. Тем не менее в воздухе ощущалось что-то пьяняще праздничное. В колонии не было театра – он считался «постыдным излишеством» [6]. Хотя уже были написаны все пьесы Шекспира, ни одна из них пока не дошла до Северной Америки, куда первый орган доберется только через девятнадцать лет. В лихорадочном возбуждении этого памятного вторника растворились все правила, все иерархические законы – как в грядущие недели внезапно будут сняты все запреты, обязательства и указы о введении комендантского часа. Фермеры отлично знали свои места на темных деревянных скамьях – при обсуждении спорных вопросов процесс рассаживания был весьма болезненным и велся по унизительному алгоритму сообразно возрасту, уровню доходов и количеству земли в собственности [7]. Тем утром, однако, на своих местах никто не сидел.

Председатели процесса – мировые судьи Джонатан Корвин и Джон Хэторн – расположились за столом перед кафедрой [8]. Эти многоуважаемые господа почитались в числе первых лиц Салема. Темноволосый Хэторн, успешный торговец землей и сообразительный капитан ополчения, жил в прекрасном особняке. Будучи таким же опытным и жестким дознавателем, как его отец, Хэторн участвовал в судебных слушаниях с 1684 года. И хотя он был отцом шестерых детей, девочек-подростков среди них не было. Корвин владел лесопилками, некоторыми из них – совместно с Хэторном. Единственный сын одного из богатейших салемских торговцев, он унаследовал одно состояние и женился на обладательнице другого. Двое судей состояли в свойстве, близко дружили, жили в квартале друг от друга, обоим было слегка за пятьдесят. Вместе они заседали в городском совете Салема (Хэторн – на лидирующих позициях), а не так давно ездили на границу с Мэном – изучать оборонительные укрепления индейцев [9]. И хотя ни у одного из них не имелось правовой подготовки (люди с юридическим образованием не переезжали в колонию, где не было юридического факультета), оба они отлично ориентировались в делах общины, знали и нарушителей, и нарушения. Хэторн пятью годами ранее возглавлял комитет, вмнявший деревенским избавить город от своих дрязг. Многие часы он посвятил рассмотрению взаимных претензий семьи Патнэм. Без сомнений, оба муж-

чины обрадовались посвящению Пэрриса, семью которого Корвин спас от холода экстренной доставкой дров в октябре.

После молитвы Хэторн, сидя за длинным столом, где Пэррис с дьяконами обычно проводили литургию, взял на себя роль председательствующего. «Сара Гуд, – спросил он, – с каким злым духом ты водишь знакомство?» – «Ни с каким», – ответила она. Уткнувшийся в бумажки Хэторн будто не слышал ее и продолжал гнуть свою линию. Заключала ли она контракт с дьяволом? Зачем причиняла вред этим детям? В виде какого существа она это делала? Он действовал скорее как следователь полиции, а не как судья: ему предстояло не установить правдивость обвинений, а доказать вину обвиняемой. Когда подозреваемый в воровстве предстал перед Хэторном восемью годами ранее, тот сразу же задал вопрос: «В какой день недели ты украл деньги у Элизабет Рассел?» И далее: «В какое время? Где эти деньги?» [10]

Бой был неравным. Несмотря на все ее провинности и иск против отчима, Гуд еще ни разу не свидетельствовала перед магистратом. В то дождливое утро она стояла перед Хэторном и Корвином, отделенная от них несколькими метрами и барьером по пояс. Такого рода конфронтация даже серьезных мужчин вынуждала лепетать какую-то невнятицу. И тем не менее Хэторн ничего не добился. Гуд продолжала мрачно все отрицать и была так же неприветлива в суде, как до того несдержанна в чужих прихожих. Хэторн попробовал зайти с другой стороны. А что она там бормотала в доме пастора? [11] Просто благодарила преподобного Пэрриса за подавание, объяснила она. Ее обвиняют ошибочно. Она знать ничего не знает о дьяволе. Хэторн велел подняться четырем девочкам, сбившимся в кучку. Эта женщина – та, что причинила вам вред? Мало того, что все они подтвердили – мол, да, это она, и трое из них пострадали от ее рук прямо вот в это самое утро. Так еще, как только они подошли лицом к лицу к Гуд за покрытой балдахинном кафедрой, каждая начала биться в судорогах. Хэторну пришлось отослать их. «Сара Гуд, разве ты не видишь теперь, что натворила? Почему ты не скажешь нам правду? Зачем терзаешь этих несчастных детей?» – упрекал он ее. Адские корчи продолжались, и Гуд ничего не оставалось, как признать, что с девочками что-то не так. Но при чем тут она? Как и все остальные, она знала, что Хэторн арестовал еще двух женщин. Виновата какая-то из них.

Когда Хэторн в четвертый или пятый раз спросил, кто наслал проклятие на детей, Гуд дала ответ. Она назвала Сару Осборн, арестованную тем же днем. Ее дом перевернули вверх дном в поисках улик. Пришедшие в себя девочки прояснили, что Осборн и Гуд их мучили вместе. Хэторн вернулся к вопросу о бормотании. Все-таки что именно говорила Гуд, когда уходила из чужих домов? Он подразумевал, что она либо произносила заклинания, либо советовалась со своими дьявольскими сообщниками. Вообще бормотание имело еще одно объяснение: в Новой Англии это был признак чего угодно подозрительного и пагубного. Это слово пахло беззаконием и мятежом. Оно вело напрямик к анархии: где начинается ворчание, там недалеко и до восстания. В понимании пленников, индейцы, удерживавшие их, бормотали. Коттон Мэзер прежде описывал это как «дьявольскую музыку».

Гуд вела себя в лучшем случае вызывающе, в худшем – попросту оскорбительно. «Ее ответы звучали очень язвительно и зло», – замечает один из судебных репортеров, переключаясь на косвенную речь и подменяя собственными комментариями голос обвиняемой [12]. Все внешние признаки были на его стороне. Замызганная, потрепанная жизнью Гуд выглядела в полном соответствии со своей репутацией. Ребенок принял бы ее за старуху. А ведь на самом деле ей было тридцать восемь лет, три месяца назад она родила. Она продолжала отбиваться от атак своего элегантного дознавателя, которому с трудом удавалось вытягивать из нее слова. Но в итоге Сара все-таки сообразовалась ответить насчет бормотания: «Если это так необходимо, то ладно». Она повторяла Божьи заповеди. Когда же судьи потребовали подробностей, Гуд изменила показания: это был псалом. Она помолчала, потом сбивчиво промямлила его часть («пробормотала», отметил писарь). «Кому ты служишь?» – не отступался Хэторн. «Господу, сотворившему небо и землю», – отвечала Гуд, однако неуклюже замешкалась, прежде

чем произнести имя Божье. Она может объяснить, почему не ходила на воскресные службы: у нее нет приличной одежды.

Если не сама Сара Гуд в тот же день подписала себе приговор столь резкими ответами, то ее муж определенно сделал это для нее. Кто-то из присутствовавших вспомнил, как Уильям Гуд высказывал подозрение, что его жена «либо ведьма, либо очень скоро станет ведьмой». Хэторн бросился вытаскивать из незадачливого ткача подробности. Он видел какие-нибудь дьявольские ритуалы? Нет, но жена вела себя с ним враждебно. Со слезами на глазах он признал, «что она враг всему хорошему». Если зал и ахнул, то в записях это не отразилось: Иезекиль Чивер, один из писарей в тот день, не счел нужным сохранить данный факт для истории. Годы нищеты не пощадили их брак: о том, что Сара Гуд не проявила ни капли сочувствия к судьбе соседской скотины, тоже рассказал ее муж. А ночью накануне ареста жены он как раз заметил ведьмино клеймо – знак, которым, как известно, дьявол метит своих слуг, – чуть ниже ее правого плеча. Раньше его там не было. Он еще подумал: интересно, видел ли это кто-нибудь еще. Хэторн отправил Гуд в тюрьму.

Немолодую Сару Осборн, вторую подозреваемую, он допрашивал с таким же пристрастием. Как и Гуд, Осборн уже давно пыталась получить приличное наследство, в ее случае – оставшееся после смерти мужа в 1674 году. Дело двигалось медленно. Осборн тем временем снова влюбилась и вышла замуж за своего ирландского батрака. Слухи о ней ходили годами, и последние из этих лет она провела прикованной к постели. Хэторна снова ждали отрицания, хотя и от более покладистой и не такой убогой обвиняемой. Осборн отказывалась вовлекать в свои объяснения Гуд, которую долго не видела и с которой в целом была лишь шапочно знакома. Но Сара Гуд приплела тебя, поддел ее Хэторн. Осборн не попала в ловушку. Хэторн снова обратился к девочкам. Не могут ли они подойти к свидетельнице? Каждая из четверых ее опознала. Сара Осборн была одета совершенно так же, когда щипала их и душила, указали они. Признавая свое сложное положение, Осборн вроде бы вздыхала после ареста, что она скорее пострадавшая от колдовства, чем колдунья. Это не укрылось от внимания Хэторна. Что она имеет в виду? Осборн рассказала о своем частом ночном кошмаре. Она то ли видела, то ли ей снилось, что видела, – на разницу никто не обратил внимания – похожую на индейца фигуру. Он схватил ее за шею и потащил за волосы к входной двери. О том, что делать в подобной ситуации, задумывалась едва ли не каждая женщина в Массачусетсе. В своем бестселлере Мэри Роулэндсон писала, что до похищения индейцами не раз говорила себе: лучше уж умереть, чем живой попасть в плен к дикарям¹⁶. Все слышали о младенческих головках, разможенных о стволы деревьев, и о выпотрошенных беременным женщинам. И при всей своей нетерпимости к беднякам деревенские добровольно жертвовали в фонд поддержки людей, побывавших в плену у индейцев. В феврале, например, деревня собрала тридцать два фунта – половину годового жалованья Пэрриса (которое ему так и не выплатили).

И снова кто-то в переполненной молельне по собственной инициативе рассказал историю не первой свежести. Вообще между конвульсиями девочек и залпами непрошенных излияний зал суда, словно окутанный бледным светом поздней зимы, был далеко не спокойным. Даже протоколы слушаний выглядят хаотичными. Неспроста мы, отмечаем один ученый XVII века, сегодня кричим: «Порядок в зале суда!» [13] Вроде бы Осборн однажды упоминала, что слышала некий подозрительный голос. «Это дьявол с тобой говорил?» – спросил Хэторн. «Я не знаю дьявола», – ровно ответила она. Ей тогда показалось, что голос предлагал не ходить на службу. Она его проигнорировала. Хэторн настаивал: «Почему же ты все-таки послушала дьявола и с тех пор не ходишь на службу?» Потому что она болела, и это знает любой, чья фамилия

¹⁶ По мнению большинства пленников, лишь одно было хуже индейского плена. Английский переселенец предпочел бы подставить голову под топор, чем поцеловал бы распятие. Опасаясь за свою душу, один голодный юноша даже отказался есть предложенное иезуитом печенье и закопал его под колодой.

Патнэм. Осборн действительно уже какое-то время пропускала богослужения, и еще дольше длилась ее тяжба с первым семейством деревни. В завещании ее бывшего мужа исполнителями значились Томас и Джон Патнэмы, ответчики по ее десятилетиями длящемуся спору. Новый муж Осборн услужливо уточнил, что в молельне она не была уже год и два месяца. В тот же день или следующий за ним жена хозяина таверны обследовала Гуд и Осборн на наличие ведьминого клейма.

Арестовывая Осборн, констебль Херрик провел тщательный обыск [14] – рассчитывал найти любые изображения, снадобья или инструменты, имеющие отношение к колдовству. Похоже, делал он это по собственному порыву, в ордере подобных инструкций не содержалось. Особенно неловким оказался визит к третьей подозреваемой. Ее имя назвала двенадцатилетняя Энн Патнэм: индианка Титуба, рабыня пастора [15]. Она уже какое-то время, по крайней мере с Бостона, жила в семье Пэррис; возможно, работала на них и раньше, еще на Барбадосе. Интересно, что девочки из пасторского дома – рядом с которыми Титуба жила, молилась, делила трапезы и, скорее всего, спала ночами – не называли ее имени. Не назвал его и сам Пэррис, который дважды подтвердил, что Джон (бывший, как считали в деревне, мужем индианки) испек тот самый «ведьмин пирожок», следуя инструкциям Мэри Сибли. Титуба, искренне привязанная к Бетти, хорошо знавшая Писание, ни в коем случае не была обычной подозреваемой. Все рабы и слуги попадали в разнообразные неприятные истории. Титуба – никогда. Она ни разу не привлекалась к суду. Долгие годы распевая псалмы и повторяя уроки катехизиса у очага Пэррисов, она была вовлечена в каждый аспект семейной жизни, в то время как Гуды были полной ее противоположностью. Она не знала тягот жизни и не доставляла проблем членам общины. И Гуд, и Осборн жили на высылках и нечасто посещали богослужения. Ведьмы традиционно были маргиналками: отщепенками, психопатками, сварливыми ворчуньями и нервными злюками. Ведьмы были белыми. Титуба не подходила ни по одному пункту. Но была чарующей.

И снова Хэторн начал с презумпции виновности. «Зачем ты мучаешь этих детей?» – спросил он сурово. Титуба отвергла обвинение, английский явно не был ей родным («Я не мучить их совсем»). «Кто же тогда это делал?» – продолжал Хэторн. «Дьявол, как я знаю», – ответила обвиняемая и тут же поведала притихшему залу, каков он, дьявол. В отличие от тупо молчавшей Сары Гуд, она пела соловьем – не коза отпущения, а сатанинская Шахерезада. Весьма вольно переработав пуританские первоисточники, Титуба обрушила на публику супернасыщенное 3D-кино с полноценными разнообразными персонажами, их суперсилами и подручными зверями. Она была искусна и фантастически убедительна.

Буквально накануне, когда она убирала в пристройке пасторского дома, явился высокий светловолосый мужчина в черном шерстяном пальто. Это он приказал ей мучить детей. Его сопровождали четверо подручных, в том числе Гуд и Осборн. Остальные двое были из Бостона. Высокий пригрозил, что убьет Титубу, не согласись она выполнить его приказание. Хэторн поинтересовался, не представал ли перед ней этот человек в другом обличье. И тут Титуба дала понять, что явно была звездой на кухне дома Пэррисов, где дробила кукурузу и лушила горох; чем больше она входила во вкус, тем более захватывающей становилась ее история¹⁷. Девочки, которые до того бились в жутких припадках, теперь замерли и не издавали ни звука. Чудесное облегчение приписали признанию рабыни.

Итак, у посетителя была желтая птица. Он являлся в виде двух рыжих кошек, или одной гигантской черной кошки, или черной собаки, или кабана. Если она согласится ему служить, может забрать желтую птицу себе. Кошки возникли в доме Пэррисов буквально накануне вечером, сразу после молитвы. Они царапались и едва не опрокинули ее в камин, требуя мучить

¹⁷ Это явление не было новым. Когда снова и снова отвечаешь на одни и те же вопросы, незначительные детали начинают разрастаться и расцветать. То же самое ранее произошло с другой «чертовски надоедливой занозой» – Жанной д'Арк.

девочек. Пока семья молилась, в дом проникла Сара Гуд, на плече у нее сидела желтая птица, а рядом терлась кошка. Она начала торговаться с Титубой, вдобавок что-то сделав с ее ушами, чтобы Титуба не могла слушать Писание. На какое-то время рабыня оглохла. Если она жила в постоянном страхе перед Пэррисом – а бить слуг и рабов считалось в порядке вещей, даже у пасторов, – то еще больше трепетала перед незнакомцем в шерстяном пальто. Он приходил четырежды и угрожал отрезать ей голову, если она о нем кому-нибудь расскажет. Призрачные видения Гуд и Осборн немилосердно гоняли ее туда-сюда: то беги к доктору, чтобы ущипнуть шестнадцатилетнюю Элизабет Хаббард; то мчись к Патнэмам, насылай проклятие на двенадцатилетнюю Энн. Они приказали Титубе убить Энн Патнэм ножом, и этому мгновенно нашлось подтверждение: из зала сообщили, что точно, Энн в свое время жаловалась, что ее сверхъестественные мучители пытались лишить ее головы! На той дождливой неделе Титубе пришлось много где побывать, даже слетать в Бостон. Она оказалась прекрасной сказочницей, и незамысловатые повествовательные конструкции придавали ей шарма. Наверняка помогал и акцент. Она очень четко и убедительно описывала полупрозрачных кошек. Кроме того, она была любезной: ее допрос длился в пять раз дольше допроса Сары Гуд. Никто не обратил внимания, что предыдущий день, когда у Титубы состоялся разговор в пристройке, или утро, когда она якобы терроризировала Элизабет Хаббард, она вообще-то провела в заключении. Никто также не спросил, почему таинственный посетитель обратил внимание Титубы только на двух из четырех затронутых колдовством девочек, и никто не указал, что эти встречи произошли, когда припадки уже какое-то время продолжались. Никто не хотел ее перебивать. У них наконец появилось хоть что-то.

Хэторн пожелал узнать, каким образом Титуба перемещалась по окрестностям. «Я сижу на палке, Гуд и Осборн – сзади», – объяснила она. Они втроем держались друг за друга. Нет, она не может сказать, летели они сквозь деревья или над ними – все происходило слишком быстро. Время и расстояние вообще не играли роли. Видимо, Титуба была миниатюрной женщиной: она несколько раз просила судей поверить, что Гуд и Осборн силой принуждали ее к полетам. Заодно Титуба прояснила еще пару загадок. Тот волк, который преследовал Элизабет Хаббард? – трансформировавшаяся Сара Гуд. Покрытая мехом тварь с крыльями и длинным носом, которая грелась у очага Пэррисов? – Сара Осборн. Она уверяла, что не знает слов, чтобы описать это существо, но справилась прекрасно. Она не может назвать подручного высокого посетителя, но знает женщину из Бостона – потому что узнала ее капюшон с белой полосой. Титуба не скупилась на визуальные подробности и не колеблясь отвечала на все вопросы Хэторна. Если он упоминал какую-нибудь книгу, она тотчас ее описывала. Если он спрашивал про дьявольские обличья, она охотно о них рассказывала. У нее было целое утро, чтобы пообщаться с Гуд и Осборн. У нее были недели, чтобы наблюдать за Бетти и Абигейл, беспокоиться и заботиться о них. Она обожала девочек и уважала хозяина, слегка его побаиваясь: священнослужителю надлежало внушать больше любви, чем страха, своим детям и больше страха, чем любви, своим слугам [16]. Титуба отчаянно нуждалась в том, чтобы вопрос скорее решился. Ее жизнь грозила вот-вот в корне перемениться. В течение всего этого представления никто не вздремнул ни на секунду. Только в самом конце девочек снова начало колотить. «Ты видишь, кто это с ними делает сейчас?» – спросил Хэторн. Сара Гуд, уверила его индианка. Девочки согласились. Они продолжали стенать, но Титуба как будто потеряла дар речи. Она не могла больше сложить ни одной фразы. «Я теперь слепа, я не могу видеть», – объявила она, и слушание 1 марта завершилось молитвой.

К вечеру Титуба и Сара Осборн уже сидели в салемской тюрьме. Этот день всех выбил из колеи. За отбытием судей последовали более обыденные дела. Назначенное на час дня собрание началось с опозданием. Жители деревни все еще спорили о своих обязанностях перед городом. Противоречия, решили они, остаются неразрешимыми. Фермеры постановили хода-

тайствовать в суде о полной автономии и назначили для этого специального констебля. Также они проголосовали против предложения города пожертвовать средства дорожного фонда на поддержку деревенской бедноты. Такую роскошь, как благотворительность, деревня позволить себе не могла.

А вечером, когда стемнело, двоих приятелей, бондаря и разнорабочего, напугал неясный, настойчивый и какой-то потусторонний звук. Подойдя ближе, Уильям Аллен и Джон Хьюз обнаружили на земле «странного и необычного зверя» [17]. Когда они еще приблизились, он растворился в серебристом лунном свете, а на его месте материализовались две или три женские фигуры, сразу же улетевшие в ночь. Примерно в это же время в поместье у доктора Григса заволновалась проходившая там лечение Элизабет Хаббард. «Сара Гуд стоит на столе рядом с тобой!» – крикнула она Сэмюэлу Сибли, мужу уже знакомой нам Мэри, который навещал там больную. Поразительно, но Гуд была босиком, с голыми ногами и голой грудью. «Я убью ее!» – взревел Сибли, хватая свою прогулочную трость. Этой тростью он ударил призрачную попрошайку по руке. Рассказ Хаббард легко подтвердился: констебль Джозеф Херрик тем вечером привел Сару Гуд на свою ферму, чтобы на завтра переправить ее в тюрьму Ипсвича. Каким-то образом вспыхивая заключенная умудрилась проскочить мимо охранников и выскользнула в темноту, прихватив с собой своего ребенка, но оставив ботинки и чулки. Утром жена Херрика обнаружила глубокие порезы на руке Гуд, от локтя до запястья. Накануне вечером ничего подобного не было. Удары трости Сибли, очевидно, достигли цели.

Заместитель Херрика наверняка с облегчением избавился в Ипсвиче от этой подозреваемой – за несколько часов пути она его измотала. Сара Гуд сидела на подушке за седлом и очень мешала двигаться вперед. Трижды она спрыгивала с лошади и пыталась сбежать. Я не ведьма, всхлипывала она, и никогда в таком не признаюсь. У них есть только слова Титубы. Абсурдно верить ладно говорящей рабыне, возмущалась Гуд и одновременно боялась, что кто-нибудь действительно может ей поверить. Она проклинала магистратов. Испуганная, сбита с толку, она пыталась покончить с собой. Сложно было сказать, кого больше ужаснуло гипнотическое выступление Титубы. В среду 2 марта власти заключили Гуд в ипсвичскую тюрьму – весьма нездоровое место даже по ее невысоким стандартам, грязное и зловонное. Вечером Джон Хьюз гостил у четы Сибли, где наверняка обсуждались выходки Сары и его встреча с крылатой тварью. Он ушел около восьми, и в дороге до дома его сопровождал незнакомый белый пес. Хьюз запер двери, лег в кровать – и яркая вспышка осветила его комнату, после чего рядом с изножьем обнаружился толстый серый кот. Двадцатидвухлетний бондарь Уильям Аллен тоже провел беспокойную ночь: слабо светящаяся Сара Гуд внезапно опустилась на его кровать, сев прямо ему на ноги. Когда он дернулся, она исчезла, и свет исчез вместе с ней. Такое ощущение, что Титуба посредством своей речи распылила в воздухе какие-то галлюциногены. Именно это жуткое психоделическое признание, а не вошедшее в легенду вуду стало ее вкладом в события 1692 года.

Кого на следующий день могла обнаружить у себя в комнате Энн Патнэм – младшая, как не Дороти Гуд, пятилетнюю дочку бродячей Сары? Этот крошечный бесенок колотил, царапал и душил Энн, требуя подписать дьявольский пакт. А тем временем Хэторн продолжал допрашивать подозреваемых в тюрьме, где Титуба продолжала изливать откровения. Это длилось четыре дня. Дошла она и до соглашения с дьяволом. «Он мне сказать, он Бог, и я должна ему верить и служить ему шесть лет, и он даст мне многие хорошие вещи», – поведала она [18]. Что еще он говорил, спросил Хэторн, фактически предлагая ей ответ: вот оно, первое упоминание о сатанинской сделке. Он также предлагал признаться в договоре с дьяволом Гуд и Осборн, но они все отрицали. «Он сказал, что тебе нужно что-то подписать? Он дал тебе какую-нибудь бумагу?» – спрашивал судья Титубу. Да, он это сделал. Она ему ответила, что не может принять его как Бога, и попыталась убежать вверх и рассказать все преподобному Пэррису, но посетитель не позволил. Он приходил с подручными. Он велел ей мучить девочек.

Он так все подстроил, что Пэррис не мог видеть ни его, ни Титубу – известный трюк. Индианка хорошо знала Библию и ориентировалась в системе образов; если она и не была покорной, то точно понимала, как выглядит и звучит покорность. В свой следующий визит – обычно дьявол являлся во время молитвы – он достал из кармана книжку, чтобы она написала там свое имя. Ее спасла миссис Пэррис, позвавшая в этот момент из соседней комнаты. От Титубы требовалось расписаться кровью, хотя она и путалась насчет того, как именно это должно было происходить. Сколько подписей уже стояло в книге? Рабыня знала в точности: девять, красным и желтым, она отчетливо видела подписи Сары Гуд и Сары Осборн. В тюрьме Гуд подтвердила, что подпись принадлежала ей. Осборн только презрительно фыркнула, услышав это.

Перед первым показанием Титубы, рассказывала она, высокий снова появился и предупредил, что она должна молчать. Пророни она хоть слово, и лишится головы. Назови она другие имена – и ей конец. Она начала нести какую-то бессвязную чушь – по крайней мере, так записано в протоколе допроса. Может она хотя бы сказать, где эти девятеро живут? «Да, кто в Бостоне, а кто здесь в округе, но он бы мне не говорил, кто эти люди были», – отвечала Титуба. Это звучало тревожно, как и подписи кровью, и намек на заговор. Эта индианка видела нечто такое, о чем слышал и во что верил каждый в деревне: настоящий договор с дьяволом [19].

Джон Хейл, вдумчивый пастор из Беверли, жил в шести с половиной километрах от деревни. Повидавший и повешения, и тюремные допросы, он разбирался в ведьмах. Он наблюдал за первыми припадками девочек в пасторате, был на подхвате, когда Хэторн отправил Титубу в тюрьму. Магистраты допрашивали ее четыре раза, гораздо активнее, чем других подозреваемых. Три человека вели подробные записи: от них требовалось не пропустить ни слова из ее лихорадочных речей. Титуба настаивала, что она не ведьма, хотя раньше и работала на одну. Хозяйка научила ее распознавать ведьм и избегать их чар (этот урок она, видимо, забыла). В тюрьме у нее на теле искали – и в конце концов нашли – подозрительные отметины. Если от нее пытались узнать больше, она – в присутствии Хейла и судей – начинала корчиться и пронзительно кричать: это подручные дьявола мстили ей за предательство.

Через неделю после ареста Сару Гуд с младенцем, Сару Осборн и Титубу перевели для ожидания суда в бостонскую тюрьму. Несмотря на то что в этот раз никто не пытался спрыгнуть на ходу с лошади, это путешествие заняло целый день. Учитывая взаимные обвинения, атмосфера, надо полагать, была напряженной. Пункт назначения, тюрьма Бостона с ее смрадным воздухом, грязными полами и полчищами вшей представляла собой «могилу для живых» [20]. Джон Арнольд, бостонский тюремщик, отличался жестокостью, и, как говорили, был непреклонным, как кандалы, в которые он заковывал подозреваемых. Замков на цепях не было: только кузнец мог расковать узников. При этом Арнольд открыл счета для нужд женщин, и скоро уже покупал одеяла для младенца, помещенного в каземат. Цепи свидетельствовали как о сверхъестественной силе этих женщин, так и о недостатках тюремной системы Массачусетса. Считалось, что ведьмы могут контролировать своих жертв жестами: следовательно, не сможет двигаться – не будет и колдовать. Побег из тюрем, однако, случались с поразительной регулярностью [21]. Ипсвичский заключенный спокойно уходил, просто поднимая доски у себя над головой. Сокамерники в Салеме как-то вынесли не только дверь, но и целую стену исправительного учреждения. А за год до этого двое сидельцев попросили кувшинчик пива. Когда жена тюремщика его принесла, они уже плыли к свободе на каноэ.

Если Титуба сама верила в собственные показания, то наверняка была в ужасе. Даже крепкие тюремные стены не могли защитить ее от высокого незнакомца и его обещания лишить ее головы. Ее слова не вызвали у судей сомнений. Она страдала из-за своего признания. Она раскаивалась. Давала абсолютно точные детали: они полностью совпадали с показаниями околдованных. Титуба к тому же была последовательна от начала и до конца. «Мы думали, что если бы она лгала, то не могла бы так четко помнить все свои ответы», – позже объяснял Хейл [22]. Лжецу, думали они, нужна более цепкая память. Титуба хорошо усвоила все уроки Пэр-

риса, пусть даже в ее пламенном рассказе нельзя не заметить недостаток набожности: Бога она упомянула лишь однажды [23]. Она отлично держалась для человека, мечущегося между безжалостным инквизитором и дьяволом-головорезом. Ирония в том, что все могло повернуться совершенно иначе, будь она менее покладистой. Мало кто признавался в ведовстве. Признания Титубы – убедительные, исчерпывающие и фантастически красочные – изменили все. Они дали властям сигнал: вы на верном пути, парни. Удвоив количество подозреваемых, они подчеркнули необходимость срочного расследования. Они представили публике весьма опасного «работодателя». «И тогда, – спокойно писал Хейл о происшествии, которое тогда казалось скромным, локальным и (при участии старшего городского пастора) обычным до скуки, – дело пошло» [24].

Что именно представляла собой ведьма? Любой житель Новой Англии в XVII столетии мог дать ответ. Несмотря на взаимную враждебность, Хэторн и Корвин, официальные лица в суде, обвиняемые и обвинители – все представляли себе одинаковую фигуру, такую же для них реальную, как февральские наводнения, хотя и бесконечно более вредоносную. Прямо или косвенно их представление основывалось на трудах Джозефа Гленвилла, выдающегося английского академика и натуралиста. Этот выпускник Оксфорда, обладавший неоспоримым авторитетом, совершенно точно доказал существование ведьм и колдовства. Вот его определение: «Ведьма – та, кто делает (или предположительно делает) странные вещи, выходящие за известные рамки искусства и обычной человеческой природы, путем заговора со злыми духами» [25]. Сотрудничество с последними давало им силу, чтобы превращаться в кошек, волков, зайцев. Они питали особую любовь к желтым птицам. Ведьмаком мог быть и мужчина, но намного чаще встречались ведьмы-женщины. Английская ведьма обладала целым демоническим зверинцем помощников (так называемых фамильяров): ее могли сопровождать кабаны, черепахи, ласки. Предпочтение отдавалось кошкам и собакам, но всеобщими любимцами были жабы. Литература о колдовстве так и кишит этими земноводными: жабы сожженные, взрывающиеся, танцующие, стонущие, домашние, наполняющие собой горшки, рождающиеся у людей, скрывающиеся в себе кошек. Шестнадцатилетняя служанка, уронившая толстую жабу в хозяйский кувшин с молоком, донесла до своих работодателей весьма недвусмысленное послание, как и намеревалась [26].

Ведьма несла на своем теле знак, указывающий на сверхъестественную связь с нечистой силой [27]. Эти знаки могли быть синими или красными, принимали выпуклую или вогнутую форму. Они могли напоминать сосок или укусы блохи. Они появлялись и исчезали. В принципе за ведьмину метку засчитывалось любое темное пятно на коже, но особенно разоблачительными представлялись отметины в области гениталий. Как Титуба, ведьма подписывала контракт своей кровью, и он навеки связывал ее с господином, которому она отныне клялась служить. Дьявол нанимал «персонал» с помощью индивидуализированного подкупа. Колдовство обычно передавалось по наследству, по материнской линии. И хотя сила ведьмы была сверхъестественной, преступление она совершала против религии. Никто не сомневался, что она обязательно запнется во время чтения «Отче наш», ведь это анафема дьяволу. Она насылала чары с помощью заклинаний или мазей – плохие новости для Элизабет Проктер из Салема, служанка которой вскоре сообщит, что ее хозяйка всегда держит под рукой пузырек с неким отвратительно пахнущим зеленоватым маслом. Чтобы колдовать на расстоянии, ведьма использовала специальных куколок – это их констебль Херрик искал в посудных шкафах Осборнов и Пэрри-сов. Вы спросите, какая связь всего этого с дикими конвульсиями салеминок? Любой англичанин точно знал, как выглядит колдовское воздействие [28]. В соответствии с правовым справочником, к которому обращались тогда в Салеме, оно проявлялось бессмысленным трансом, параличом конечностей, припадками, клацающими или гротескно кривящимися челюстями, пеной изо рта, зубовным скрежетом, сильной дрожью. Автор книги дает и кое-какие

важные советы: например, обнаружив подобные симптомы, обратитесь к врачу, прежде чем обвинять соседа.

Ведьмы беспокоили Новую Англию с самого ее образования [29]. Они топили быков, заставляли коров подпрыгивать на метр в высоту, швыряли в огонь кастрюли, таскали сено с телег, заговаривали пиво, гремели ведрами и пускали чайники в пляс. Они запускали в полет яблоки, стулья, тлеющие угли, подсвечники и удобрения. Они создавали немислимых бестелесных существ: однажды это была голова мужчины и белый кошачий хвост, а между ними – пара метров пустоты, прямо Чеширский кот за пару столетий до Льюиса Кэрролла [30]. Надо добавить, что в колонии имелось немало питейных заведений. Город Салем снабжался особенно хорошо: там работало пятнадцать таверн, то есть по одной на каждые восемь десятков мужчин, женщин и детей¹⁸. Ведьмы то привораживали жертв, то выводили их из строя. Внезапно Хэторн спросил, знает ли Титуба что-нибудь о сыне судьи Корвина. Скорее всего, хотел выяснить, не она ли изувечила хромого девятилетнего мальчика, хотя были и другие кандидаты: Корвин в течение короткого времени одного за другим похоронил трех сыновей. Ведьмы могли находиться в двух местах одновременно и не промокать под дождем. Они беззвучно ходили по гнилым доскам, прибывали на место слишком скоро, угадывали содержание нераспечатанных писем, ткали подозрительно тонкий лен, делали непривычно хороший сыр, знали секреты отбеливания тканей, чуяли ложь, выживали в падениях с лестницы. Ведьмы были ворчливыми, вздорными, непокорными, или необъяснимо сильными, или непостижимо толковыми. И конечно, часто совершали непростительный грех: имели больше ума, чем их соседи, – это, например, предъявил в 1656 году бывший пастор третьей из повешенных в Массачусетсе за колдовство женщин.

В сравнении со своими европейскими коллегами новоанглийские ведьмы были довольно скромны, а проделки их ограничивались обыденной жизнью. Они специализировались на мелких пакостях в хлеву и на кухне. Когда местная колдунья нарушала законы природы, эти законы в основном касались сельского хозяйства. У нее было слишком мало таланта, чтобы вызвать грозу или засуху, она ни разу не наслала на Бостон чуму и не спалила город¹⁹. Другое дело континентальные ведьмы. Они ходили на руках. Длили беременность до трех лет. Переворачивали лица своих врагов вверх тормашками. Совершали международные перелеты. Приезжали на вакханалии в лесную чащу на гиенах. Похищали младенцев и мужские гениталии. Фамильярами им служили ежики. У массачусетской же ведьмы фамильяры – которых она, как мать, кормила грудью, – были сравнительно неэкзотичны. Она не отлучалась слишком далеко от дома. И даже в своих прегрешениях оставалась пуританкой: редко блудила с дьяволом²⁰, а посещая по ночам мужчин, в основном любила сворачивать им шеи. До 1692 года новоанглийская ведьма редко летала на тайные собрания, это чаще случалось с ее сестрами в Скандинавии и Шотландии. В Новой Англии знали толк в веселых бесчинствах, однако ничего такого не происходило на шабашах: там практически не было разврата, танцев или соблазнитель-

¹⁸ После тяжелого разговора с губернатором, во время которого Инкриз Мэзер утверждал, что за полгода средний североамериканец выпивает больше, чем средний англичанин за всю жизнь, он записал в дневнике: «Неудивительно, что Новая Англия стала ведьминой добычей: голова-то у нее в алкогольном угаре» [31]. Примерно тогда же его сын жаловался, что каждый второй дом в Бостоне – пивная. Пастор Салема разделял его озабоченность. Приезжий, желавший заклеить пуритан Новой Англии как ханжей и лицемеров, обнаруживал, что это «самые горькие пьяницы» с затуманенными к концу каждого дня мозгами, но при этом не потерявшие способность фонтанировать цитатами из Писания. Все преувеличивали – хотя и с разными целями. Тем не менее крепкий сидр был в Новой Англии XVII столетия не менее обыденной деталью повседневности, чем вера в ведьм. Как заметил один современный историк, «пуританин, вздрагивавший при виде бокала пива или вина (или при мысли о нем), не говоря уже о более крепком спиртном, не жил в колониальном Массачусетсе».

¹⁹ Однажды в Новой Англии почти удалось с помощью колдовства потопить приписанный к Барбадосу корабль. Но колдовал мужчина.

²⁰ Новоанглийскому пастору претила сама мысль о возможности подобного эротического контакта, даже когда ведьма в нем сознавалась. В нескольких таких случаях Инкриз Мэзер утверждал, что это дьявол внушил ей ложные воспоминания [32]. Якобы несчастные женщины просто галлюцинировали.

ных лакомств, да к тому же проводились они при свете дня. Явившаяся туда публика слушала псалмы! А типичное салемское меню состояло преимущественно из хлеба, вина и вареного мяса. Главной целью ведьмы, смыслом всех этих уколов и щипков была душа, а не тело [33]. И, несмотря на все свои невероятные способности, ей никогда не удавалось сбежать из тюрьмы, хотя многие менее продвинутые ее сограждане легко с этой задачей справлялись.

Среди бесчисленных доказательств существования ведьмы – когда все же требовались доказательства – было библейское наставление против нее. «Ворожеи не оставляй в живых», – приказывает книга Исход, хотя тогда много спорили о терминологии: на иврите это слово ближе к понятию «отравитель». В виде практикующих ли магию, прорицателей ли, – колдуны и колдуньи существуют столько же, сколько известная нам история. Количество их многократно возрастает, когда многократно возрастает количество литературы о них. Первая задокументированная казнь состоялась в Древнем Египте около 1300 г. до н. э. – за преступление, которое мы бы сегодня назвали «оказанием медицинских услуг без лицензии» (преступником был мужчина). Происходивший от кельтских рогатых богов и персонажей тевтонского фольклора дьявол, дальний родственник Пана, тогда еще не появился на сцене. Он пришел вместе с Новым Заветом – где, что примечательно, вообще отсутствуют ведьмы. В Библии ничто не связывает Сатану с ворожкой: эта забота значительно позже ляжет на церковь. Понадобилась религия, чтобы кто-нибудь додумался и до договоров с дьяволом (они, кстати, были более популярны в Шотландии, чем в Англии). Нельзя всерьез продавать душу, пока не будет официально установлено, что душа у тебя есть.

Образ ведьмы, как ее представляли себе в Салеме, сформировался в XIII веке, когда волшебство мало-помалу начали приравнять к ереси. Полностью же независимым персонажем она стала, когда широко распространившийся миф уступил место широко распространенному помешательству. В 1326 году папа Иоанн XXII повелел инквизиторам очистить землю от дьяволопоклонников. В следующие два столетия шла трансформация. Когда ведьма не горела заживо на костре, она – в своей континентальной инкарнации – занималась в те времена одним из двух. Либо посещала гнусные оргии, ритуалы которых оформились в Западных Альпах в начале XV века. Либо летала, иногда на метле (скорее всего, началось это в Германии). Когда в конце концов магия превратилась в ведовство, человек, им занимавшийся, – а раньше в равной мере встречались ведьмы и ведуны – стал женщиной, которая более склонна отзываться на зов Сатаны и по природе своей более порочна. Самая одиозная книга на эту тему, *Malleus Maleficarum* («Молот ведьм»), собрала целую армию авторитетных классиков, чтобы постановить: «Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом»²¹. Как часто бывает, когда дело касается женщин и власти, толкования тут уходят в область паранормального. Слишком слабая, чтобы противостоять дьявольским искушениям, женщина могла сделаться опасно, ненасытно властной. «Молот» утверждал, что, даже не имея оккультных сил, женщина – «враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожаемое несчастье, домашняя опасность, приятная поруха»²².

XV век – век Жанны д'Арк – стал свидетелем великого противостояния Иисуса с дьяволом. Могуущественный бог Реформации требовал такого же всемогущего врага – им и назначили ведьму. По причинам, казавшимся тогда очевидными, без нее дьявол не мог совершать того, что Лоусон называет «ядоносными действиями». Лихорадочное преследование ведьм началось в конце столетия, после публикации «Молота», превратившего женщин в «необходимое зло»: судебным преследованиям всегда сопутствовала литература о колдовстве. И хотя поклонение Сатане стало удобным инструментом в борьбе с конкурирующей ветвью христианства – католики швыряли это обвинение в протестантов так же энергично, как протестанты

²¹ Генрих Крамер, Яков Шпенгер. Молот ведьм. Пер. с лат. Н. Цветкова. – Прим. перев.

²² Там же. – Прим. перев.

отшвыривали его обратно, – все соглашались, что ведьм надо казнить²³. Ведьмы, со своей стороны, были идеальной объединяющей силой. Они мирили католиков и протестантов, лютеран и кальвинистов. Изгнание дьявола оставалось единственной римско-католической монополией. К тому же у колдовства не имелось определенного места обитания, его нельзя было назвать ни сугубо английским, ни исключительно европейским явлением.

Какой стране отдать победу в номинации «самая крупная охота»? Тут очень жесткая конкуренция [34]. В Германии долго не применяли казни, зато потом как с цепи сорвались. Один инквизитор из Лотарингии хвастался, что за пятнадцать лет очистил землю от девятисот ведьм. Итальянский инквизитор превзошел рекорд коллеги: на его счету была тысяча смертей за год. В одном немецком городке умудрились лишить жизни четыре сотни за день. А в Великобритании между 1580 и 1680 годами расправились почти с четырьмя тысячами. Через несколько лет после Салема как минимум пять обвиненных ведьм погибли в Шотландии по показаниям одиннадцатилетней девочки. В английском графстве Эссекс, откуда происходили многие массачусетские поселенцы, казнили с особым усердием, хотя осуждали на казнь там размеренно и планомерно, а не как в Салеме, волнами. В длинный список жертв также попали дьявольский петух, мэр одного немецкого города и несколько британских священнослужителей. Английских ведьм в основном вешали, французских – сжигали. Это стало юридической проблемой для нормандского острова Гернси, где в 1617 году обнаружили трех ведьм. В итоге их повесили в соответствии с британским законом, а потом сожгли в соответствии с французским.

Образ ведьмы перекочевал из Англии в Северную Америку практически неизменным. Вместе с ней прибыла и прочая нечисть, присущая англосаксонскому фольклору. Связанные с договором элементы – печать дьявола, книга, контракт – были представлены и в протестантстве. А вот шабаши, как и полеты, пришли с континента: английские колдуньи не проявляли интереса к метлам. Та самая шведская девочка, которая свалилась с метлы, также спешила на отвратительную сходку под открытым небом, чтобы вписать свое имя в сатанинскую книгу [36]. Когда она упала, дьявол ринулся на помощь, чтобы исцелить травму, которая причиняла ей «все возрастающую боль в боку»²⁴. (В Новой Англии он не проявил такого великодушия: Энн Фостер в 1692 году осталась без помощи.) Вообще дьявол, когда не принуждал вас заключить договор и не оказывал медицинскую помощь, был крайне занят. Он насаживал жертву на крючок осторожно и незаметно, особенно специализируясь на пороках. Он уверял скептиков, что колдовства не существует. Он хорошо знал Библию и цитировал из нее в стратегических – ужасных – целях. Он убаюкивал прихожан во время проповеди. Он мешал научному прогрессу. Будучи одаренным врачом, он знал о медицине гораздо больше простых смертных. Он был ученым из мужей во всей округе. Также он соблюдал жесткую трудовую дисциплину: быстрый и стремительный, он был вездесущ и без усталости вербовал наемников. Он знал секреты каждого. При этом обладал колоссальным опытом – шесть тысяч лет, шутка ли! Как замечал Уильям Перкинс, один из первых пуританских богословов, он мог заставить вас поверить в клевету на вас же самих (многие встревоженные жители Массачусетса задавали себе вопрос, который к лету 1692-го приобрел особенно актуальное звучание: могу ли я быть ведьмой и не знать об этом?). Все эти идеи новоанглийские переселенцы импортировали оптом – прямо из работ Гленвилла, с которым переписывался Инкриз Мэзер, и Перкинса, у которого списывал Коттон Мэзер. Когда колонисты обзавелись собственным правовым кодексом, то первым преступлением, караемым смертной казнью, там значилось идолопоклонство. Вторым шло кол-

²³ Дьявол напоминает о своем католическом происхождении [35] Дэниэлу Уэбстеру в рассказе Стивена Бене 1937 г.: «Правда, на Севере меня почитают южанином, а на Юге – северянином, но я – ни то ни другое. Я просто честный американец, как вы, и наилучших кровей, ибо, сказать по правде – хоть я и не люблю этим хвастать, – мое имя в этой стране древнее вашего». (За зубом к Полю Ревире: Рассказы. Пер. с англ. В. Голышева.)

²⁴ В шведской книге, появившейся в Делавэре в XVII в., содержалось предупреждение: чтобы ведьмы не угнали вашу метлу, на ней надо вырезать крест.

довство. «Если мужчину или женщину уличат в колдовстве, то есть в общении с духами, то его или ее должно казнить», – гласит свод законов 1641 года, ссылаясь на Исход, Левит и Второзаконие. За колдовством следовали богохульство, убийство, отравление и распущенность.

Хотя в этом своде законов дьявол и не назывался по имени, вскоре он уже творил свои обычные мерзости по всей Новой Англии. Первый в этих местах человек, признавшийся в заключении сделки с Сатаной, молил его о помощи с изматывающей работой по дому [37]. Тут же материализовался помощник, готовый очистить камин от золы и поля от кабанов. В данном деле оплошавшую служанку из Коннектикута следовало покарать не столько за причиненный ущерб, сколько за ересь, так что в 1648 году ее обвинили в «дружбе с дьяволом». Коттон Мэзер, который не мог устоять перед катастрофой, неважно, естественного или сверхъестественного происхождения, превратил этот случай в поучительную историю [38]. В ранних новоанглийских делах о колдовстве не фигурировали метлы, сатанинские сборища или бьющиеся в конвульсиях девочки. Там встречались заколдованные свиньи и странствующие коровы, нарушение правил приличия и границ частной собственности. Они были нацелены на чересчур навязчивых знакомых или просителей, таких как Сара Гуд. Большинство таких дел включало какой-нибудь застарелый гордиев узел непростых отношений, без которого никак в маленьком городке. На многих обвинениях лежал налет сказочности: прядение слишком большого количества шерсти, невозможного без помощи потусторонних сил; рекордно быстро законченная работа по дому, заклинание животных, слишком участливое внимание к болезни соседа, угощение отравленными лакомствами.

За годы, прошедшие после принятия кодекса, в Новой Англии было осуждено более ста колдунов и колдуний, примерно четверть из них были мужчинами. Взбесившиеся дети Гудвинов, восставшие против религии, были в ответе за самое последнее массачусетское дело. Виновницей оказалась мать соседской прачки, которую старшая из девочек Гудвин обвинила в воровстве. Женщина пришла в ярость и отругала Марту – у той тут же начались припадки. Всю следующую неделю трое ее братьев и сестер корчились и вопили вместе с ней. На суде обвиняемая не смогла продекламировать «Отче наш» по-английски, она знала молитву (и говорила) только по-гэльски. При обыске в ее доме нашли куколок. Через переводчика она сделала признание, хотя и несколько туманное, о сделке с дьяволом²⁵. (Еще за несколько лет до того муж обвинил ее в колдовстве, выступив в роли, которая скоро станет в Салеме привычной.) Эту ведьму, по совместительству ирландскую католичку, повесили 16 ноября 1688 года. По дороге на виселицу она предупреждала, что с ее смертью припадки у детей не прекратятся. И оказалась права: они лишь усилились. Марта Гудвин еще какое-то время продолжала пинать пасторов и скакать на своей воображаемой лошадке.

Один голландец, посетивший Бостон в конце XVII века, отмечал, что «никогда еще не бывал в месте, где столько бы говорили о колдовстве и ведьмах» [39]. Слово «ведьма», означавшее в том числе и диагноз, так и звенело в воздухе. Первые поселенцы эмигрировали из Англии, когда помешательство на ведьмах достигло там своего апогея. Большинство из них были из самых зачарованных округов. Недавно приехавший в город незнакомец мог взглянуть на конвульсии ребенка и – лишь из доброжелательства и сердоболия – рассказать его или ее семье, что рядом живет ведьма. Они могли не соглашаться и убеждали его, что соседи – образец благочестия, но он знал лучше: «Твоя соседка – ведьма, и она рассорилась с твоей женой и сказала в сердце своем, что твоя жена – гордячка и поплатится за свою гордыню ребенком» [40]. Когда Сару Гуд, Сару Осборн и Титубу в марте взяли под стражу, в тюрьме они присоединились еще к одной обвиненной ведьме, томившейся там с прошлого октября [41].

²⁵ Это Коттон Мэзер тоже приписал колдовству. Раньше она прекрасно общалась со своим работодателем по-английски. Понятное дело, нечистый ее околдовал, чтобы она «не могла ничего рассказать, потому что отныне говорила лишь на языке, которого никто не понимал». Он-то уж точно не понимал и общался с ней через переводчиков.

Волшебство хорошо прижилось в Новой Англии, на этой дикой пустынной земле, населенной дьявольскими призраками французов и индейцев. Так же хорошо оно уживалось с пуританством, вероисповеданием, которое поглощает тебя всецело, лишает ощущения безопасности и жаждет конфликта, если не настоящего катаклизма, – так как само появилось на свет, можно сказать, благодаря гонениям. И тем не менее к 1692 году процессы в Новой Англии шли на убыль, как и в метрополии. Коннектикуту ведьмы досаждали сильнее, чем Массачусетсу [42]. Там казнили многих в начале 1660-х, потом смягчились и больше никогда за колдовство не вешали. Отдельные случаи еще время от времени возникали, но эпидемических всплесков больше не было.

Новая Англия тоже не проявляла особого желания осуждать на смерть. «Мы склонялись к более гуманным решениям» [43], – писал Джон Хейл после спорного помилования 1680 года, когда суд отказался осудить женщину за увечья, которые нанес прикинувшийся ею демон. Судьи проявляли осторожность, магистраты отклоняли иски и склоняли присяжных на противоположную сторону. Одну осужденную ведьму обязали выплатить штраф за ложь, другую выпороли за болтовню с дьяволом. Женщину из Плимута, клявшуюся, что соседка явилась к ней в образе призрачного медведя, тщательно допросили [44]. «Какой у того медведя был хвост?» – спросил расчетливый магистрат. Она не смогла ответить – зверь стоял к ней мордой. У медведей, напомнили ей, не бывает хвостов. За эту выдумку ей предложили выбор: либо порка, либо публичное извинение. Из ста трех досалемских дел в Новой Англии обвинения предъявили примерно в четверти случаев. Всего в Массачусетсе до 1692 года были повешены только шесть ведьм. В первый день слушаний, когда дьякон из бостонской конгрегации Пэрриса передал деревенскому пастору знаменитую книгу Уильяма Перкинса, никого, кроме мучительницы детей Гудвинов – о чем отдельно уведомили трех женщин в ипсвичской тюрьме – вот уже более четверти века не казнили за колдовство.

В десятилетия, предшествовавшие 1692 году, яростный спор о том, существуют ли на самом деле ведьмы, полыхал в Британии, где казни практически прекратились. Дискуссия эта интересовала лишь элиту. Ведьма стала предметом дебатов академиков и образованного духовенства. Скептики высказывали свои сомнения уже за сто лет до Салема, однако Джозефу Гленвиллу, писавшему в конце 1670-х, по-прежнему казалось, что все умные люди обязательно на его стороне. Существование ведьм считали идеей, которая объединяет всех: старых и молодых, мудрых и не очень, евреев и мусульман, христиан и язычников. Представлялось настолько же очевидным, что злой дух способен перемещать мужчин и женщин по воздуху, как то, что ветер способен расплющить дом. Первые шажочки в сторону от веры были робкими. Предстояло выступить против самого Перкинса, убедительнее которого никто не защищал реальность колдовства. Конечно же, есть масса всяких мошенников и жуликов, говорил он. Но наличие самозванцев не означает, что настоящих чародеев и магов не существует! Наоборот, подделки доказывают, что имеется и оригинал: а иначе что бы они подделывали? Коттон Мэзер эхом повторял этот аргумент, как и многие другие выдержки из Перкинса. Магию нельзя обвинить во всех несчастьях. Однако некоторые вещи иначе объяснить невозможно²⁶. Сомневаться в действенности колдовства, отмечал Перкинс, повторял Мэзер и верил весь Массачусетс, – это как сомневаться, что днем светит солнце [46].

Эту идею Перкинса – мы не должны отрицать существование явления только потому, что не можем его понять, – Гленвилл начал развивать дальше. А еще мы не знаем, рассуждал он, как именно функционирует душа – и что? И почему же Библия предупреждает нас о ведьмах, если их на самом деле нет? У каждого народа есть слово для этого понятия. Как все они умудрились дать имя фикции? К тому же вокруг столько признаний. Тут, как часто бывает, коли-

²⁶ Логика в вопросах колдовства совершала удивительные кульбиты. Один немецкий авторитет доказывал: «Многое в этом мире вершится посредством демонов, а мы в своем невежестве полагаем, что имеем дело с силами природы» [45].

чество становится доказательством: «У нас есть свидетельства тысяч видевших и слышавших, и не только от легковверной черни, но и от людей мудрых и уважаемых, причем не имеющих никакого интереса сговариваться и единогласно лгать», – утверждал Гленвилл [47]. Казалось непостижимым, что «воображение, самая неповторимая вещь на свете, способно бесконечно воспроизводить одну и ту же фантазию во всех странах и во всех временах». Доказать трудно, но ни в коем случае не невозможно. По той же логике, полагал член Королевской академии, один из самых проницательных умов века, как можем мы доказать, что Юлий Цезарь основал Римскую империю? (В версии Мэзера это было равноценно тому, чтобы поставить всю историю Великобритании в один ряд с приключениями Дон Кихота.) Не верить значило свести историю к небылице²⁷.

Да, образы – а вместе с ними конвульсии, трансы, вопли и удушения – все было поразительно знакомо. Житель Новой Англии знал, как выглядит ведьма, как сегодня мы узнаем лепрекона или вампира, хотя (предположительно) никогда их не встречали. Это еще ничего не доказывает. Если вы не видите грабителей на большой дороге, это еще не значит, что их не существует, заявлял Мэзер. Скептики настаивали, что колдовство – абсурд и глупость, фантазия, по словам одного из них, распространяемая «мелкими жуликами». Но в том-то и дело, возражал Гленвилл. Колдовство настолько неестественно, нелепо и невозможно, что просто обязано быть реальным. Такое нельзя придумать! К невозможности коллективного заблуждения добавили железный аргумент, взятый прямо с титульного листа «Молота ведьм»: «Не верить в колдовство есть величайшая из ересей». Скептик семнадцатого века был вынужден занять позицию соглашателя. «Вульгарные люди смеются над такими вещами», – негодовал Мэзер в 1702 году, нападая на «больно умных остряков, сидящих в кофейнях», прихлебывающих латте либералов своего времени [48]. Но трезвомыслящие люди не шутили о невидимом мире, особенно когда дело касалось свидетельских показаний. Мэзер очень близко подошел к более обширной теме из книги своего отца 1684 года «Удивительные предзнаменования», полной немыслимых знаков и чудес, своего рода оккультной версии «Шоу Рипли: Хотите верить, хотите нет!»²⁸ Без мистики нет веры. Отрицать колдовство – значит отрицать религию, а отсюда всего шаг до еще более опасного вывода: отрицать колдовство – значит проповедовать его.

Но что же насчет образа коварного искусителя с опытом работы шесть тысяч лет, мастера перевоплощений, способного заставлять вещи появляться и исчезать, знавшего все ваши секреты и вынуждавшего вас верить в небылицы про вас самих? Тут туман сгущается. Перкинс придавал дьяволу конкретную форму, однако не давал описаний. Никто в Новой Англии, похоже, не имел четкого представления, что он такое и как выглядит. Ему еще не приделали крыльев летучей мыши и раздвоенного хвоста, хотя в одном из салемских свидетельств нечистый выставлял свое копыто, а в другом оказывался гибридом обезьяны, человека и петуха. Не было даже понятно, мужчина он или женщина. Одна обвиненная ведьма интересовалась, не мог ли он притвориться мышью или стремительной черепахой. Если он имел физическое воплощение, то новоангличанину представлялся «черным человечком», или «здоровенным черным громилой», или «черным кабаном». В более или менее официальной версии 1692 года дьявол предстает темнокожим существом не выше трости, с прямыми черными волосами и в шляпе с высокой тульей [49]. Хотя у него наблюдалась явная аллергия на Писание – та шведская девочка упала с метлы, потому что во время полета произнесла имя Божье, – оставалось неясным, на каком языке говорил Сатана. Этого не знал даже Коттон Мэзер. Но он точно был

²⁷ Другую крайность этой своеобразной логики проявил Томас Гоббс, сын викария. Основатель современной политической философии был ведьмоскептиком. И тем не менее считал, что ведьм необходимо казнить, так как они способствуют распространению вопиющего заблуждения.

²⁸ Ripley's Believe It or Not – популярная американская франшиза, выпускающая в разных форматах собрания необычных фактов и событий. Запущена в 1923 г. карикатуристом Робертом Рипли. – *Прим. перев.*

вездесущ. Все вокруг кишело его приспешниками. На свете больше дьяволов, чем людей, предупреждали Мэзеры. Мы вдыхаем их вместе с воздухом [50].

Мало того что его адские армии роились повсюду, так дьявола еще и бесконечно кто-нибудь призывал. Избив и выставив свою жену на январский мороз, один муж из Хейверхилла рывкнул, что она была «не чем иным, как дьяволом в женском обличье» [51]. Молодая женщина, громко рассмеявшаяся поздней ночью и сразу же обнаруженная в чужой постели, была осуждена как «маленькая лживая бестия». Мужчина из Ипсвича показал, что в его склонном к насилию соседе «столько от дьявола, что жить рядом с ним просто опасно». Монстра часто поминали в пылу ссоры – к черту в те времена посылали не реже, чем сегодня посылают в самых разных направлениях, – хотя это и не было необходимым условием его появления [52]. К тому же дьявол хорошо приспособился к не очень дружелюбному климату Новой Англии: само собой, индейцы поклонялись Сатане, так же как и квакеры (что оправдывало захват квакерской земли: именно на ней в 1692 году стояла салемская тюрьма). Своим «духом противоречия» жители деревни Салем, согласно вердикту суда от 1675 года, сами предложили помощь дьяволу. По мнению как минимум одного массачусетского священника, терпимость к другим религиям надлежало рассматривать как сатанинскую идею. Морить голодом пасторов, предупреждал Коттон Мэзер, означает открыть Сатане путь к овладению нашей землей²⁹. Иностранец в необычной шляпе – дьявол [53]. Он фигурирует в качестве соответчика в большинстве обвинительных заключений и занимает почетное место в множестве проповедей – хищный волк, угрожающий пасторскому стаду. Проповеди Пэрриса, обстоятельно, но не чрезмерно нагруженные проделками Сатаны, не стали исключением. 3 января 1692 года Пэррис заявил, что деревенская церковь, похоже, стоит на прочном основании. И предупредил, что «главная цель дьявола – ее опрокинуть» [54].

В своей новоанглийской ипостаси Бог, по наблюдениям нескольких пасторов, иногда нарочно насыляет на землю дьяволов, дабы заткнуть рты скептиков. Именно такой урок Мэзер извлек из эпизода с детьми Гудвинов. Он поклялся широко использовать это преступление и, с помощью «Удивительных предзнаменований», раз и навсегда решить проблему. По-отечески похлопав ее по корешку, он отправил в большое плавание свою книжицу – служанку великих британских фолиантов, какой она ему виделась, – чтобы убедить человечество: дьяволы до сих пор на свободе. О маленькой шведской девочке и ее воздушном происшествии, о неанглийских тайных сборищах на лугу, о подписанном кровью договоре и о человеке в шляпе с высокой тульей Массачусетс узнал от Мэзера, который стащил все это у Гленвилла. Неудивительно, что Массачусетсу досаждают ведьмы, замечает Мэзер, цитируя одного последователя Гленвилла, который в некоей трансатлантической круговой поруке тоже цитирует его. «Где дьявол проявит самую лютую злобу, как не там, где его ненавидят, и ненавидят люто?» – вопрошает Мэзер [55]. Приход дьявола – это почти знак почета, еще одно доказательство, что жители Новой Англии – избранный народ. Нечистый, словно призрачная молния, касается крыши дома пастора. Нельзя сказать, что ему совсем не рады: если рядом дьявол, то и бог недалеко. В книге «Откровение» сказано, что он явится в окружении «демонов из ада» [56], – а Мэзер уже давно предрекал апокалипсис, которого в Новой Англии ожидали еще с 1650-х [57]. И в 1692 году дьявол получил наконец повышение. Он стал сумасшедшим маньяком, вознамерившимся разрушить Царство Божие, чего никогда раньше не пытался провернуть в Массачусетсе.

Когда североамериканские ведьмы начали летать, в Европе борьба с нечистой силой сошла на нет [58]. Голландия отменила казни в 1610 году, Женева – в 1632-м. Во Франции Людовик XIV закрыл все дела о колдовстве через пятьдесят лет, хотя кое-кого еще отправляли на костер и в 1691-м. В век Бойля, Ньютона и Локка (все они, кстати, верили в колдов-

²⁹ Его поддерживал человек из Барнстейбла, который возлагал на дьявола ответственность за плохое обращение с пасторами.

ство) преследования ведьм по всей Европе прекратились. Существовало некоторое количество текстов, ставивших магию под сомнение, хотя вы и не смогли бы прочитать соображения ведьмоскептика, выпущенные в Бостоне до 1692 года: вера и жестко контролируемая печать надежно защищали мировоззрение массачусетского поселенца. К 1692 году новоанглийская ведьма отличалась от своей европейской коллеги тем, что была более реальной. Что вы могли прочитать тогда в Массачусетсе, так это тирады, проклинавшие колдовство, которые Коттон Мэзер метал в сомневающих, в основном незримых – это все равно что изучать литературу восторженных креационистов, даже не подозревая о существовании Дарвина. Мэзер с предельной детальностью разбирал дело Гудвинов. Он касался только эпизодов, которые наблюдал лично или за которые мог всецело ручаться. Они признавались неоспоримыми фактами, несогласных же он попросту игнорировал [59]. И больше уже никогда таким людям не доверял.

Молитва, соглашались все массачусетские пасторы, была единственным действенным средством против дьявола. И Пэррис в 1692 году использовал ее по максимуму. Масштабные антиколдовские говенья проводились по всей колонии с 1651 года. Пэррис теперь организовал целую серию – в своем доме, в деревне и в соседних конгрегациях. В пятницу 11 марта группа священников собралась в пасторате, чтобы весь день провести в молитвах. Девочки большей частью вели себя тихо, хотя в конце каждой молитвы, заметил Хейл, отец троих детей в возрасте до семи лет, «они двигались и говорили странно и нелепо». Светловолосую Абигейл Уильямс, наиболее пострадавшую из всех, скрутило припадком: ее руки и ноги свернулись в крендель [60]. В какой-то момент после этого Пэррис решил разделить детей и отослал свою дочь. Возможно, из практических соображений: семья не хотела расставаться с Абигейл, служанкой. Девятилетнюю Бетти поселили у Стивена Сьюэлла, городского судебного секретаря, которому вскоре придется день и ночь возиться с корчащимися молодыми женщинами. Этот их дальний родственник был благородным человеком. Сьюэллы сами воспитывали троих детей, старшему не исполнилось еще и четырех. А припадки Бетти продолжались, приводя опекунов в отчаяние. В конце месяца к ним в дом пожаловал «высокий черный человек», о котором рассказывала Титуба, и предложил Бетти все, чего она только не пожелает. Он готов даже перенести ее в город мечты – и это, очевидно, не Салем³⁰. Это дьявол, объяснила миссис Сьюэлл, сама пасторская дочь [61]. Если он вернется, девочка должна сказать ему, что все его слова – ложь.

Вся деревня говорила только о колдовстве, утро начиналось со сводок о том, что происходило ночью и как чувствуют себя пострадавшие. Это был плохой момент, чтобы вслух сомневаться или вдруг оказаться пророком. Где-то между днем, когда бостонский тюремщик щелкнул замком на камере трех салемских подозреваемых, и 12 марта новый призрак начал щипать Энн Патнэм – младшую. Отчаявшийся отец обратился к своему брату, Эдварду Патнэму, и Иезекилю Чиверу (который в свое время без спросу позаимствовал чужого коня), служившему судебным писарем. Будучи дьяконом, Эдвард Патнэм уже участвовал в кампании по признанию первоначальных обвинений в колдовстве. Субботним утром 12 марта они вдвоем решили выяснить, кто теперь мучает Энн. Мучительницей оказалась прихожанка с безупречной репутацией. Прежде чем ехать несколько миль на юг, они остановились на ферме Патнэмов, чтобы поговорить с Энн. Вероятно, двенадцатилетняя девочка ошибается? Может ли она описать, во что женщина была одета? К сожалению, в тот день Энн могла слышать ее, но не видеть. Призрак ослепил ее до вечера и обещал еще вернуться. И да, призрак при этом представился.

Марта Кори была одна дома, на юго-западе Салема. Улыбаясь, она пригласила посетительниц войти. И предвосхитила их вопрос – зря. Патнэм и Чивер едва уселись, как хозяйка объявила: «Я знаю, зачем вы пришли. Вы пришли узнать, не ведьма ли я» [62]. Нет, не ведьма.

³⁰ Это много говорит о разнице в чаяниях новоанглийской рабыни и пасторской дочки. Дьявол пообещал Титубе «красивые вещи» и домашнюю канарейку, а Бетти – поездку в «город золотой».

«Я не могу помешать людям болтать обо мне всякое», – пожал плечами Кори. Эдвард Патнэм рассказал, что его околдованная племянница назвала ее имя. К этому Кори была готова или думала, что готова: «Но она сказала, как я была одета?» Гостей настолько ошеломило, что она в точности повторила их вопрос, что они попросили ее повторить. Нет, девочка не смогла ответить, потому что «ты ослепила ее и сказала, что она не увидит тебя до темноты, чтобы она не смогла сказать нам, какая на тебе одежда». Услышав об этой маленькой уловке, Кори не смогла сдержать улыбки. Нет повода беспокоиться, заверила Марта своих гостей. Она – набожная женщина, «верующая во Христа и с радостью посещающая церковь, чтобы слушать Слово Божие», о чем оба мужчины должны прекрасно знать. Дьякон напомнил Марте, что одно лишь провозглашение веры не очистит ее имени. Ведьмы веками проникали в церкви. Похоже, ни одна из сторон не упомянула о единственном очевидном пятне на репутации Кори: до своего первого брака она родила в городе мальчика-мулата, теперь уже подростка.

Чивер и Патнэм не стали вытаскивать на свет историю пятнадцатилетней давности, потому что в тот день на Кори появилось новое пятно. Она серьезно относилась к своей вере и радовалась возможности поговорить на эту тему. Она считала себя «евангельской женщиной». И вот теперь она должна объяснять, почему месяц назад распрягла лошадь мужа, пытаясь не дать ему поехать на слушание. Да потому что это казалось ей неприличным: как из подобного мероприятия могло выйти что-нибудь хорошее? В этом она оказалась права. Ее муж рассказал ей тогда, что девочки опознавали призраков по одежде – опасная информация. Чивер и Патнэм указали на серьезность обвинения. Марту это не сильно обеспокоило: она твердо намеревалась разбить в пух и прах досужую сплетню. Да она, может быть, вообще не верит, что вокруг полно ведьм – рискованное заявление и в лучшие-то времена, совершенно невозможное сейчас. Титуба призналась, напомнили гости. Доказательство было налицо.

Кори немного отступила, однако продемонстрировала при этом слепоту другого рода. Она пообещала «открыть глаза магистратам и пасторам» – чрезвычайно неосторожное высказывание. Гости еще некоторое время разговаривали с хозяйкой, рассудительной и непреклонной, немного склонной к чтению нотаций. Она оказалась и весьма внимательной слушательницей, перефразировав апокалиптическое утверждение их пастора, будто дьявол явился и ходит меж ними в страшном гневе. Что касается Титубы, Гуд и Осборн, то она не то чтобы удивится, если они и вправду окажутся ведьмами. «Они ленивые и нерадивые, чего от них еще ждать-то», – сказала Марта раздраженно. Вот она – это совсем другое дело. Уютно устроившись в коконе своего благочестия, она думала, что неуязвима. По пути домой мужчины заехали к Патнэмам и обнаружили, что Энн совсем успокоилась. Но вечером припадки возобновились. И продолжались весь следующий день, когда другой неопознанный призрак проник в комнату. Энн не знала ее имени, хотя точно видела, что женщина с бледным серьезным лицом сидела в молельне на скамье, которую раньше занимала ее бабушка.

Через два дня Марта Кори ехала на север, в дом Патнэмов, куда ее вызвал, скорее всего, Томас Патнэм. Возможно, он хотел предъявить обвинение прямо ей в лицо. Не успела она слезть с лошади и войти в помещение, как Энн начала задыхаться. Придушенным голосом она обвинила вошедшую, после чего язык вывалился у нее изо рта и остался зажатым между зубами. Ее кисти и ступни делали вращательные движения. Когда она снова обрела дар речи, то указала на канарейку, клюнувшую Марту между указательным и средним пальцем. «Я подойду и посмотрю», – объявила она [63]. «Ну давай», – отвечала Кори, потирая ранку. Птичка исчезла, а Энн лишилась зрения. Приблизившись к обвиняемой, она рухнула на дощатый пол. После чего обвинила Кори в том, что она на той неделе ослепила еще одну женщину в молельне. И для наглядности закрыла лицо руками, и их уже не могли от него отнять. Она описала призрачный вертел, на который был нанизан человек, поджаривавшийся на огне под чутким надзором Марты. Никто больше вертела не видел, но все о нем слышали от детей Гудвинов. В этот момент Мерси Льюис, девятнадцатилетняя служанка Патнэмов, вышла вперед и

начала тыкать в видение палкой. Оно исчезло, затем снова появилось. Она вновь начала тыкать в него палкой. «Не делай этого, если хочешь жить!» – крикнула Энн, но было поздно. Мерси отлетела назад от страшного удара. «Ты ударила Мерси Льюис железным прутом», – проинформировала Энн непризрачную Марту, которая наверняка была в шоке, как и все остальные. Она не шевелилась, не видела никакого вертела. Между тем девочки так мучились, что Патнэмы потребовали от Кори уйти. Состояние Мерси ухудшалось. Когда она тем вечером сидела перед пылающим камином, ее стул вдруг поехал прямо в огонь, словно его тащили невидимые руки. С трудом трем взрослым удалось спасти девушку. Один из помощников заметил на ее коже следы укусов. Припадки у Мерси продолжались до одиннадцати вечера.

Старшая Энн Патнэм [64], чьи дочь и служанка страдали от козней нечистой силы (уж эти две девицы точно не подпадали под определение, которое Коттон Мэзер в 1692 году дал женщинам: «люди, не поднимающие в мире никакого шума» [65]), сказала свое веское слово четыре дня спустя. Она была тем самым ребенком, который приехал в Салем вместе с преподобным Бэйли, первым деревенским пастором, когда он женился на ее старшей сестре. Теперь ей было тридцать, и за эти годы она потеряла ту самую сестру и брата. Прошлой весной также умерла ее мать. А не так давно она еще и проиграла важнейшее дело в суде. После десятилетней тяжбы ее лишили возможности претендовать на какую-либо долю в огромном отцовском поместье, куда входило несколько островов, луга и паромная переправа. За тринадцать лет она родила семерых детей, дочка Энн была старшей. Потеряв в декабре восьминедельного младенца, сейчас женщина снова ждала ребенка. Ко всем этим тяготам добавилась еще одна. По ее словам, 18 марта она почувствовала смертельную усталость, «ухаживая за моей несчастной страждущей дочерью и служанкой. В середине дня я прилегла отдохнуть, и сразу же меня начали душить». Вскоре материализовался призрак Марты Кори и стал жутко ее терзать: если бы не мужчины в доме, ее разорвало бы на кусочки. Между пытками Кори подсовывала ей «красную книжечку и черное перо» и требовала, чтобы Энн вписала туда свое имя.

Ордер на арест Марты Кори вышел на следующее утро, в субботу. Ее не имели права задержать до окончания дня отдохновения³¹, так что она могла посетить молельню одновременно с теми, кто ее обвинял. Нет сомнений, это стало настоящей сенсацией: нечасто прихожанам доводилось молиться бок о бок с настоящей ведьмой во плоти. От ее рук пострадало еще несколько человек, в том числе племянница Пэрриса и служанка доктора Григса. Субботним вечером Джайлс Кори, семидесятилетний старик, никогда не служивший примером для подражания другим гражданам, сидел около камина рядом с евангельской Мартой. Она была третьей его женой, они вступили в брак семью годами ранее. Она предложила ему идти спать. Он решил сначала помолиться, но не смог не только вымолвить ни слова, но даже рта раскрыть. Марта это увидела и помогла ему, и морок прошел [66]. Ее арест, судя по всему, здорово подстегнул его память. Через пять дней он признался городскому пастору, что на той неделе на ферме Кори происходило некое «творение чудес», как называл это Уильям Перкинс в своей книге, которая лежала в кабинете Сэмюэла Пэрриса. Его быка поразила странная болезнь. И кошка странно себя вела. Без всякой необходимости Марта предложила ему прекратить страдания животного. И тут он вспомнил, что жена последнее время не ложилась, когда он уже шел спать. «Я думал, она стоит на коленях перед очагом в молитве, но ничего не слышал», – откровенничал взволнованный супруг [67]. Неуслышанные слова оказались почти такой же страшной уликой, как бормотание. С чего это женщине поздней ночью тихо опускаться на колени перед очагом? Кори предположил, что она могла произносить заклинания. Не менее вероятно, что его жена в тот момент как раз осознала, что слишком много лишнего наговорила своему дьякону пару недель назад.

³¹ Пуритане отмечали день отдохновения, или день субботний, в воскресенье (так называемое «воскресное субботничество»). Этот день посвящался исключительно богослужениям, любая работа и развлечения запрещались. – *Прим. перев.*

4. Один из вас – дьявол

Две ошибки: 1. Понимать все буквально; 2. Понимать все символически [1].

Блез Паскаль

Деодат Лоусон, предыдущий деревенский пастор, первым попробовал осмыслить происходящее. Он приехал под вечер 19 марта, через несколько часов после выпуска ордера на арест Марты Кори, и оставался в Салеме чуть больше недели. Живя теперь в Бостоне, Лоусон общался с бывшей паствой Пэрриса. Он часто бывал в гостях у известных пасторов, в том числе и у Коттона Мэзера. В Салеме он не приезжал уже четыре года, но неплохо знал фермеров с их симпатиями и антипатиями: в конце концов, если бы не их интриги, он бы до сих пор был с ними. Увиденное поразило бывшего пастора. Через три недели, когда он выплеснул свое удивление на бумагу, творившееся в Салеме можно было с полным правом назвать «редчайшей историей века» [2].

Лоусон не вернулся бы в деревню, если бы не настойчивые приглашения Пэрриса, чрезмерно загруженного работой на кафедре, и не только [3]. Ему лишь изредка удавалось готовиться к проповедям той весной, а с конца марта до середины сентября, когда он целыми днями пропадал на слушаниях, пастор не сделал вообще ни одной записи. Кстати, жалование он по-прежнему не получал. Сияясь справиться с проблемами, обрушившимися на его семью, просяживая долгие часы в суде, он, наверное, чувствовал себя человеком, пытающимся потушить пожар с помощью свернутой в трубочку газеты. Сообщения о салемских событиях быстро долетели до Лоусона – тем более что случилось все в доме, где он не так давно жил. О пришествии дьявола уже судачил весь Бостон. Лоусон спокойно отметил, что разлад среди фермеров начался, «когда меня от них отстранили» [4], но никого ни в чем не винил и оставался желанным гостем этих вздорных людей, к которым, по его словам, вернулся из беспокойства за добрых друзей. Он приобрел некоторые базовые медицинские навыки в Англии, где двадцать лет назад служил (по крайней мере номинально) королевским врачом. Он начал делать экспертные записи. Он во многом был идеальным кандидатом для этой работы, к тому же имел личный интерес. Одна из первых пораженных колдовством заявила, что именно колдуны забрали жену и новорожденную дочку Лоусона в 1689 году, и теперь их духи требовали отмщения. Если его семью принесли в жертву «злым деяниям сил ада», то он жаждал выяснить все. Как и озабоченные члены бостонского суда, которые настойчиво рекомендовали ему поучаствовать в расследовании.

В субботу Лоусон отправился в заведение Натаниэля Ингерсола, совмещавшего постоянный двор с таверной. Не успел он распаковать свои вещи, как в комнату вошла Мэри Уолкотт, дочь капитана деревенского ополчения. Джонатан Уолкотт, сосед Пэррисов и Патнэмов, раньше служил дьяконом у Лоусона. По странному совпадению Мэри Сибли, мастерица ведьминых пирожков, была тетей Мэри Уолкотт, как и Энн Патнэм – старшая, в доме которой Мэри и жила. Шестнадцатилетняя девушка несколько минут говорила с пастором, а когда повернулась к двери, чтобы уйти, вдруг застыла как вкопанная. Ее кто-то укусил! День клонился к вечеру, и в комнате было уже темно. Со свечой в руке Лоусон осмотрел Мэри, которую вспоминал затем скорее ребенком, а не молодой женщиной. И обнаружил две четкие цепочки укусов. Что-то сомкнуло челюсти на ее запястье, оставив следы зубов с обеих сторон.

Тем же ранним вечером Лоусон шагал по дороге к пасторату, к северу от таверны, вместе с женой Ингерсола. В гостиной на первом этаже, возможно, уже началась воскресная молитва. Пэррису даже не потребовалось описывать все тревожные события последних месяцев – Абигейл устроила для гостя весьма яркое представление. Бледная девочка носилась по комнате,

«размахивая руками, словно пытаюсь взлететь, и вскрикивая “уиш, уиш, уиш!”» [5] Напрасно Ханна Ингерсол старалась ее успокоить. Прикованная к одному месту, Абигейл указала рукой в пространство. «Разве вы ее не видите? – удивилась она. – Да вот же она!» Они что, не замечают старую Ребекку Нёрс? Вот же она, стоит перед ними, как на ладони! Не постеснявшись присутствия двух пасторов, Нёрс посмела протянуть Абигейл книгу, от которой одиннадцатилетняя девочка решительно и неоднократно отшатнулась. «Это дьявольская книга, я знаю!» – крикнула она [6]. Нёрс стала уверять оцепеневшего ребенка, что даже не надо подписывать, достаточно просто дотронуться до обложки. Лоусон впервые слышал о темных делишках Ребекки Нёрс, благочестивой матери семейства, бабушки и прабабушки, которая в тот день появлялась еще в нескольких местах. Именно ее призрак видела тогда Энн на скамейке старой миссис Патнэм. Тут Абигейл подбежала к камину – тому самому, около которого Титуба встретила крылатого монстра, – вытащила из него тлеющие головешки и стремительно разбросала их по разным углам дома. Лоусон было подумал, что она хочет прыгнуть прямо в камин, что уже много раз, как он позже узнал, пыталась проделать до того. Тем же самым вечером у другого камина (в нескольких километрах от пастората) некая темная сила заставила замолчать Джайлса Кори, когда он хотел помолиться.

По просьбе Пэрриса на следующий день проповедовал Лоусон. Тексты их утеряны, но вряд ли они хотя бы вполовину так же занимательны, как их восприятие публикой. На скамьях сидели пять постоянно корчившихся девочек и женщин, а неподалеку – Марта Кори, с ужасом ожидавшая ареста за колдовство. Судьи Хоторн и Корвин тоже присутствовали, как и по меньшей мере один из двух городских пасторов. Лоусон начал службу, тут же прерванную несчастными страдальцами. Вообще, пасторы были привычны к шуму: им приходилось проповедовать среди топота ног по дощатому полу, щебета птиц на стропилах, кричащих младенцев, блюющих собак и неожиданно умирающих прихожан. Конвульсии же застали Лоусона врасплох. Такого он не видел никогда. Все успокоилось, когда запели псалмы, после чего он встал, чтобы начать проповедь. Вдруг в тишине прозвенел голос. «Теперь встань и говори свое слово!» – приказала Абигейл Уильямс. А через несколько минут его речи раздался другой голос. «Теперь довольно», – объявила Батшева Поуп, сорокалетняя матрона, околдованная недавно [7]. Привыкший к порядку Пэррис наверняка сторал со стыда. Женщины не говорили на службах, совсем. Штраф за перебивание пастора составлял пять фунтов или два часа общественных работ. Только квакерские дамы раньше позволяли себе подобные, причем пугающе одинаковые комментарии [8]. «Преподобный! Ты слишком долго говоришь!» – вступала одна. «Преподобный, сядь! Ты уже сказал больше, чем умел», – продолжала другая. Стоя посреди грубо сколоченной молельни, племянница Пэрриса теперь в той же манере повелевала Лоусону замолчать: «Это очень долгая речь».

И дальше она вела себя не лучше. Пастор с кафедры зачитал план дальнейшей службы. «Я и не знала, что у тебя был план, – заявила Абигейл [9]. – Если ты о нем упоминал, то я запомнила». Потом она снова прервала проповедь, чтобы привлечь внимание общественности к поразительному зрелищу. Надо думать, все глаза и так уже буравили Марту Кори. Абигейл перенаправила внимание паствы вверх. «Посмотрите-ка, матушка Кори сидит на балке, – закричала одиннадцатилетка и ткнула рукой в потолочные стропила, – и кормит свою желтую птичку с руки!» Юная Энн Патнэм указала на кое-что еще, более опасное: канарейка села на шляпу Лоусона, висевшую на вешалке рядом с кафедрой. Взрослые бросились утихомиривать обеих девочек. Это был не первый и не последний случай подобного поведения. Немало проповедей Пэрриса в 1692 году, как позднее жаловался один прихожанин, было принесено в жертву «отвлекающему, тревожащему шуму», который то и дело поднимали околдованные [10].

На следующий день Марта Кори стояла перед молельней точно так же, как ровно два года назад, когда ее принимали в полноправные члены церкви. Сейчас помещение было забито под завязку, зрители едва не падали с галереи и ступенек кафедры. Николас Нойес, внушительных

габаритов пастор города Салема, открыл дневное слушание «очень адекватной и прочувствованной молитвой», как позже напишет об этом Лоусон. Магистраты расселись за трапезным столом. Поначалу мягко – все-таки Кори были не только членами церкви, но и состоятельными землевладельцами – Хэторн задавал ей вопросы. Зачем она мучила этих людей? Если не она, то кто? Отвечая, Марта Кори попросила разрешения помолиться, но судьи ей отказали. Она настаивала. «Мы послали за тобой не для того, чтобы ты молилась», – жестко проинформировал ее Хэторн: они собрались тут, чтобы говорить о колдовстве [11]. Кори утверждала, что в жизни не имела дела с волшебством, снова называла себя «евангельской женщиной». И обращалась к Богу, дабы он «открыл глаза магистратам и пасторам», и тогда они бы поняли, кто на самом деле виновен. Хэторн рассердился: получается, он недостаточно хорошо видит? Постепенно становясь все более язвительным, он поднял вопрос, мучивший каждого присутствовавшего: если она не ведьма, то как узнала, что Энн Патнэм спросит про ее одежду? Едва Кори открыла рот, чтобы ответить, ее тут же перебил писарь Иезекиль Чивер. Лучше не начинай со лжи, предупредил он. Патнэм тоже высказался. «Ты лжешь», – сообщил дьякон, пока она пыталась объясниться. Ее муж уже дал показания на предыдущих допросах. Хэторн повернулся к Джайлсу Кори: говорил ли он жене про одежду? Нет. «Не утверждала ли ты, что это твой муж тебе рассказал?» – поддел он обвиняемую. Либо она не нашлась что ответить, либо Пэррис не расслышал ее слов из-за шума. В записях ответа нет.

Даже присутствуя Кори на слушании Титубы, она не ожидала бы такого тона от Хэторна. С индианкой он был строгим, теперь же сделался жестоким. Судья напомнил ей, что она стоит перед представителями власти. «Я ожидаю правды, – провозгласил он. – Ты обещала». Тот факт, что она во время визита к ней дьякона предвосхищала его вопросы, был крайне тревожным. Хэторн твердил и твердил об этом, требуя объяснений. Девочки несколько раз его прерывали, чтобы указать на мужчину, шепчущего ей на ухо. «Что он тебе сказал?» – грозно спросил Хэторн. Кори никого не видела и не слышала. И тем не менее отважилась и высказала свое мнение: «Мы не должны верить всему, что говорят эти невменяемые дети». От ее слов девочки задержались еще активнее. Хэторн немного поспорил с храброй подозреваемой насчет значения слова «невменяемые», которое она произнесла трижды за несколько минут. По своей природе, заметил он, невменяемость проходит и изменяется. Состояние же девочек совершенно стабильно. Только одна Марта и верит, что они не в себе. «Все присутствующие считают, – напомнил ей и Хэторн, и городской пастор, – что детей околдовали».

Она ничего не могла им сообщить о вертеле, книге, канарейке или подозрительной мази, обнаруженной у нее дома. Как и в дальнейшем, незнание в суде приравнивалось к неповиновению. Хэторн потребовал от нее признания. «Я бы призналась, если бы была виновной», – ответила Кори, которая выглядела непреклонной, но не хладнокровной: она кусала губу и мяла пальцы в течение всего дознания, самого жесткого из предварительных слушаний. Она очень долго стояла на ногах, ее постоянно перебивали свидетели, вносившие уточнения и считавшие себя пострадавшими. Пэррис записывал урывками, в моменты затишья между вспышками словоизлияний. «А теперь будь добра, скажи мне правду, – прогремел Хэторн, – почему ты сказала, что магистраты и пасторы слепы и ты откроешь им глаза?» В такой формулировке вопрос показался Кори абсурдным. Она засмеялась. Хэторн продолжал безжалостно давить, и в итоге подозреваемая, в свою очередь, задала не менее абсурдный вопрос: «Может ли невиновный быть виноват?»

Суд, похоже, ожидал от нее демонстрации экстраординарных способностей – ей нечего было предложить суду. Ты говоришь, что мы слепцы, не отступал Хэторн. «Раз ты говоришь, что я ведьма», – парировала Кори. Он попросил ее разъяснить – она ведь упрямо обещала это сделать. А если она отказывается, то у него есть еще один вопрос: «Чем ты ударила служанку Томаса Патнэма?» – «Я никогда в жизни ее не била!» – крикнула Кори. Двое свидетелей не согласились. Может, у нее нет ни железного прута, ни фамильяра, ни договора с дьяволом?

Нет. Она что, действительно надеется избежать наказания? «Я не имею никакого отношения к колдовству», – поклялась Марта. В зале заволновались, а Хэторн вспомнил о слушаниях 1 марта. Почему она пыталась не пустить туда мужа? «Я не думала, что от этого будет какая-то польза», – ответила она. С длинных узких скамей поступил другой ответ: Марта Кори просто не хотела разоблачать остальных ведьм. Она даже улыбнулась – это же надо так извратить ее слова! Хэторн сделал ей выговор: это ей так смешны страдания девочек? «Вы все против меня, и я ничего не могу с этим поделать», – заключила Кори. Она что, не верит, что вокруг шныряют ведьмы? Она не может знать наверняка. Но Титуба же призналась, напомнил Хэторн. «Я не слышала ее речей», – спокойно ответила Марта.

Публика рассвирепела. Обвиняемая делалась все более дерзкой («Если вы все решили меня повесить, что я могу?»), девочки совсем разошлись. Они визжали, гримасничали и передразнивали Марту. Она не евангельская женщина, хохотали юные жертвы колдовства. Она евангельская ведьма! Присутствующие тут же сообщили Хэторну, что, когда подозреваемая кусала губы, на предплечьях и запястьях ее обвинительниц появлялись следы зубов. С этого момента охрана стала внимательнее наблюдать за Кори. Действительно, каждый раз, когда она сцепляла руки, девочки дергались. Когда она переступала с ноги на ногу, они непроизвольно и очень громко топали. Если облокачивалась на перекладину барьера – а стояла она уже намного больше часа, возможно, около двух, – они скрючивались в агонии. А сорокалетняя Батшева Поуп, хотя и не выдвигала жалоб до возвращения Лоусона, вдруг почувствовала, что ведьма проникла ей во внутренности, словно пытаясь вырвать их из ее тела. Взыв от боли, она швырнула в Марту свою муфту. В зале площадью десять на восемь с половиной метров нападавшие и их жертвы стояли в неловкой близости, не более чем в полуметре друг от друга. На таком близком расстоянии, при переполненных скамейках, в мутном свете и среди нервных шепотков, эти судороги и вопли воспринимались особенно зловеще. Муфта не долетела до цели. Поуп наклонилась и сняла с ноги ботинок. Он прилетел Марте прямо в голову. Вряд ли она могла с легкостью защищаться: ее руки к этому времени, похоже, были связаны, чтобы обезопасить жертв.

Хэторн разрешил обвинителям допросить Кори. Их набралось уже десять человек, примерно поровну девочек и женщин. Вопросы, как снаряды, сыпались со всех сторон. Почему Кори не присоединилась к остальным ведьмам, собиравшимся перед молельней? На какое время она заключила договор с дьяволом? (Спрашивавшие сами за нее ответили: на десять лет, из которых шесть она уже отслужила.) Хэторн втиснул сюда же вопрос из катехизиса. Кори ответила правильно, хотя, по мнению Лоусона, как-то странно. По совету девочек власти осмотрели ее руки. Не осталось ли между пальцев следа от клюва канарейки? Булавка, которой она колола одну из жертв, оказалась у последней в волосах. Еще до окончания слушания преподобный Нойес заявил, что убежден: Кори колдовала прямо у них на глазах.

Хэторн же был страшно разочарован. Он ждал признания, а его и близко не наблюдалось. Имелись лишь бессмысленные вопли да топот. Подозреваемая казалась то озадаченной, то вполне уверенной в себе. Дело-то, напомнил он, яйца выеденного не стоит. Она разве не видит, что пораженные ведут себя совершенно так же адекватно, как и их соседи? Кори не видела. Они не смогли доказать, что я ведьма, заявила она в лицо салемскому правосудию, которое – как Нойес, с самого начала не сомневавшийся в ее виновности, – было уверено, что именно этот факт они сейчас неопровержимо доказали. Через некоторое время констебль уже вел самопровозглашенную евангельскую женщину в городскую тюрьму. Следующие шесть месяцев она проведет в кандалах, ожидая суда.

Хотя больше в тот день пораженные Марту Кори не видели, покоя им тоже было не видать. Энн Патнэм – старшая, проснувшись на следующее утро, обнаружила у себя посетителя. На рассвете на нее набросилась Ребекка Нёрс, одетая в одну льняную ночную рубашку. В

руке она держала маленькую красную книжечку. Целых два часа две женщины боролись, при этом Нёрс отрицала власть Господа и Иисуса и угрожала вытрясти из Энн душу. Тем временем по деревне летала пятилетняя дочка нищей Сары Гуд, впиваясь зубами то в Мэри Уолкотт, то в младшую Энн Патнэм. Обе потом предъявили свежие укусы ее миниатюрного ротика. Одним своим взглядом крошка Дороти Гуд наслала на девочек ужасающие спазмы. Она душила их и колола, заставляя расписаться в дьявольской книжке, которых в деревне вдруг расплодилось огромное множество.

Видимо, в тот же день к дому Нёрс направилась делегация [12]. Хотя Ребекка и Фрэнсис Нёрс не принадлежали к числу первых поселенцев, они заняли особое положение в деревне, купив ферму в сто двадцать гектаров у одного бостонского пастора, которому она досталась в наследство. Почти за пятьдесят лет брака Нёрсы вырастили восьмерых своих детей и мальчика-сироту из квакеров. Это был процветающий, сплоченный клан и крепкий брак. Все их дети выжили. Они не давали ни малейшего повода думать, что имеют друг к другу претензии. Плотник Фрэнсис Нёрс считался одним из самых активных граждан в Салеме: служил присяжным и констеблем, участвовал в оценке собственности, измерял границы участков, улаживал земельные споры. Он заседал в комиссии, которая позвала сюда Пэрриса, хотя их отношения с того момента ухудшились: не так давно Нёрс заседал в комиссии, которая постановила удерживать жалованье Пэрриса. Богатые и весьма уважаемые Нёрсы были тесно связаны с Сибли и большей частью общины, о чем свидетельствует состав собранной в конце марта делегации. В нее входили трое членов другой известной в деревне семьи и Питер Клойс, свойственник Нёрса. Никто из них не имел никакого отношения к пораженным девочкам или мужчинам, подавшим первые жалобы. (Также в делегации была Элизабет, сестра судьи Хэторна.) Кто-то – скорее всего, Пэррис или Хэторн – предложил остальным вывести у Ребекки Нёрс, что она уже знает о недавних событиях, и понаблюдать за ее реакцией на их неприятные новости.

Придя в просторный дом Нёрсов, они обнаружили семидесятиоднолетнюю Ребекку в кровати, совершенно больную. Она уже больше недели никуда не выходила, но уверила пришедших, что в своей немощи чувствует себя лишь ближе к Богу. Она сразу же спросила про несчастных девочек, в частности о дочке и племяннице Пэррисов, своих ближайших соседей. Она ни разу не навещала их в пасторате. Да, упущение, но на это были причины: в молодости у нее тоже случались припадки. Она боялась, что они вернуться, объяснила Ребекка, что она может заразиться. Она очень горюет и молится за соседей, ведь ей известно, как сильно они мучаются: говорят, на них страшно смотреть. Она также обеспокоена: ведь невинных людей, таких как она сама, обвинили в колдовстве. Стараясь быть как можно мягче, насколько возможно быть мягкими, говоря очень громко – Нёрс практически не слышала, – гости сообщили, что ее имя было названо. Старая женщина некоторое время сидела потрясенная. А в конце концов сказала, что «невинна как нерожденное дитя». Посетители ушли, убежденные, что она понятия не имела, зачем они пришли, пока они сами об этом не сказали.

Если делегаты намеревались вернуть ее честное имя, то вскоре у них появилось препятствие. Возможно, на следующий день преподобный Лоусон пришел к Энн Патнэм – старшей [13]. Она лежала в постели, вокруг толпились посетители. Среда в Новой Англии была днем выпечки – сдобный аромат свежего хлеба приходил на смену острому, кисловатому запаху влажной золы. Энн особенно обрадовалась, увидев своего бывшего пастора, – она его очень любила. Муж с женой пригласили Лоусона помолиться вместе с ними, пока Энн была в состоянии это сделать. Она молилась, но недолго: вскоре начался приступ. В конце молитвы муж попытался пересадить Энн с кровати к себе на колени. Руки и ноги бедной женщины так одеревенели, что ее не удавалось усадить. Она продолжала дико дергаться, махать конечностями, и в то же время спорила, зажмурившись, с Ребеккой Нёрс, которую больше никто не видел. «Уходи! Уходи! – кричала она Ребекке. – Какое зло я причинила тебе в жизни?» Энн знала, чего хочет Нёрс. Ты этого не получишь, объявила она призраку, с которым в своем трансе деба-

тировала на тему Судного дня. Нёрс утверждала, что такого стиха в Библии нет. Энн пыталась его произнести, ее рот странно кривился, дыхание прерывалось, конечности дергались. В итоге ей все же удалось озвучить несколько слов. Она говорила об известной третьей главе Откровения, чтение которой заставило бы Нёрс уйти, и обращалась с мольбой к пастору. Лоусон колебался. Ему сделалось некомфортно из-за орудующих прямо у него под носом сил; ему не хотелось выпустить на волю еще больше этих сил; ему было страшно, потому что тут пахло библиомантией – гаданием на Библии. Однако, видя страдания своей дорогой подруги, длившиеся уже целых полчаса, он решился пойти на этот небольшой риск. Не успел Лоусон дочитать первый стих, как глаза Энн распахнулись. Она полностью пришла в себя. Такое уже бывало, сообщили окружавшие кровать люди. Тексты, которые она называла в своих припадках – причем без всякого видимого порядка или повода, – приносили мгновенное облегчение. Ордера на арест Ребекки Нёрс и пятилетней Дороти Гуд не заставили себя ждать.

В десять часов следующего утра старая Ребекка Нёрс стояла перед Хэторном и Корвином [14]. Хэторн сперва обратился к племяннице Пэрриса и Энн Патнэм – младшей. Не повторят ли одиннадцати- и двенадцатилетка свои обвинения? Абигейл утверждала, что тем же самым утром Нёрс ее избила. Энн взвыла. Хэторн пригласил остальных зарегистрировать свои жалобы. Вышли две девочки и бывший констебль. «Ты не имеешь отношения к этому колдовству?» – спросил судья, впервые задавая открытый вопрос. Не дав ей ответить, мать Энн Патнэм заголосила: Нёрс привела к ней черного человека и соблазняла ее отречься от Господа! «О Боже, помоги!» – крикнула Нёрс, воздев руки к небу. Как только она так сделала, девочки, задыхаясь и корчась, повалились на пол. Она что, не видит, сколько причиняет боли, когда размахивает руками? – спросил Хэторн.

По большей части в тот четверг он склонялся к милосердию. Перед ним стояла самая сомнительная из кандидаток в подозреваемые. Его сестра, вероятно, даже поручилась за нее. К тому же, быть может, Ребекка сама не знала, что ведьма – быть может, ее ввели в заблуждение; он допускал, что и сам не понимает, как относиться к этим зыбким видениям. Однако доказательства были неопровержимы. Титуба – которая продолжала дирижировать представлением из бостонской тюрьмы – притворялась, что любит Бетти Пэррис, а сама ее терзала. Знается ли Нёрс с нечистой силой? Как и Кори, она не видела ни черного человека, шепчущего ей в ухо, ни птиц на стропилах, на которых указывали пораженные. Хэторн воззвал к чувству стыда присутствовавших: как грустно, что достойных членов церкви приходится судить за колдовство! «Очень грустно, да», – эхом отозвалась метательница ботинок Батшева Поуп и забилась в конвульсиях. Это вызвало неудержимую цепную реакцию. Хэторн попытался выяснить, считает ли Ребекка эти припадки театральной постановкой. Она колебалась. Хэторн поменял в загадке полюса. Если Ребекка Нёрс думает, что девочки притворяются, то «должна смотреть на них как на убийц». Звучало крайне серьезно. Он уже представлял себе, как будет преодолевать снисходительность судов прошлых лет. Речь шла о смертных приговорах.

От усталости или отчаяния в какой-то момент Нёрс уронила голову на грудь. Голова Элизабет Хаббард тут же поникла. Абигейл Уильямс предупредила, что если голову Нёрс немедленно не выправить, то шея Элизабет переломится. Несколько добровольцев бросились исправлять позу старухи. Шестнадцатилетняя девушка сразу очнулась. Вскрикнула Мэри Уолкотт, кузина Патнэма, обнаружив и продемонстрировав свежие укусы. В зале нещадно кусались и щипались. Старшая Энн Патнэм вдруг одеревенела, муж взял ее на руки и унес. Воцарился хаос. Лоусон не застал ее ухода, так как ушел еще раньше, после двух часов слушания, чтобы готовиться к проповеди. Визг и рев доносились до него из молельни. Даже стоявшие почти бок о бок Хэторн и его полуглухая подозреваемая с трудом слышали друг друга, чему у остальных быстро нашлось альтернативное объяснение: Нёрс не реагировала на вопросы судьи, потому что черный человек в это время шептал ей в ухо.

Многие в зале всхлипывали от страха, однако глаза старухи оставались сухими. Хэторн посчитал это любопытной деталью и явной уликой – по слухам, ни одна ведьма не могла плакать (точнее, могла уронить лишь три слезинки и лишь из левого глаза) [15]. Жители деревни тоже были в шоке от ее безразличия. Хэторн продолжал блуждать вокруг да около, заводя допрос в тупик. Почему она не приходила к Пэррисам? И чем конкретно болела? «Ты веришь, что пораженные подверглись злым чарам?» – спросил он наконец. «Думаю, да», – согласилась она, наблюдая за творившимся в зале. Лоусон был ошеломлен вывернутыми конечностями и безумными речами ничуть не меньше, чем деревенские, которые шептали, что «им страшно сидеть рядом с подвергшимися воздействию». Он практически ощущал, как колотятся сердца, как встают дыбом волосы, как страх щекочет глотки. Что бы там ни происходило, оно, похоже, действительно заразно, предположил пастор в четверг в своей дневной проповеди. Ребекка Нёрс туда не пришла. Кое-кто видел, как она проезжала мимо молельни вместе с неопознанным черным человеком. Она же, направляясь в городскую тюрьму Салема, видела совершенно другую картину.

До сих пор на пришедшую в деревню беду реагировали в основном действиями, не пытаясь анализировать ситуацию. Лоусон хотел это изменить. Местные жители жаждали успокоения и разъяснения – и несколько часов в забитой людьми некрашеной молельне пастор работал по обоим направлениям. Он очень качественно подготовился, прекрасно понимая, что сидит на пороховой бочке: его слушали судьи и пасторы, семьи обвинителей и обвиняемых [16]. Продолжая мысли Пэрриса, Лоусон допустил, что среди них действительно орудует разъяренный дьявол, и тут же рассказал краткую биографию Сатаны (заодно продемонстрировав знание иврита и греческого). Если отбросить хвастовство эрудицией, то гибридное существо, которое он описал, – с «неуловимостью змеи, свирепостью дракона и силой льва» – походило на двоюродного брата мохнатого страшного зверя, которого Титуба встречала в гостинной Пэррисов. Ни для кого не стало сюрпризом, что этот зверь страстно желал «рвать на части, обольщать, истреблять»: чем благонравнее народ, тем яростнее Сатана его терзает. Лоусон прочитал отдельную молитву за коллегу, находившегося в отчаянном положении. Преподобный Пэррис всегда заслуживал духовной поддержки своих прихожан, но особенно она нужна ему сейчас, в этих жутких обстоятельствах.

Лоусон позволил себе выдвинуть еще пару соображений о причинах столь пристального внимания Сатаны к Салему. Фермерам стоит задуматься: а не выделил ли Господь именно их деревню под это дьявольское randevu в знак «священного недовольства, чтобы загасить кое-какие очаги раздора, тлеющие среди вас»? На скамьях в неясном сероватом свете сидели трое из тех, кто подписал в 1687 году в городе Салеме письмо, рекомендовавшее жителям деревни самим разбираться в своих дрязгах. Они не могли с ним не согласиться. Лоусон также заклеил заклинания и предрассудки: он знал о ведьмином пирожке. И понимал, что деревне нужны ответы. Однако такие эксперименты лишь доставляли дьяволу удовольствие. Не забыл он упомянуть и о чуме: Сатана «распространяет зараженные атомы в эпидемиях», дабы сеять разрушение более эффективно. Кроме того, Лоусон предостерегал от ложных обвинений и преждевременных выводов и заключал: есть только одно противоядие от змеиного яда – молитва!

В этой провокации виновен каждый, наставлял он паству. И каждый должен пройти курс серьезного самоанализа. Все местные жители – а не только те, кто каждый день просыпается в холодном поту от криков пораженных, – должны заглянуть в свои сердца и углубить свою веру. Легион дьяволов пусть натолкнется на сонм молитв. Текст лебединой песни Лоусона успокаивал, но ее мелодия походила на марш: Сатана пришел, хорошо вооружившись. Пока он собирает свои отряды, деревня должна подготовиться к духовной битве. Надо укрепить себя каждой частицей божественной брони – это испытание будет тяжелее всех прежних. Они должны, они просто обязаны утрашиться. И в то же время пастор умолял судей делать все возможное, чтобы «выявить и обуздать Сатану». Им надлежит «внушать нечестивцам страх и вершить над

ними суд». Лишь мельком коснувшись вопроса о том, может ли Сатана позаимствовать внешность у невинного, он призвал к тщательному расследованию и жесткому наказанию.

Возможно, серьезный самоанализ и развернулся в ближайшие дни, но то же можно сказать и об укусах с прочими истязательствами. В четверг муж Марты Кори признался городскому пастору, что подозревал жену в колдовстве [17]. Кори был третьим мужчиной, который предположил, что женат на ведьме. Ребекка Нёрс, чей муж единственный из всех не выступил против нее, продолжала мучить юную Энн Патнэм, по полчаса колошматя ее невидимой цепью. На нежной коже двенадцатилетней девочки вспухали круглые розовые рубцы. В деревне и окрестностях на прошлой неделе не говорили почти ни о чем, кроме показаний Нёрс, проповеди Лоусона и ареста Дороти, дочери Сары Гуд [18]. Лоусон и старший городской пастор Джон Хиггинсон даже пошли вместе с Хэторном и Корвином в тюрьму опрашивать малышку. Она демонстрировала фантастическую способность причинять вред одним взглядом и умудрялась проделывать этот трюк даже в момент, когда несколько мужчин держали ее голову. Дороти призналась, что у нее тоже есть фамилляр – маленькая змейка, любившая кормиться у основания ее указательного пальца. Она вытянула руку и показала красное пятнышко размером с укусы блохи. Это черный человек дал тебе змейку? – поинтересовались судьи. Вовсе нет, ответил пятилетний ребенок, которому предстояло следующие девять месяцев провести в кандалах. Змейку ей дала мама.

На фоне этих «ужасов, волнений и потрясений» Лоусон в своей проповеди 24 марта призвал всех к сочувствию и состраданию [19]. И хотя два пастора постоянно советовались, хотя прибегали к одной и той же системе образов, у Пэрриса, проповедовавшего в молельне тремя днями позже, был совершенно иной посыл. В то воскресенье он запутался с определением дьявола. Это может быть падший ангел или дух, князь злых духов или просто «низкие и дурные люди, худшие из них, своей подлостью и нечестивостью очень напоминающие дьяволов и злых духов». Где Лоусон обращался к Иову, там Пэррис предпочитал Иуду. Он выбрал отрывок из Иоанна, 6: 70 – если уж дьявол пробрался в ряды Его учеников, то «и здесь, в маленькой церкви Христовой», конечно, тоже водились дьяволы. Он перешел к неистовым обвинениям. «Один из вас – дьявол», – объявил Пэррис своим встревоженным прихожанам, совершив удивительный кульбит и выдав умозаключение, которое вызвало в зале нервную дрожь. «Мы либо святые, либо дьяволы. Писание не допускает середины», – возвестил он. И заодно отмел все сомнения касательно другого животрепещущего вопроса. Хэторн хотел понять, может ли дьявол принимать форму невинного человека, и пастор был непреклонен: не может. Пэррис не делал различия между теми, с кем нечистый заключил сделку, и теми, чьи тела он просто решил позаимствовать.

Его замечания прозвучали жестко, особенно для некоторых. Не успел Пэррис зачитать текст – «Иисус отвечал им: „Не двенадцать ли вас избрал Я? Но один из вас – диавол“», – как сорокачетырехлетняя Сара Клойс вскочила и бросилась вон из молельни. К удивлению присутствовавших, она громко бахнула входной дверью – либо сама, либо предоставила ветру сделать это. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась, скрежетнув металлической задвижкой. Сара пропустила слезное признание Мэри Сибли тем днем, но успела услышать вполне достаточно: она приходилась младшей сестрой Ребекке Нёрс. Ее муж был в той делегации. Сару провожали десятки внимательных глаз, хотя пройдет еще три недели, прежде чем намеки на заговор из проповеди Пэрриса свяжут с ее побегом из молельни. Большинство считало, что она выскочила из зала в ярости, и только одна остроглазая одиннадцатилетка заметила, как Клойс поклонилась дьяволу прямо у входа в дом молитв.

Некоторые опасения всплыли на поверхность до отъезда из деревни Лоусона. Возможно, утром 25 марта Джон Проктер, шестидесятилетний владелец таверны и фермер, разговорился с мужем Мэри Сибли. Проктер остановился пропустить кружку-другую по пути в город, где собирался подхватить свою служанку Мэри Уоррен, которая скоро станет одним из самых

необычных свидетелей обвинения. Человек откровенный, серьезный и прямолинейный, Проктер не выносил всех этих историй про колдовство. Он бы скорее заплатил Мэри, прорычал он, чем позволил ей прийти на слушание. Почему? – удивился Сибли. У Мэри тоже были припадки, объяснил пожилой человек, но он быстренько с ними разобрался: велел ей сидеть за веретеном и пригрозил, что побьет ее, если она снова вздумает шалить. Теперь она устраивала свой дурацкий спектакль, только когда его не было поблизости. Он собирался «вышибить из нее дьявола» [20] – и частично преуспел: Мэри вскоре предположит, что девочки притворяются. Если эти симулянтки намерены продолжать в том же духе, сообщил Проктер своему потрясенному собеседнику, то все местные жители в итоге окажутся обвиняемыми в колдовстве. Девчонок надо повесить! Как и подобает бдительному гражданину, Сибли передал этот бред слово в слово своему пастору.

Наутро после громкого ухода со службы Сары Клойс зять Ребекки Нёрс, тридцативосьмилетний Джонатан Тарбелл, пришел в дом к Томасу Патнэму. У него имелось несколько вопросов к женской половине семейства. Допросы и рассказы о допросах стали таким частым явлением в салемской деревне, что непонятно, когда там успевали готовить обеды. В доме, набитом доброхотами и маленькими детьми, Тарбелл спрашивал Патнэмов: Энн-младшая была первой, кто назвал его тещу? В конце концов, девочка вначале лишь обратила внимание, что ее мучительница – бледная женщина, сидевшая на скамье ее бабушки. Она ее не опознала. Мерси Льюис, служанка, ударившая призрака, защищая юную Энн, подтвердила, что на Ребекку Нёрс первой указала Энн-старшая. В свою очередь, Энн-старшая заявила, что это сделала Мерси. Похоже, никто не желает брать на себя ответственность, заметил Тарбелл. В тот же день группа молодых людей обсуждала новые обвинения, выпивая в заведении Ингерсола. Несколько пострадавших девиц были тут же. Вдруг одна из них закричала, что жена Проктера, Элизабет, находится в комнате. Она ведьма. Ее следует повесить! Тогда один из парней, заявив, что он ничего такого не видит, обвинил девицу во лжи. Жена Ингерсола тоже ее отчитала: это не смешно. Юная особа сказала, что оговорилась, и сделала весьма сильное признание: она так поступила ради «развлечения, у них должны быть какие-то развлечения» [21]. В тот же день двое молодых людей, помогающих ухаживать за пострадавшими Патнэмами, рассказали: они слышали, что семейство приписывало эти слова, сказанные в таверне, девятнадцатилетней Мерси Льюис.

Вскоре после этого Лоусон вернулся в Бостон и начал писать отчет о пришествии дьявола. Он пропустил пост в четверг 31 марта, который фермеры провели в молитве за пораженных. Весь следующий месяц обвинения так и летали по деревне и за ее пределы, и количество их неумолимо росло. В марте были обвинены пять ведьм. В апреле будут обвинены двадцать пять. Следующее слушание бостонский магистрат проведет уже перед более многочисленной публикой и в более комфортабельной молельне Салема. В числе первых арестованных новой волны будут Сара Клойс и Элизабет Проктер.

Отчет Лоусона о салемских ведьмах был опубликован почти сразу же после написания – 5 апреля. Такую тягу к изложению событий на бумаге можно объяснить не только активностью предприимчивого книготорговца, хотя Бенджамин Харрис именно таким и был (он разрекламировал десятистраничный памфлет как рассказ очевидца о «загадочных нападениях из ада») [22]. Эта тяга являлась типично пуританской склонностью, рефлексией буквально и логически мыслящих людей, бесконечно ищущих, помешанных на выявлении причинно-следственных связей. Святое Писание обеспечивало твердую основу законодательству Новой Англии и служило его главным текстом: здесь можно было отыскать все ответы. Человек находил здесь подкрепление, восстанавливался и обновлялся с помощью пассажей этого текста, известных всем и каждому. Столкнувшись с моральной или практической дилеммой, вы могли обратиться к любой священной странице [23]. В то же время Бог был молчалив и раздражающе непостижим.

Разгадывать его волю, расшифровывать его послания – все это и составляло дело жизни пуританина, пытавшегося понять ужасную, непроходимую тайну самых темных глубин своей веры: человеку еще до рождения суждено либо спасение, либо проклятие – так к какому лагерю принадлежу я? Эта загадка не давала пуританину расслабиться, он постоянно смотрел внутрь себя, непрестанно беспокоился. Задолго до своих мартовских тезисов Лоусон уже был ревностным, беспощадным исследователем, компульсивным самокопателем.

Постоянное наблюдение стояло во главе угла всего предприятия, шла ли речь о небесах, самом себе или соседях. Это слово фигурировало во всех церковных документах. Пастор обязательно был еще и стражем, и смотрителем [24]. Все вместе прихожане объединялись в одно «священное наблюдение» друг за другом. Мало что проходило незамеченным, как неизбежно узнавала пара, у которой ребенок появлялся через пять месяцев после свадьбы. Так что у деревенских имелись все причины фыркать с недоверием, когда их пытались уверить, что никто не видел, как в салемском городском порту причаливал корабль. Все находилось под наблюдением: кроме смотрящих за изгородами и пшеницей, община также содержала специальную команду десятников. Десятник наблюдал за семьями и тавернами, куда вмешивался, если вино лилось слишком бурным потоком (правда, рисковал при этом получить по голове стулом или железной подставкой для дров). Он являлся налоговиком и служащим полиции нравов, стражем порядка и информатором. Он проверял любого, кто выходил на улицу после десяти часов вечера. Он поощрял домашние уроки катехизиса и ловил сыпавшиеся с балкона моленной орехи. Он следил за передвижениями индейцев, а также, по воскресеньям, за уклонявшимися от обязанностей прихожанами. Городской проверяющий сам дважды в неделю подвергался проверкам. Безопасности слишком много не бывает, и незащищенный народ – разместившийся на неудобном краешке непредсказуемой дикой земли и напряженно щуривший глаза в темноту своих гостиных, в глубину лесов, в неприветливые души сограждан – очень хорошо это знал.

Спасение зависело от добродетели общины в целом – вот почему Мэри Сибли и Иезекиль Чивер извинялись перед всей деревней, вот почему нерешительность в выявлении ведьм могла сойти за содействие дьяволу. «Если сосед избранного святого согрешил, значит, святой согрешил тоже», – напоминал пастве Мэзер. В результате вам становилась известна масса интимных подробностей о своем соседе: его гардероб, его ссоры, нрав, наследственность и особенности поведения, запасы сидра и клеймо на ухе его коровы. Особенно внимательно следили за детьми, чьи моральные устои еще не укрепились и временами очень удивляли. Тотальная слежка не всегда имела негативные последствия. Если бы прохожий не заглянул одним осенним вечером в бостонские окна Мэзеров, он бы не заметил, что чепчик на их дочери, оставшейся дома в одиночестве, загорелся [25] и через несколько секунд вся она запылала бы, как факел³².

Массачусетский пуританин знал – или смиренно надеялся, – что за ним присматривают. Если вы живете в городе на холме, то по определению как бы стоите на сцене. Этот пристальный пригляд не смущал поселенцев. Он делал их – по словам Уильяма Стаутона, бывшего вице-президента доминиона, который помогал колонии самоопределиться и впредь поможет ей определиться с салемским колдовством, – цивилизацией, от которой ожидают великих свершений. «Если какой-либо народ в мире имеет в глазах небес преимущества и привилегии, – провозгласил Стаутон, – то мы и есть этот народ» [26]. Можно сказать и так. У современного же историка менее возвышенный подход. Продолавшие путь длиной почти в пять тысяч километ-

³² И если бы не вовремя заглянувший в окно сосед, то загадка заколдованного дома Уильяма Морса – сквозь который регулярно проносились коты, кабаны, ложки, камни и стулья – могла бы никогда не разрешиться. Там был Морс, глубоко погрузившийся в молитву. И еще там был его внук-подросток, швырявший ботинки в голову деда. Выросшая рядом Энн Патнэм – старшая должна была отлично знать, откуда росли ноги у этой давней тайны, из-за которой ранее было предъявлено обвинение в колдовстве.

ров жители Новой Англии «добровольно рискнули жизнью и имуществом и оказались в диких землях, где каждое воскресенье от трех до шести часов сидят на скамьях в грубых, мрачных бараках, чтобы слушать правильно проповедуемое им Слово Божие» [27]. Другими словами, комбинация сложилась идеальная. Пуританин был бдителен и осторожен. Вера заставляла его держать ухо востро и быть начеку. В общем, если вы хотели бы пожить в состоянии нервозности и нестабильности, в постоянном ожидании нападений и ударов стихии – готовясь к вторжению самых разных врагов, от «прожорливых волков ереси» до «диких вепрей тирании», как гласит повествование 1694 года [28], – то в Массачусетсе XVII века, в этом жестоком завывающем диком мире, вам бы понравилось.

В отношении того, что Мэзер в марте называл «укором небес», то тут Господь не скупился. С самого прибытия пуритан в эти края, то есть с 1630 года, Всевышний насылал на них неумные дожди и губительную плесень, гусениц и кузнечиков, засуху, оспу, пожары. Несколько десятков лет он выражал им исключительно недовольство. Через два поколения колонисты де-факто обрели независимость от Англии, что в 1684 году вынудило короля Карла II аннулировать их хартию, считавшуюся документом почти сакральным, и десятилетия благоденствия закончились [29]. Поселенцы были строптивцами и мятежниками, они чеканили собственные деньги, игнорировали законы о мореплавании, притесняли квакеров. Они, казалось, считали, что английское право не распространяется за океан. Они вознамерились основать самоуправляемую республику, пока никто не видит. Через несколько лет корона отправила в Массачусетс своего губернатора, дабы он разобрался со «злоупотреблениями на местах» и «мелкими разногласиями» между колониальными администрациями, а также координировал вопросы, связанные с обороной [30]. Приехавший возглавить правительство доминиона в 1686 году Эдмунд Андрос быстро установил абсолютную власть на всей территории от Мэна до Нью-Джерси. Он запретил городские собрания и отменил массачусетское законодательство. Он поставил под вопрос гегемонию и земельные притязания пуритан, а однажды в марте заставил бостонскую конгрегацию прождать на улице несколько часов, отобрав у них молельню для англиканской службы. Многим новоангличанам он виделся и волком ереси, и вепрем тирании.

В марте 1689 года Андрос при полном параде проследовал через весь Салем с многочисленной свитой. Приняв вызов, он спросил главного городского пастора, энергичного Джона Хиггинсона, не принадлежит ли по праву вся земля Новой Англии королю [31]. Хиггинсон, речь которого современник называл «проблеском небес», был слишком тактичен, чтобы дать гостю прямой ответ, указав, что может выступать только как священник. Андрос безжалостным тоном напомнил, что речь идет о деле государственной важности, поэтому у него есть все основания услышать ответ. Хиггинсон предположил, что земли принадлежат тем, кто их завоевал, и тем, кто выменял их у индейцев. С огромными потерями два поколения переселенцев покоряли эту пустошь. Они усмирили «далекую, каменистую, безжизненную дикую землю, сплошь покрытую кустарниками и лесами», как описывали ее первые приехавшие сюда эмигранты [32]. Салемский пастор и королевский губернатор еще какое-то время обменивались пустыми репликами о Боге и англичанах. Король, настаивал Хиггинсон, не был заинтересован в североамериканских землях до приезда поселенцев. На что Андрос взорвался и предъявил священнику еще один ультиматум, пусть и опередив график на восемьдесят семь лет³³: «Вы либо подданные, либо мятежники».

Андрос продержался до апреля 1689 года, а потом колонисты устранили его военным переворотом [33]. Мятеж, инициированный бостонскими пасторами, возглавили люди, многие из которых через три года займутся уничтожением ведьм. Еще до мятежа Инкриз Мэзер тайно отплыл в Лондон – едва избежав ареста, – чтобы рассказать короне о претензиях колонии и просить о новой хартии. Переговоры заняли почти три года, в течение которых у Мас-

³³ Имеется в виду Война за независимость США (1775–1783). – *Прим. перев.*

сачусетса вообще не было никакой политической власти. Лишь в апреле 1692 года она начала складываться из того, что пастор Топсфилда называл колониальными «страхами и невзгодами». Один возмущенный государственный чиновник недаром заметил, что Массачусетс был так же близок к установлению жизнеспособного правительства, как к постройке Вавилонской башни: социально-экономические вопросы лежали в руинах. Многие боялись, что корона неизбежно их накажет и начнет насаждать на американских территориях англиканство. Массачусетс ощущал себя крайне уязвимым, тем более что катастрофы в Колонии залива воспринимались как судебные постановления. Каждый раз, когда Господь хмурил брови – неважно, проявлялось ли это градом, чумой, заносчивыми британскими чиновниками или нашествием ведьм – он, все понимали, делал это не без причины.

Переселенцы, таким образом, готовились в 1692 году ко многому, помимо набегов индейцев и реальной угрозы со стороны французов. Они готовились к хартии, которая восстановила бы их права, и к возвращению совершенно необходимого, обладавшего колоссальным авторитетом Мэзера. Они готовились получить объяснения своим несчастьям и избавление от них. Одно время Коттон Мэзер и другие ждали еще и второго пришествия. Учитывая все катастрофы, обрушившиеся на Новую Англию, оно, казалось, было уже на пороге. Случаи колдовства в Салеме еще больше укрепили людей в мысли, что времени осталось совсем мало; по расчетам Мэзера, золотой век должен был наступить уже через пять лет. Такая определенность указывает еще на одну особенность мышления человека XVII века. Описанный прозаиком как «причудливое сочетание несочетаемых вещей и понятий»³⁴ [34], этот образ мысли, словно безумное лоскутное одеяло, состоял из обрывков эрудиции и предрассудков³⁵. Естественное легко переходило в сверхъестественное – один знаменитый священник, например, узнал о том, что его жена родила, не от повитухи, но непосредственно от Бога, – так что медицина плавно размылась и перетекала в астрологию, а наука – в чепуху.

Многие представители духовенства баловались алхимией, при этом яростно нападая на оккультизм: народная магия – это одно, а элитная – совершенно другое. Это как перестраховка из разряда «на бога надейся, а порох держи сухим»: даже исключительная набожность не сможет помешать тебе однажды предложить кому-то ведьмин пирожок. Как любой народ, сгибающийся под тяжестью собственного предназначения, пуритане страшно увлекались предсказаниями будущего. Астрологические альманахи распродавались мгновенно³⁶ [36]. В Гарварде в 1683 году из-за затмения перенесли церемонию вручения дипломов. Как ни крути, пуритане были очень далеки от бытового реализма: Господь говорил с ними с помощью раскатов грома, дыхания дракона, блеска комет. Показательно, что там, где другие ждали громов небесных, Сэмюэл Сьюэлл, брат которого забрал к себе маленькую Бетти Пэррис, вел особенно скрупулезный учет радуг: утешающие радуги, благородные радуги, идеальные радуги; радуга, выходящая прямо из книги Откровения. Сьюэлл водрузил на ворота перед своим домом резные головы ангелов в качестве защиты. В тревожном мраке религия порой становилась переходной формой от рассудка к предрассудку.

Колония залива, возможно, была самым высокообразованным сообществом во всемирной истории до 1692 года [37]. Редкость, когда так много людей способны разобрать предло-

³⁴ Олдос Хаксли. Луденские бесы. Пер. Э. Вороновой. – Прим. перев.

³⁵ Великие мыслители эпохи Возрождения не так уж отличались в этом смысле от среднестатистического человека XVII в. [35] Роберт Бойль описывал разговоры с шахтерами, которые во время работы встречались с «подземными демонами». Исаак Ньютон, помимо физики, увлекался оккультизмом, занимался алхимией и издал богословский труд на 300 000 слов («Толкования на пророчества Даниила и Апокалипсис Иоанна Богослова»). Кейнс называл его «последним из чародеев». Тот же Ньютон дал определение понятию «Антихрист». Джон Локк обращался к астрологии при сборе лечебных трав.

³⁶ Альманах 1692 г. предупреждал, что положение звезд в марте указывает на усиление вражды и вооруженные стычки: «В общем, все человечество в это время будет склонно к насилию».

жение, имея так мало книг. Большинство подрастающих девочек в салемской деревне умели читать, даже если и не могли написать собственного имени (юная Энн Патнэм, кстати, принадлежала к тем немногим, кто мог). В этом обществе самые грамотные оказывались и самыми педантичными. Новоанглийское духовенство коллекционировало доказательства существования сверхъестественных сил в том числе для того, чтобы противостоять крепнущим силам рационализма. Инкриз Мэзер собрал богатый урожай чудес и предвестий в своих «Удивительных знамениях» 1684 года, за которыми последовали «Памятные знамения» его сына, – объемистом томе, благодаря которому новости о шведском полете и сатанинском спасении достигли Новой Англии. Этакая смесь видений, одержимостей, землетрясений, кораблекрушений и летающих канделябров, «Удивительные знамения» были поразительным гибридом фольклора и всесторонних знаний, призванным порадовать священнослужителей, запросивших в 1681 году собрание «невероятных случаев колдовства, одержимостей дьяволом, ярких примеров Божьей кары» [38]. Эти «простые истории о чудесах» служили политическим целям, подтверждая божественную благосклонность к миссии Новой Англии перед лицом королевских посягательств.

Пуританин не упускал ни одной детали, которая могла бы оказаться знаком или символом. Когда он направлялся с ружьем на болота, чтобы подстрелить птицу к ужину, и за ним увязывалась лучшая из его свиней, то это, конечно, что-то значило [39]. Яростный град, побивший окна новой кухни Сьюэлла, нес провидческое послание (Мэзер уверил своего расстроенного друга, что повреждения были репетицией апокалипсиса). Жажда смыслов свидетельствовала о замкнутости на причинно-следственных связях, их толкования входили в обязательную программу повседневной жизни пуритан. Комета никогда не была просто кометой. Прожженное белье наполнилось смыслами. Когда дети Гудвинов корчились и стонали, их отец точно знал, что это наказание за его грехи. Если Пэррис и прочитал божественный укор в конвульсиях своих детей, то вслух он этого не сказал. Окружающие, однако, всё и так поняли. Коттон Мэзер сделал подобное заключение, когда другая его дочь – опасным местом был дом Мэзеров – упала в огонь.

Человеческая хрупкость несла ответственность за суровую местную погоду – стучащий зубами, отмороживший пальцы массачусетский пуританин имел все основания верить, что он слишком много грешил [40]. Нескромное поведение приводило к значительному количеству последствий: так, Инкриз Мэзер считал, что война короля Филипа началась из-за чрезмерного увлечения в колониях шелком и париками. Один священнослужитель из Коннектикута решил, что причина его вдовства крылась в том, что он слишком уж сильно наслаждался сексом с женой. Многие винили в смерти детей свою избыточную к ним привязанность. Небрежение становилось первой рабочей версией всех объяснений – тем более что эти люди страдали от чувства собственной неполноценности. Они не были набожными, как их отцы, идилическое время прошло. Осипшего кембриджского пастора ругали за плохую проповедь. Не оттого ли у меня болит левое колено, думал Инкриз Мэзер на тридцать четвертом году своего шестидесятичетырехлетнего пасторства, когда ведьмы начали летать над головами, что я недостаточно добросовестно служу Господу? (Как минимум шестнадцать часов каждого дня он проводил у себя в кабинете.) Не бывает слишком много осторожности: однажды Коттон Мэзер случайно забыл произнести имя дочери в утренней молитве – вскоре выяснилось, что часом ранее нянька случайно ее задушила. В 1690 году, увязав страдания Новой Англии с ослаблением семейных привязанностей, Сэмюэл Пэррис вынес этот вопрос на собрание священников в Кембридже. Решение было простым: массачусетское духовенство должно делать все от него зависящее, чтобы «опрашивать, наставлять, предупреждать и наказывать» каждого из прихожан «в соответствии с его семейными обстоятельствами» [41].

Этот бесконечный поиск причинно-следственных связей вел пуританина двумя на первый взгляд противоположными путями. Прежде всего, он делал из него полного энтузиазма

сутяжника. До 1690-х в Колонии залива не имелось адвокатов. Не было там места и случайностям. Любая мыслимая обида обязательно доходила до суда, куда, судя по всему, чуть что шли большинство жителей Массачусетса, ведомые одной соблазнительной идеей: если происходит что-то плохое, если ситуация выходит из-под контроля или оборачивается разочарованием – то кто-то где-то непременно в этом виноват³⁷. (Кстати, большая часть информации о правоправных салемиках фермерах дошла до нас именно благодаря судебным протоколам, своеобразному каталогу их неблагоприятных поступков. Это одновременно и впечатляющий конспект крупных и мелких правонарушений, и дань гипертрофированной вере в причину и следствие.) Жители Массачусетса XVII века были не больше склонны к злодеяниям, чем все остальные, просто они больше любили судиться. Даже переписывая официальные протоколы, они оставались дотошными бухгалтерами и любителями сводить счета. Люди, привыкшие давать показания, те, чье спасение зависело от публичного покаяния, – конечно же, из них получались превосходные свидетели. Никогда не было недостатка в желающих рассказать, что говорилось, или о чем они слышали, будто оно говорилось в прошлом поколении. Постоянная слежка друг за другом могла выглядеть совсем иначе в суде. Коттон Мэзер, призывая в 1692 году паству оставаться друг для друга зоркими сторожами, видимо, имел в виду нечто другое, чем жена Уильяма Кентлбери, залезшая на дерево и приглашавшая подругу присоединиться к слежке за соседкой (которая вытолкала ее мужа со своего участка, зашвыряв его разнообразной утварью) [43].

И тем не менее, как бы поселенцы ни были бдительны, многое все же у них пропадало – от кобыл и изгородей до добродетели. Долги и пьянство возглавляли список судебных претензий, недалеко от них ушло нарушение границ во всех формах. Что неудивительно, ведь параметры пожалованных поселенцам участков определялись примерно так: «начинается от пня и тянется к востоку на двадцать метров, до столба» или «с востока ограничивается довольно большим черным или горным дубом, стоящим на взгорке у дороги» [44]. Даже когда границы были четко обозначены, домашние животные их игнорировали. Вольно пасущиеся свиньи десятилетиями сеяли в Новой Англии раздор: соседская хрюшка постоянно топтала ваш горох. Даже невозмутимая Ребекка Нёрс одним воскресным утром пришла в ярость, увидев в саду непрошенных парнокопытных гостей, и попросила сына принести ружье (дело Ребекки в итоге осложнилось тем, что владелец скотины вскоре после этого скончался). Прося деревню починить его прогнившую, разваливающуюся изгородь, Пэррис называл ее «возмутительницей спокойствия» между ним и соседями [45]. Каждую весну скот любого из них отправлялся гулять на соседскую сторону. Из года в год в Салеме обсуждалась пасторская изгородь, что – вместе с боязнью нечестивости, голода и вторжений – уместило новоанглийскую проблему в три емких слова.

Такое впечатление, что замки в Массачусетсе XVII века вообще не работали: границы там то и дело нарушались, а в дома вламывались. У салемиких фермеров имелись основания поддерживать страх собственных жен оставаться в одиночестве: женщина подвергалась риску нападения соседа, когда ее муж отлучался в погреб за сидром. Осознанно или нет, мужчины регулярно ныряли в чужие кровати (интересно, что на протяжении 1692 года женщины-привидения очень часто беспокоили мужчин по ночам, притом что в реальности нередко случалось как раз обратное). Особенно опасными местами были темные сараи. Одна девушка из Ньюбери заявила насильнику, заманившему ее в хлев, выбив свечу из ее руки, что «скорее даст забодать себя коровам, чем будет осквернена таким придурком, как он» [46]. Подобные стычки обладали мощным разрушительным потенциалом: злые слова спорящих часто превращались в еще более ожесточенную перебранку между их родственниками, которые несли эстафету дальше, от поколения к поколению. Таким образом, вражда Патнэмов с несколькими семействами из

³⁷ Редкий новоангличанин соглашался с высказыванием тестя Сэмюэла Сьюэлла, ненавидевшего суды: «Я считаю, что закон очень похож на лотерею: много расходов, мало доходов» [42].

Топсфилда за десятилетия приобрела силу цунами, а семья Ребекки Нёрс бесконечно судилась с теми же Патнэмами за землю. Суды, основанные на английском праве, работали весьма эффективно и молниеносно. До тюрьмы доходило редко. Обычно все заканчивалось заманчивой отработкой или возмещением потерь – ну или новым иском.

Наказания были весьма оригинальными, а вот преступления – не очень. Слуги регулярно подвергались словесному и физическому насилию. Они мстили, опустошая погребя, крадя утварь или подбрасывая камни в хозяйские постели [47]. Прежде чем убежать вместе с конем и ботинками хозяина, один слуга сообщил своей госпоже, что она «обычная шлюха, сука с горящим хвостом и жаба попрыгучая». Мало кто подходил к делу настолько творчески, как та девушка, что бросила жабу в кувшин с молоком. Салемского торговца Томаса Мола постоянно вызывали в суд – у него была крайне раздражающая квакерская привычка работать в день отдохновения и требовать того же от прислуги (это видели в окно его лавки) – в 1681 году он оказался там за избивание рабыни. Мол нанес ей тридцать или сорок ударов хлыстом по обнаженной спине. Она потом две недели харкала кровью. Зачем было так жестоко бить девушку, ведь он мог просто ее продать? – спросили его. «Потому что она хорошая служанка», – объяснил Мол, который тихо пересидел события 1692 года, зато после уже не выбирал выражений.

Что суду не всегда удавалось, так это находить смысл в происходящем. Порой в безрассудном поиске причин лучшим объяснением оказывалось вмешательство потусторонних сил. Порой, как указывала группа самых выдающихся священников Новой Англии, оно было единственным объяснением [48]. И бесспорно, наиболее универсальным. Если это не дело рук Сары Гуд, то как еще объяснить падёж деревенского скота? Магия отлично связывала болтающиеся концы, отвечая за что угодно случайное, пугающее и недобрососедское. Как обнаруживал Сэмюэл Пэррис, магия отклоняла божественное правосудие и рассеивала личную ответственность. Дьявол не только давал отдохнуть от причинно-следственных связей, но и предельно ясно выражал себя: при всей их порочности, в его мотивах имелся смысл. Не приходилось спрашивать, чем вы вызвали его недовольство – что было приятнее, чем аналогичная ситуация с гневом небес, – или безразличие. А когда дьявольские махинации проявлялись именно так, как вы ожидали, то быстро становились тем, что вы видели. Своей очевидной наблюдаемостью колдовство сокрушало логические тупики. Оно подтверждало причины недоброжелательства, нейтрализовало пренебрежение, облегчало тревогу. Оно давало железобетонное объяснение, когда все шло прахом буквально к чертям собачьим.

В деревне Салем никто не жил в одиночестве. Но неожиданно – после предостережения Деодата Лоусона и зажигательной проповеди Пэрриса – все оказались еще менее одинокими, чем когда-либо. Начался разгул мрачных видений. Вечером 6 апреля, по сообщению Пэрриса, Джон Проктер пришел в пасторат и напал на его племянницу. То же самое он проделал в доме Патнэмов. В ту же среду в нескольких километрах от них двадцатипятилетний фермер по имени Бен Гульд проснулся и обнаружил стоящих у своей кровати Джайлса и Марту Кори [49]. Они дважды больно ткнули его в бок и вернулись следующей ночью, уже вместе с Проктером. Еще несколько дней Гульд от боли не мог надеть на ногу ботинок. Он стал первым из ряда молодых мужчин – обвинителей. Теперь мужчины тренировались в колдовстве на других мужчинах, правда, предпочитали воздерживаться от этого в присутствии судей. Не отбивали они и атак привидений на общих встречах – кроме единственного, но показательного исключения. Проповедь Пэрриса 10 апреля прервал Джон Индеец, пасторский раб. Джон не хуже всех остальных знал, что Титуба уже пять недель в тюрьме. Полупрозрачная Сара Клойс опустилась рядом с ним на скамью и вонзила в него зубы с такой силой, что выступила кровь. А заодно набросилась на одиннадцатилетнюю Абигейл. После проповеди, в таверне Ингерсола, молодая служанка Патнэмов снова забилась в конвульсиях. Придя в чувство, она не смогла опознать нападавшего. Ей тут же предложили список кандидатур – у всех на устах были одни

и те же имена [50]. Это, случайно, не старая Ребекка Нёрс? Не гордячка Марта Кори? Беспроигрышный вариант – Сара Клойс, на ее арест уже был выдан ордер. Тем временем в сорока километрах от места происшествия, в Бостоне, Коттон Мэзер призывал прихожан очнуться от грешного сна, готовиться к приходу дьявола, после которого придет Господь, ведь «великая революция» уже не за горами [51].

Слухи о мистических событиях в Салеме достигли Бостона по нескольким каналам. Либо из-за того, что Хэторн и Корвин запросили подкрепления, либо потому, что подкрепление ощущало себя в состоянии самостоятельно расследовать эти любопытные случаи, либо же из-за того, что в деле о колдовстве впервые появился подозреваемый-мужчина, но исполняющий обязанности заместителя губернатора Томас Данфорт сам приехал в Салем вести предварительное слушание 11 апреля. С ним прибыла делегация официальных лиц, в том числе бостонский судья и торговец Сэмюэл Сьюэлл. Будучи одним из самых знаменитых в колонии чиновников, шестидесятидевятилетний Данфорт десятилетиями способствовал благополучию Гарварда, занимая должность университетского казначея и управляющего. Одновременно с этим он служил в законодательном собрании Массачусетса. В свое время Данфорт боролся за хартию и участвовал в свержении Андроса. Он представлял собой впечатляющую фигуру. По какой-то из тех же причин, что привели Данфорта в Салем, апрельское слушание перенесли в менее убогую и лучше освещенную городскую молельню [52], почти вдвое превосходящую размерами деревенскую, с новой просторной галереей и стильными модульными скамьями [53].

В тот понедельник Данфорт назначил Пэрриса судебным писарем, и пастор вынужден был записывать рассказ собственного раба о событиях, происходивших в собственном доме. Ему пришлось нелегко. Вообще слова регулярно лились для салемских стенографистов чересчур быстрым потоком [54]. Вооруженные пером и чернилами, совершенно негодными для быстротечной какофонии зала суда, они перескакивали от прямых цитат к парафразам, от неопознанных голосов из зала к привидениям, в половине случаев не отмечая перемену говорящего. Кляксы на страницах свидетельствуют о тяжести их труда: в таких условиях сложно быть аккуратным [55]. Они сами себя исправляли. Они обобщали и интерпретировали (Пэррис описывал случавшиеся перед ним припадки как «жуткие», «ужасающие», «страшные», «отчаянные» или «мучительные»). Томас Патнэм постфактум придавал блеска показаниям свидетелей. Иногда было проще дать перу отдохнуть, указав, что обвиняемый не сказал ничего существенного, что колдовство в целом очевидно, что его свидетельство сводится к нагромождению лжи и противоречий. Писари отмечали детали, казавшиеся им наиболее важными (дерзость, смех, сухие глаза), опуская, на их взгляд, несущественное (отрицание вины). Логика обвинений побеждала нелогичность алиби. То, что оказывалось на бумаге, часто было не тем, что писавший слышал, но тем, что запоминал или во что верил. И мало кто проявил столько педантизма, как фиксировавший показания Титубы. 11 апреля, в беспокойной деревенской толпе, Пэррис не всегда мог как следует слышать и видеть. Ошибки прокрадывались в его записи.

Томас Данфорт дирижировал своеобразным хором, где каждая из одержимых – а к девочкам присоединились три взрослые женщины – вела свою партию [56]. Быстро выяснились кое-какие факты. К Джону в пасторат сначала пришла Элизабет Проктер, а позже и Сара Клойс – они вместе кололи и кусали его среди бела дня, душили несчастного раба чуть ли не до смерти, заставляя расписаться в их книжке. Данфорт, гораздо более солидный, чем Хэторн, действовал менее жестко. Он с ходу отменил случай колдовства в 1659 году, дважды отклонив вердикт присяжных. Теперь он хотел удостовериться: Джон узнаёт обеих своих мучительниц? Конечно, ответил раб и указал на одну из них, Сару Клойс, стоявшую, как на сцене, в центре зала. Клойс в жизни хлебнула горя: она бежала от нападения индейцев и годами прозябала в нищете, оставшись вдовой с пятью детьми. Жизнь ее выдалась намного более трудной, чем у ее старшей

сестры Ребекки Нёрс. «Когда я причиняла тебе зло?» – возмутилась она. «Очень много раз», – отвечал Джон. «Ах ты, лжец несчастный!» – закричала Сара.

Ее слушание шло более туго, чем слушание ее сестры, на котором она почти наверняка присутствовала. Говорили в основном девочки. «Абигейл Уильямс! – вызвал Данфорт, которого заранее ввели в курс дела. – Ты видела, как в доме мистера Пэрриса пирует компания?» Она была первой, кто произнес это слово: «Да, сэр, это у них было *таинство*». Шабаш проходил в день всеобщего поста. Клойс и Гуд исполняли роль дьяконов во время этой службы, которая велась прямо за пасторатом. Уже второй раз сообщение о дьявольском сборище исходило из пастората. Снова и снова Пэррису предстояло выслушивать истории о ведьмах, устроивших пикник у него на заднем дворе. Это могло укрепить его позицию в общине (так как указывало на добродетельность пастора) либо, наоборот, стать его позором. В любом случае у него имелся повод вздрогнуть от такого неожиданного внимания к его подтопленному, плохо огороженному пастбищу. Итак, председательствовал у них белый человек, перед которым трепетали все ведьмы. И тут Абигейл сообщила кое-что еще более тревожное, чем даже кровопитие: там было около сорока ведьм! В этот момент Клойс попросила воды и рухнула на свое место, «как человек в смертоносном припадке», отметил Пэррис [57]. Прошло ровно десять лет с того дня, когда рассерженный гончар предупреждал, что деревня никогда не сравнится с городом, если ее жители не прекратят свою грызню.

Затем Данфорт обратился к сорокаоднолетней Элизабет Проктер, недавно забеременевшей шестым ребенком, – о чем она, вполне вероятно, еще даже не знала. Тут магистрат столкнулся с затруднениями. Одна из девочек заявила, что никогда раньше не видела Элизабет. Две другие лишились дара речи. Когда племянницу Пэрриса спросили, нападала ли на нее Элизабет, она засунула в рот кулак. Племянница доктора впала в затяжной транс. То ли девочки потеряли нить происходящего, то ли стали жертвами какой-то более серьезной силы. Возможно, их пугал Данфорт: отец двенадцати отпрысков, он знал, как разговаривать с детьми. Один только Джон Индеец оказал ему услугу. Полуобнаженная Элизабет Проктер, признался он, душила его. Дважды Данфорт спрашивал, уверен ли тот, что это была именно она. Джон был уверен. Постепенно большинство девочек собрались и представили дополнительные подробности о дьявольской книжке Элизабет.

Вероятно, именно тогда – слова прилетали со всех сторон – племянница Пэрриса и Энн Патнэм – младшая подались вперед, чтобы ударить обвиняемую. Кулак Абигейл волшебным образом разжался в воздухе. Кончики ее пальцев скользнули по капюшону женщины, и девочка взвыла от боли. Пальцы были обожжены! В дальнейшем, когда эти две юные особы не бились в припадках, они переключали внимание аудитории с Джона на других: «Смотрите! У нее сейчас случится припадок!» – объявляли Абигейл и Энн, и у пораженной действительно случался припадок. В другой раз они предупреждали: «Сейчас мы все упадем!» – и семь-восемь девочек в бреду грохались на пол. За эту пророческую силу подружек скоро назовут «девочками-провидицами» [58]. Вот они показывают на деревянную балку под потолком: на ней балансирует Элизабет Проктер, жена колдуна. А скоро, предупреждают они, сам Проктер, который называл их заявления форменной чепухой, заставит метальщицу муфт Вирсавию Поуп взлететь. И в тот же момент ноги Поуп оторвались от пола. Что ты на это скажешь, грозно спросил Данфорт у Джона Проктера, внезапно ставшего подсудимым. Не дав ему ответить, Абигейл указала на двух женщин постарше. Проктер собирается напасть на них, закричала она, и обе они начали корчиться от боли. «Видишь, дьявол обманывает тебя, – предупредил Данфорт случайного подозреваемого. – Дети смогли увидеть, что ты собираешься сделать, до того, как женщина пострадала». Он настоятельно посоветовал Проктеру признаться, что с ним играет Сатана. «Увы, увy, увy», – написал тем вечером бостонский магистрат Сэмюэл Сьюэлл в своем дневнике на латыни; к этому языку он обращался, когда речь заходила о чем-то деликатном

вроде чувственных мечтаний о жене или критических замечаний тестя. И лишь после добавил веское слово «колдовство».

Проктер был единственным, кто пытался восстановить хоть какое-то здравомыслие. Грубоватый, хотя и добродушный, он был сверстником Данфорта. Жена Элизабет, которая была намного его моложе и родила пятерых из одиннадцати его детей, помогала в таверне. Проктеры также владели фермой в 280 гектаров. Джон, не теряя времени, сообщил всем желающим слушать – включая мужа женщины, которую только что заставил взлететь, – что если Пэррис даст ему несколько минут наедине с Джоном Индейцем, то он «быстренько вышибет из того дьявола» [59]. В общем, этот задира себе не изменял. Его угроза не могла понравиться Пэррису, который давно уже не верил, что дьявола можно из кого-то выбить. Однако некоторые в зале придерживались точки зрения Проктера. Салемский фермер Эдвард Бишоп ближе к вечеру привез Джона Индейца обратно в деревню на лошади. У раба начался жестокий припадок, и он вцепился зубами в сидящего впереди него всадника [60]. Бишоп ударил его хлыстом, и чары рассеялись. Джон пообещал, что впредь такого не повторится. Уж точно нет, уверил его Бишоп и поклялся подобным образом разобраться со всеми околдованными.

На следующее утро в городской молельне Пэррис пытался своей твердой, уверенной рукой составить правдивый отчет об удивительных событиях вчерашнего дня. Однако в зале царил хаос. Джон и Абигейл рычали и кружили вокруг него. Мэри Уолкотт, шестнадцатилетняя горничная Патнэмов, сидела рядом и спокойно вязала, хотя иногда ее взгляд вдруг стекленел. Выйдя из транса, она подтвердила сказанное ранее Абигейл: Джон Проктер сидит на коленях у судебного исполнителя! Джон Индеец ее поправил: Проктер сидел верхом на собаке пастора под тем самым столом, за которым Пэррис совершенствовал свои стенографические навыки. Джон выманил животное – предположительно, это оно сожрало ведьмин пирожок – из-под трапезного стола и закричал на невидимую Сару Клойс: «Ах ты, старая ведьма!» – после чего забился в таких диких конвульсиях, что четверо мужчин долго не могли его удержать [61]. Продолжая вязать, Мэри Уолкотт ненароком подняла от спиц глаза и равнодушно заметила, что чета Проктер и Сара Клойс дружно мучают Индейца. Абигейл и Джона вынесли из зала. Мэри осталась, Пэррис зачитывал исполнителю свой отчет. Когда он закончил, она указала рукой с вязаньем через всю комнату – оказывается, там собрался шабаш в полном составе: Гуд с дочкой, Проктеры, Нёрс, Кори, Клойс. Всех, кого она называла, в тот же день морем переправили в бостонскую тюрьму, в том числе и Проктера, которого, видимо, взяли под стражу без предварительного ареста. Джайлс Кори доехал с Мартой до салемского паромы, но дальше двигаться не мог: у него закончились деньги. Он поклялся присоединиться к жене на следующей неделе – он не выполнит этого обещания. В понедельник его тоже возмут под стражу.

Начали складываться некие базовые правила игры, некоторые из них можно назвать беспрецедентными. Причастные к колдовству могли оказаться мужчинами или женщинами, молодыми или старыми, странствующими нищими или процветающими фермерами, уважаемыми прихожанами или аутсайдерами. Как вскоре поймет Джайлс Кори, выражать сочувствие осужденной супруге – даже если ты до того ее оклеветал – небезопасно. Указать на виновность второй половины более приемлемо: Уильям Гуд, например, так и не попал под следствие. За скептиками начинали пристально следить. Имея возможность наблюдать и за обвиняемыми в колдовстве, и за их обвинителями с более близкого расстояния, чем кто-либо помимо Пэррисов, Джон Индеец вполне мог решить, что есть смысл назвать имена других раньше, чем другие назовут твое имя. Очевидно, безопаснее быть околдованным, чем обвиненным. Подозрения росли и множились всю неделю, которая в остальном выдалась до мурашек тихой. Все словно зависло в неподвижном ожидании. Допрос Данфорта, во время которого девочки сообщили о ведьмовском шабаше, стал своего рода молнией. Теперь пришел черед грома, от раскатов которого даже собака под столом молельни, гревшая ноги своего хозяина, не была застрахована.

Все чаще и чаще кто-то еще видел призрака, на которого указывали девочки. В деревне Салем резко улучшилось зрение. И память. Когда утренние ласточки объявили о приходе весны, констебль Херрик задержал еще четырех ведьм [62]; в последующие дни он сбился с ног, собирая свидетелей и арестовывая подозреваемых. Данфорт придал процессу легитимности, но ни в коей мере его не изменил. Единственным ощутимым результатом стало то, что Хэторн, приняв эстафетную палочку у старшего товарища, пересмотрел свою вступительную речь: в апреле она сделалась более нейтральной, чем в марте. Возможно, он почувствовал, что теперь играет на более высоком уровне.

Первым из четырех очень разных подозреваемых в молельню в восемь часов того апрельского утра вошел Джайлс Кори, за которым тянулся шлейф ярких семидесяти лет жизни. И хотя его свидание с женой на пароме выглядело кое для кого явным доказательством пособничества дьяволу, все же Кори оказался очевидной мишенью по другим причинам [63]. Когда он годом ранее стал членом салемской городской конгрегации, было упомянуто о его скандальной репутации. Полстолетия назад Кори крал со склада пшеницу, льняное полотно, табак и кое-что еще (склад принадлежал отцу судьи Корвина). Кроме того, он перевозил на каноэ лес в то время, когда должен был дежурить на посту, а потом врал об этом в суде. Еще он поссорился с местным школьным учителем и облил его грязной водой; привлекался к суду за скандалы и нарушение общественного порядка. А в 1676 году зверски избил палкой вора, нанеся ему около ста ударов, после чего утверждал, что дезориентированный молодой человек, мол, сам упал. Парень через несколько дней умер от полученных травм.

Вырывая из земли изгороди односельчан и угрожая их лошадям, Кори действовал в злобной манере Сары Гуд. Однажды он предупредил соседа, что если его изгородь не сгорит в этом году, то обязательно сгорит в следующем. В общем, деревья соседа после этого перестали плодоносить (соседом оказался отец зятя Кори. Донес о проклятии двадцатипятилетний муж его дочери, свидетельствуя против Кори). Другой свойственник сообщил, что Кори украл дрова, сено, плотницкие инструменты и двенадцать бушелей яблок. Кроме того, колдун его еще и проклял: у бедняги вышла из строя мельница. За эти годы Кори приобрел сорок гектаров сельскохозяйственных угодий, чего даже самые дружелюбные люди не добивались без крепких слов и уязвленного самолюбия. По всем свидетельствам – включая то, которое дал в суде отец Хэторна, слушавший дело о нападении, – Кори был «очень склочным и вздорным плохим соседом». Его имя часто всплывало в связи с пропадавшими кобылами и мертвыми свиньями. К семейству Кори в Салеме уже давно относились с некоторой враждебностью, их дом считался «нехорошим».

Когда пятнадцать лет назад из-под крыши жилища Проктеров вырвались языки пламени, подозрение сразу пало на Джайлса Кори. Он только-только отбил от другого обвинения, как вдруг кто-то предположил, что поджог – наверняка «дело рук некоего зла». Кори никак не отреагировал на намеки на колдовство, но сумел доказать, что тем вечером находился в постели. Его оправдали. Естественно, он сразу же подал в суд на Джона Проктера за клевету. Однако обманно добродушная натура Проктера проявилась во всей красе, когда вскоре эти двое встретились на дороге (Кори тащил вязанку дров), и он поддел соседа: «Как, Джайлс, ты опять за свое? На твоей телеге – мои дрова!» Кори признал, что это так. После чего они помирились за бокалом вина, подшучивая друг над другом и провозглашая «безграничную любовь» друг к другу, как вспоминал один свидетель. Что же, это было весьма кстати: этим мужчинам предстояло в будущем делить одно очень тесное помещение.

Много всяких старых счетов всплыло на поверхность на слушании 19 апреля. Кори отбивался, как мог. «Кому из вас причинял боль этот человек?» – спросил Хэторн [64]. Четыре девочки сделали шаг вперед. Кори все отрицал. Он не вступал в контакт с дьяволом. «А какие у тебя были искушения?» – потребовал ответа Хэторн. «В жизни никаких не было», – хмуро промолвил Кори. Так же он отреагировал, когда трое свидетелей сообщили со своих скамей,

что тем самым утром он подвергся приступу паники в своем хлеву. «Что тебя напугало?» – обратился к нему Хэторн. «Понятия не имею, о чем речь», – заявил обвиняемый, и у обвинителей тут же начались жуткие корчи. Чтобы защитить их, судья велел судебному распорядителю связать Кори руки. Разве недостаточно колдовать в другое время, пожурил он колдуна, «обязательно заниматься этим еще и теперь, перед лицом властей?» Джайлс Кори выглядел глубоко оскорбленным. «Я несчастное создание и не могу ничего тут поделывать», – ответил старый драчун, и в голосе его вдруг послышались интонации, способные вызвать сочувствие. Это стало одной из самых удивительных трансформаций той весны.

Так, стоя со связанными руками, Кори пытался объясниться. Он не помнил, чего испугался в коровнике. И не знает ничего о зеленой мази, которую нашли у арестованной Марты. Ее дала соседка, мужа которой, как оказалось, Кори обзывал «проклятым чертовым жуликом». Другие свидетельствовали о не менее грубых непристойных выражениях. Судя по всему, Кори одно время подумывал о самоубийстве и хотел при этом подставить своего родственника – что неудивительно для любого, чьи родственники давали против него показания в суде. Но ты сказал, у тебя не было искушений, поддел его Хэторн. «Я имел в виду, искушений колдовством», – уточнил обвиняемый. «Если ты соблазняешься самоубийством, то не устоишь и перед соблазном колдовать», – осадил его Хэторн, в значительной степени предвосхитив ужасный конец Кори, если раскрутить события в обратном направлении.

Другой подозреваемый в тот вторник – и единственный из четырех, кто в прошлом уже обвинялся официально в колдовстве, – оказался более неуступчивым. Жительница города Салема, возможно лет пятидесяти, Бриджет Бишоп ранее попадалась на мелком воровстве [65]. Она отчаянно дралась с бывшим мужем; однажды появилась на людях с окровавленным лицом, в другой раз – в синяках по всему телу. В 1677 году предстала перед судом за то, что назвала мужа «старым жуликом» и «старым дьяволом» в день отдохновения, а за восемь лет до того их обоих высекли за такое же нарушение. После повторного проступка их заставили целый час стоять в «день наставлений»³⁸ на рынке, спиной к спине, с кляпами во рту, ко лбу каждого прилеплена бумажка, объясняющая суть провинности. Вскоре после этого муж Бишоп умер при подозрительных обстоятельствах. Прошло восемь месяцев, и вот она – в напряженных отношениях с соседями и приемными детьми, по уши в долгах – обвиняется судом в колдовстве. Один раб вел лошадей через ноябрьский лес, когда они вдруг запаниковали и бросились в замерзающее болото. Потрясенные зеваки объявили, что животные заговорены. Через неделю этот раб вошел в хлев и обнаружил там прозрачную Бриджет Бишоп, балансирующую на потолочной балке. Она исчезла, когда он схватился за вилы.

Эти видения, как и ссоры Бишопов, были достаточно свежи в памяти жителей, чтобы обвинители до сих пор называли ее Бриджет Оливер, по имени прежнего мужа. «Говорят, ты наколдowała первому мужу смерть», – заметил Хэторн, снова погружаясь в водоворот слухов. «С позволения вашего благородия, я ничего об этом не знаю», – ответила она, качая головой. Пэррис решил, что она сделала это с уважением. Чивер – что с гневом. Если учесть, что она уже не первый раз отвечала на одни и те же вопросы, надо признать, она говорила необычайно терпеливо. В записях обоих мужчин сказано, что девочки дергались с каждым поворотом ее головы. Когда она воздела очи к небесам, моля о помощи, их глаза чуть не вылезли из орбит. Бишоп утверждала, что не знает ни дьявола, ни своих обвинительниц. На самом деле она никого здесь не знала, так как никогда не жила в деревне. Обвинительницы не согласились. У кузины Патнэмов Мэри Уолкотт имелось еще более веское свидетельство. Когда призрак Бишоп опустился на нее, она закричала. Ее брат проткнул мечом плащ ведьмы. Мэри слышала

³⁸ В американских колониях – специально выделенный день, когда назначавшийся муниципальными властями или приходом лектор вел пояснительные беседы с прихожанами, обычно на тему выбранного места из Писания, менее систематизированные и более аналитические, чем проповеди. Чаше всего проводился в рыночные дни. – *Прим. перев.*

звук разрываемой ткани. Есть ли у тебя дыра в плаще, спросил Хэторн у подозреваемой. Нет, сказала та. Хэторн потребовал провести досмотр, в ходе которого обнаружилось два разрыва. Констебль Херрик, обивщик мебели в свободное от служения закону время, задал собственный вопрос: как Бишоп смогла однажды утром проникнуть в его спальню? (Массачусетские ведьмы снова доказали свою непохожесть на всех прочих: она явилась туда, по словам Херрика, чтобы спросить, нет ли у него шторм на продажу.)

Возможно, Бишоп вела себя дерзко, чтобы не сказать провокационно, опрометчиво позволяя себе делать скептические замечания. Она не знает, что творится с девочками, и никогда не разрешала злым духам разгуливать в ее, Бриджет Бишоп, виде. Она не ведьма и понятия не имеет, что такое ведьма. Однако ей не повезло оказаться лицом к лицу с человеком безупречной логики. «Откуда же ты тогда знаешь, – прищурился Хэторн, – что ты не ведьма?» Она не поняла, что он имеет в виду. «Откуда ты можешь знать, что ты не ведьма, если ты не знаешь, что такое ведьма?» – настаивал судья. Бишоп разозлилась. Если бы она была ведьмой, Хэторн бы на себе это почувствовал. Судья расценил это высказывание как угрозу и хорошенько его запомнил. Разве она не в курсе, что другие сегодня уже признались? Она была не в курсе. Тут вскочили, брызгая слюной, двое мужчин: они же специально ей об этом сообщили! «Вот, мы только что поймали тебя на прямой лжи!» – торжественно объявил Хэторн.

Перед тем как допросить Бишоп, в тот вторник судья успешно разобрался с двумя подозреваемыми. Одной из них была хорошенькая Мэри Уоррен – та самая, из которой Проктер не так давно вышиб начавшиеся было припадки. Хэторн же попытался выудить из нее правду. Неудивительно, что рабыня не питала теплых чувств к избившему ее хозяину. За освобождение от обидчика она в свое время вывесила благодарность на столбе в молельне – так обычно все делали. Этот столб служил для сообщества своеобразной доской объявлений: отсюда вы узнавали, кто сегодня охраняет территорию или кто неправильно обучает детей, которых из-за этого следует взять слугами в чей-нибудь дом. Проктеры страшно рассердились за такой вынос сора из избы. Импульсивная двадцатилетняя Мэри, подверженная мощным эмоциональным срывам, ушла из лагеря своих сверстниц. Во время своего восстановления она из жертвы превратилась в подозреваемую, по пути, видимо, обвинив своих друзей в обмане. Вскоре она признается в колдовстве, потом снова и снова будет примыкать к пострадавшим от колдовства. Складывается ощущение, что она хотела играть все роли сразу.

Мэри подошла к барьеру – и околдованные сразу начали задыхаться, не в силах говорить, когда Хэторн спросил, причиняла ли Уоррен им вред. Служанка доктора Григса на мгновение справилась с собой, чтобы подтвердить: мол, да, причиняла. К ней присоединились Джон Индеец и Вирсавия Поуп, метательница муфт. «Недавно ты была околдованной, теперь сама колдуешь. Как это получается?» – задал вопрос судья [66]. Мэри задохнулась и закружилась. Казалось, она сама никак не определится, к какой стороне примкнуть. Потом какое-то время она стояла остолбенев, далее впала в раскаяние, рыдая и заламывая руки. Уоррен обещала сказать все, хотя оставалось неясным, перед какой из сторон девушка извинялась и что хотела рассказать. При каждой попытке заговорить она содрогалась. Хэторн несколько раз велел вывести юную подозреваемую из зала, чтобы дать ей прийти в себя. В конце концов священники и судьи допросили ее в частном порядке.

Мэри Уоррен сделалась более разговорчивой после ночи в тюрьме. На следующий вечер после того, как она вывесила свою благодарственную записку, Элизабет Проктер подняла служанку с кровати и сообщила ей, что является ведьмой – вообще салемские ведьмы были склонны представляться официально, по всей форме, сразу же презентуя все свои профессиональные достижения³⁹, – о чем, честно говоря, Мэри могла бы и сама догадаться, потому что хозяйка слишком много читала. У Элизабет имелось несколько книг, одну из которых она

³⁹ Святые, являвшиеся Жанне д'Арк, тоже обстоятельно представлялись и рассказывали о себе.

всегда носила с собой в кармане. Сюда же Мэри приплела и Джайлса Кори, одежду которого сумела описать в деталях, совершенно поразив этим ведущих допрос мужчин. Кори сводил с ней счеты по вполне приземленной причине: она не так давно посоветовала своему господину поднять цену на луг, который Кори надеялся купить. Она описала такую же спорную сделку с темными силами 21 апреля. Отвергая подсказки допрашивавших, она все же признала, что подписала некий зловещий фолиант, который ей подсунули ее хозяева, поившие ее за своим столом сидром. От ее пальца на книге осталась странная черная клякса. Понадобилось три дня, чтобы вытащить из нее эту информацию: Мэри плакала, что ее «порвут в клочья», если она выдаст тайну. Проктер действительно третировал девушку наедине, хотя если он и угрожал сжечь ее, утопить или протащить сквозь изгородь, как она утверждала, то вряд ли делал это из магических побуждений. Он явно полагался на ее благоразумие. Он признался ей, что жена доводит его до белого каления. Эти его откровения, эта близость давили на девушку. Кроме того, у Мэри в душе жил еще один страх. Она поддалась на требование Проктера подписать книгу, потому что он сказал, что иначе не будет спасать ее при следующем припадке, если она упадет в огонь или воду. Здесь она слово в слово цитировала Пэрриса, когда он советовал, как родителям следует подталкивать детей к опасностям и сразу спасать, чтобы таким образом их обучать.

Вторая подозреваемая Хэторна стала настоящим подарком небес. Четырнадцатилетняя Абигейл Хоббс, известная на всю округу разбитная девица из соседнего Топсфилда, жила прямо на границе с деревней. Подросток с самым непуританским детством в пуританском обществе, она весело проводила ночи в лесу и дразнила свою мачеху, доводя ее до отчаяния. Несколько недель назад подруга стала упрекать пришедшую в гости Абигейл за грубость. У нее что, вообще нет стыда? Хоббс велела ей придержать язык, а то она устроит скандал. Она хвасталась своей неуязвимостью и ничего не боялась, так как продала душу дьяволу. Ее свидетельские показания были в духе Титубы. И она запустила настоящую снежную лавину. Вы двигались в правильном направлении, если во время вашего выступления пострадавшие девочки сидели тихо как мыши: когда показания давала Абигейл, ни одна не шелохнулась. «Я скажу правду, – начала она [67]. – Я была очень злобной». Да, она говорила с дьяволом. И согласилась за красивую одежду щипать девочек. Ее к этому принудили собаки, кошки и некие полулюди. Она подписала несколько контрактов, первый – в лесу среди бела дня, но не в Топсфилде. Абигейл дала Хэторну один важный адрес: Каско-Бей, в ста тридцати километрах к северу, в провинции Мэн, где тремя годами ранее она пережила нападение индейцев. И назвала несколько новых имен, в том числе матери того топсфилдского констебля, который отнял свинью у не уплатившего налог фермера. Ей не хватало таланта, который был у Титубы, – подмечать детали, но это компенсировал кот, из лап которого она приняла книгу. Только когда Абигейл выдохлась и, казалось, потеряла способность слышать, девочки впервые закричали. Выпучив глаза, обвиняемая вдруг ослепла, хотя и сумела напоследок выдать: это попрошайка Сара Гуд заставляла ее молчать.

Хэторн мог только чувствовать невероятное облегчение. Его слушания затягивались и двигались уныло, в замкнутом пространстве, с изматывающими остановками и нудными повторами. Показания складывались по обрывкам и кусочкам. В конце концов, у Хэторна была своя семья и личные дела, а эта кутерьма с ведьмами угрожала поглотить всю его жизнь. Абигейл же словно подсветила некоторые моменты и будет продолжать в том же духе из тюрьмы. На следующий день она рассказала, как именно проделывала свои колдовские трюки: дьявол снабжал ее шипами, которые она вставляла в разные деревянные предметы. А она, случайно, не втыкала иголки жертве в живот? Ну да, втыкала! И хотя на собственном слушании она еще ничего не знала о тайных сборищах, на следующий день, побывав в тюрьме, уже обладала необходимой информацией. Она посещала большой слет ведьм, где ела красный хлеб и пила красное вино.

Всего прошло девять служб, заявила она, подтвердив показания Титубы, и рассказала об одной встрече, которой та не упоминала. Собирались они на запущенном пастбище Пэрриса.

На следующий вечер новое и особенно наглое видение пришло мучить младшую Энн Патнэм. И днем позднее тоже. Утром 21 апреля, перед лекцией своего дяди, Абигейл Уильямс на улице подошла к Бенджамину Хатчинсону, приемному сыну Ингерсола, который был почти на десять лет старше ее. Он шел мимо таверны отчима и нес вилы. Девочка указала ему на подозрительного маленького человечка на обочине тропы. Он, как она рассказала, обладал удивительной силой и успел натворить дел: убил трех женщин и обратил девять салемских ведьм! Он мог стрелять из тяжеленного мушкета одной рукой! «Где он?» – вскричал отважный Хатчинсон. Абигейл показала, он метнул свои вилы. Девочку затрясло, но она пришла в себя как раз вовремя, чтобы заверить молодого человека: цель поражена. Она слышала, как порвался плащ незваного гостя. Где-то через час в таверне одиннадцатилетняя жертва колдовства снова нашла Хатчинсона в главном зале: она ни капли не стеснялась просить защиты у взрослых мужчин и легко завладевала их вниманием. «Там он стоит», – сообщила она Хатчинсону, и он начал направо-налево махать своим оружием, будто играл в какие-то странные жмурки. Тем временем видение приняло форму серого кота – молодой человек продолжал бой. Наконец Абигейл объявила, что он победил. Призрачная Сара Гуд, попрошайка, унесла животное прочь.

Была середина дня. Двое поспешили на лекцию Пэрриса. Чуть раньше четырех Абигейл еще раз нашла Хатчинсона в таверне, теперь ее сопровождала его кузина, Мэри Уолкотт. Едва девочки рассказали, что одна женщина из Топсфилда укусила Мэри, как обеих их начало колотить. Придя в себя, они указали на стол: на нем стоял муж ведьмы! Хатчинсон ткнул вилами туда, где, по его мнению, находились ребра мучителя. Тут ему сообщили, что в помещении полно привидений, среди которых индеец и «большая черная женщина». К молодому человеку присоединился его друг, и они как безумные начали колоть вилами воздух, следуя указаниям околдованных девиц: в этом новом мире, если девчонка тыкала пальцем в пустоту, сразу становилось понятно, что там привидение, а вы просто слепец. Песчаный пол пропитался кровью. А на холме снаружи Мэри и Абигейл заметили шабаш, причем три ведьмы были мертвы.

21 апреля вышли ордера на арест девяти подозреваемых ведьм, большинство из них – в Топсфилде. Обвинения перешли административные границы, местное происшествие переросло в региональный кризис. Среди схваченных еще до выходных оказались жена богатейшего торговца Салема, вторая сестра Ребекки Нёрс, родители Абигейл Хоббс и черный раб. Топсфилдский констебль послушно арестовал собственную мать. Наветы множились с такой скоростью, что становилось сложно держать в памяти всех подозреваемых. Даже для педантичного преподобного Хейла салемская Бриджет Бишоп и топсфилдская Сара Уайлдс слились в одного персонажа. В течение следующих семи недель были названы пятьдесят четыре имени.

Именем Томаса Патнэма были подписаны первые жалобы середины апреля. Двадцать первого числа он почувствовал необходимость присутствовать на слушаниях лично, вместе с салемскими судьями. Выразив благодарность за их «великий вклад и равнодушие», он молил магистратов продолжать «терроризировать злодеев» [68] и обещал им всестороннюю помощь жителей деревни. Он предлагал свою поддержку и благословение, но и кое-что еще. События разворачивались стремительно: он уже знал ошеломительные последние новости, которые пока не дошли до внимания магистратов. Плетется заговор, предупредил Патнэм, «до того сложное положение, что у нас зазвенит в ушах». С формулировками ему помогли пророки Иезекииль и Иеремия, а также преподобный Лоусон, который ввел звон в ушах и терроризирование злодеев в свою проповедь в конце марта⁴⁰.

⁴⁰ Сознательно или нет, Патнэм ссылался на двух пророков, у которых случались трансы и видения.

Именно Патнэм написал письмо, где предлагалось «обращать внимание на того, кто стоит за кулисами», – весьма своевременный режиссерский ход. Он обладал тягой к драме: жертвы колдовства, по его словам, были непременно «прикорбно одержимы» или «ужасающе мучимы». Всего он состряпает больше ста двадцати доносов, почти треть от общего числа. Он будет лично свидетельствовать против семнадцати подозреваемых. По неведомой причине в тот четверг ему понадобилось добавить в слушания барабанной дроби. Возможно, этой технике он научился у Мэзеров: предсказал апокалипсис – рано или поздно, будь добр, организуй его. Патнэм ни слова не сказал о своей страждущей жене и дочери или о собственных неудачах: у него недавно сбежала овца, умерли корова и любимая лошадь, а еще он проиграл одно спорное дело о наследстве более молодому сводному брату. Нет, он говорил за всю общину, по крайней мере исподволь давал понять, что скоро это будут делать и другие. Сведя свою речь к темным предзнаменованиям – Иеремия, предрекающий грозящую катастрофу, – он не стал вдаваться в сенсационные детали. Томас Патнэм предоставил «девочкам-провидицам» сообщить «пронзительные и убийственные» новости – режиссер был гением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.